

Часть Чего-то...

Автор: Иван Перепутный

Мир обыкновенен сам по себе с момента своего зарождения. Для человека всё также просто, если брать в обширных масштабах общества. Будущее становится настоящим и для социума время неумолимо движется вперёд, отодвигая в кажущиеся недостижимыми дали временных путей некие мысли, идеи, фантазии, события и их последствия. Об одном событии, которое возможно где-то уже есть, или его не будет никогда, которое полнится ложью во благо или правдой как отображением самопожертвования, которое каждому явит себя в собственном "свете", хочется мне вам рассказать.

Автор хочет предупредить читателя и вместе с тем напомнить ему, что данное произведение является в большей мере фантастическим видением будущего, каким его представил автор. И, так как он является человеком косвенно связанным с политикой, вполне возможно, что многие течения событий, которые привели к сотворению мира, описанного в повести, способны показаться читателю надуманными и не правдоподобными. Потому ещё раз хочется сказать, что данный текст – фантастическое произведение, и основной его целью служит раскрытие общей мысли повествования, а не достоверное построение мира, созданного людьми спустя десятилетия. Однако если же вы не увидите ничего противоестественного, автор будет только рад, что ему удалось изобразить мир таким, каким он может быть и по мнению иных людей.

Также автор желает поблагодарить отличного человека Александра Квашу, который помог ему в сотворение более “живых” и правдоподобных диалогов на белорусском языке и сказать спасибо Дунчик Ирине Ивановне, благодаря труду которой “наполненность” статей на русском языке была сохранена и в белорусском тексте. Без них бы данное произведение не было полноценным творением.

Словарь (список слов и понятий, которые понадобятся при прочтении):

Проекционный визуализатор – прибор, который автоматически рендерит фотореалистичное изображение на специальный экран. Проекционный визуализатор – как таковая замена телевизора: он создаёт программы, в основном новости, по тем канонам, которые “ближе” зрителю. То есть: нравится человеку промышленные новости, а не политические, по Интернету визуализатор получает какую-либо “свежую” информацию, а после сам создаёт передачу на основе компьютерной графики, где данные новости именно по той, интересной, зрителю тематике освещаются. Фильмов и сериалов это не касается: они подбираются также по Интернету в зависимости от предпочтений, но являются снятыми “в живую”. Также ввиду 3D-движка расширенных возможностей, визуализатор в сочетании со специальным оборудованием (3D-линзами/очками и тактильными модулями – они же “кинестеты” в “народе”) способен выдавать трёхмерную, био-реалистичную проекцию, способную заменить голограмму.

Тактильные модули (кинестеты мозговые) – приборы, с помощью которых осуществляется тактильное взаимодействие с 3D картиной проекционных визуализаторов (визуализаторов). Простейшие виды подобных приборов стоят недорого, но само ощущение от их надевания остаётся, ввиду чего полностью поверить в физиологичность проекции не удаётся. Чем техника дороже, тем данное влияние меньше ощутимо. Самые дорогостоящие – специальные имплантаты, которые вместе с тем могут обладать дополнительным рядом свойств: улучшать внимание, уменьшать потребность в еде, сне и так далее – не всё это, конечно, хорошо.

Кинестеты для рук (появление таковых и подобных связано с желаниями некоторых людей лишь в контакте определённых частей тела с 3D-изображением, а также из-за дороговизны мозговых модулей) – недорогими являются перчатки телесного цвета, позволяющие ощутить изображение визуализатора как нечто физическое, однако не всецело, ввиду, собственно, облегания рук, что чувствуется надевшему их. Дорогие модели – пальчиковые накладки, надеваемые на кончики пальцев и связанные между собой пластичной силиконовой нитью, также передающей должны ощущения путём встроенных наноприборов и вместе с тем не позволяющей накладкам растеряться. На коже их присутствие почти не чувствуется, а при работе это “почти” и вовсе исчезает. Через перчатки/накладки ощущение материальности картины передаётся лишь рукам, то есть ни ноги, ни туловище хозяина кинестетов ощущать подобное при соприкосновении не будет. **Для носа** – затычки: ощутимые – грузные, словно ватные и недорогие; дорогие – плёчатые, наклеиваемые на слизистую и крайне слабо ощущаемые. Отвечают за запахи. **Для ушей:** недорогие – дисковые наушники, размером с ушную раковину; дорогие – мелкие затычки. С помощью них реальным кажется не только голос изображение, если это человек, но и шум ветра, прибоя и так далее, притом голоса рядом стоящих реальных собеседников не заглушаются, что даёт возможность вести диалог, что также увеличивает влияние внешней среды. Все данные приборы способны взаимодействовать друг с другом, ввиду чего, купив на каждую конечность и орган чувств модули, можно заменить дорогой мозговой прототип. Разница будет лишь в том, что, вполне вероятно, некоторое подспудное чувство, что на человеке нечто одето, останется – однако это редкое явление.

Напульсный дисплей (“напульсник”, “часы”) – более современный вариант часов. Вместе с тем обладают рядом иных свойств, как, например, интернет-связь, возможность взаимодействия дисплея с входящими в комплект (при покупке) примитивными или нет – зависит от цены – тактильными модулями, связь с иными владельцами данного гаджета либо телефона, фото, видео, музыка и так далее. Также каждые пять минут (либо больше/меньше – выстраивается по желанию владельца) проводят полную диагностику состояния организма хозяина и в случае чего срочно вызывают помощь, причём не только должны органы, но рассылает сообщение и по списку контактов, с которыми чаще всего поддерживается связь. Людей же вокруг призывают к оказанию должной поддержки либо помощи использованием давящего, низкочастотного звука, который нельзя не заметить. Дизайн: представляет из себя гнувшийся во всех плоскостях

напульсник, примерно восемь сантиметров в ширину. На половину поверхности данного девайса “расстиляется” экран, сенсорный, закрытый от мелких повреждений специальной не снимающейся плёнкой. Разрешение его, как и прочие настройки, можно менять в угоду хозяину. Понятно, что и функции, даже вызов помощи, можно по желанию отключить. Однако экстренное оповещение должных органов и окружающих (низкочастотный звук), функционирующее только когда человек при смерти либо мёртв, деактивировать нельзя.

Латс’О (Летательный Автомобиль Третьей Серии – Общественный) – Механическое транспортное средство, продаваемое по средней социально-доступной цене, которая варьируется незначительно, в зависимости от внутренней отделки. До сего были и Первая, и Вторая серии, ознаменовавшие собой “вхождение” летающих автомобилей в общепринятые рамки: более это не воспринимается как нечто фантастическое, но вместе с тем и распространённой вещью Л.А. назвать нельзя. В общей сложности бренду уже около 20-ти лет. За производство отвечает союзная компания Франции и Германии. Также существуют ещё два вида Латс. Это Латс’БК – “бизнес-класс”, самый дорогой и редко встречаемый, соответственно. И Латс’С – “семейный”. Цена такого не сильно выше общественного класса, но всё-таки различна. На оригинальных языках название бренда, конечно, звучит иначе, просто ввиду теперешней языковой политики жители русско- и белорусскоговорящих стран интерпретировали его для себя так, как им удобно, и название “вошло в народ”, производитель же ничего против не имеет, закрепив и данное название “за собой”.

Б.Г.И.Т.И.И. (Белорусский Государственный Институт Технологий и Искусственного Интеллекта) – одно из самых молодых и престижных учебных заведений Беларуси. Располагается, подобно И.И.Н.И.М.П., в Городе, притом являясь не очень большим, с точки зрения студенческого состава, учреждением подобного рода. Объясняется это в большей степени тем, что Институт Технологий и Искусственного Интеллекта является таковым поставщиком высококвалифицированных кадров для платформы роста и развития И.И.Н.И.М.П., который же и образовал, за счёт собственного капитала, десять лет назад данное собственное “ответвление”, которое и по сей день полностью функционирует за счёт финансовой поддержки более известного учебного заведения. Вместе с тем в мире Б.Г.И.Т.И.И., несмотря на свою пока недолгую историю, уже успел обзавестись славой надежного преподавательского органа, чьих выпускников на должность хотят получить многие, но по распределению те, в большей массе, зачастую остаются “под крылом” или более масштабного финансового партнера, или в кулуарах всё ещё увеличивающего свой учительский да студенческий штаб заведения.

Бобовый кризис – событие, имеющее свои отголоски на индустрии шоколада по сей день. Его суть: в середине двадцать первого века была стремительно развёрнута кампания по борьбе с трудом несовершеннолетних в западной Африке. Активисты, выступающие против эксплуатации детей, стремились всеми методами искоренить так называемое “рабство”, что им удалось ввиду долгих совещаний с главами большинства стран и

окончательным введением стран западной Африки в экономически нестабильное, пуще прежнего в истории, положение. Однако действие имело и обратную ценность: ввиду того, что детский труд стал под запретом, индустрия какао начала пытаться находить иные способы окупить себя. Цены на шоколад по всему миру были подняты, дабы была возможность платить заработную плату полноправным рабочим. Но подобные действия со стороны производителей не понравились покупателям, почему продажи начали падать, а следовательно и сама индустрия больше не получала стимула к существованию. В конечном итоге невыгодный бизнес был большинством корпораций покинут. Крупные организации по выпуску какао-продукции начали пытаться организовать свои плантации в иных экваториальных регионах. Но вечное нестабильное положение тех земель не давало наладить производство, так как деревья не успевали даже дать плоды, которые произрастают лишь на пятый год жизни. В итоге, когда потребитель понял, что какао-продукция заканчивается, то независимо от цены покупатель начал находить деньги для покупки. Современные технологии начали позволять путём больших вложений создавать в обширных теплицах свои плантации какао-деревьев, что и было сделано. Но компании шли на это, потому как покупатель начал соглашаться буквально на любые расценки. Зато западная Африка теперь была не главенствующей на рынке какао-бобов, таким образом лишившись одного из основных способов существования. На данный момент количество шоколада в мире приходит в норму, а из-за постоянных конфликтов на Африканском континенте страны сего региона до сих пор не могут достичь былого уровня по производству какао-бобов.

Газета “Жыццё Сегодня” - ежедневное интернет-издание, начавшее свою работу около двадцати лет назад на территории Беларуси. Отличается своей политикой касательно языкового оформления статей: издание полностью поддерживает современную моду полноправного отношения ко всем языкам мира, ввиду чего не обязывает авторов писать как-либо определённо. То есть в данном издании журналист, корреспондент сам волен решать, на каком языке ему вести свою колонку или видео-блог. Притом, спустя двенадцать часов, стараниями обширной группы переводчиков, что за свою историю собрала интернет-газета, статья или видео-выпуск становится возможен для просмотра ещё на пятидесяти основных языках, притом не важно, на каком изначально была написана или снята информация о тех или иных событиях – английском, белорусском или русском. Являясь частным издательством, создатели “Жыццё Сегодня” сумели добиться огромной популярности у интернет-читателя, ввиду чего их газету, которая также характерна своими множественными небольшими колонками, рассказывающими почти обо всём не только в стране, но и в мире, читают почти на всех шести континентах. Будучи независимым интернет-порталом “Жыццё Сегодня” выступает за полную свободу слова и независимость журналистского ремесла даже от неодамакратии. Это стремление к полному воздержанию от высших общественных деятелей также особенно ценимо читателями, ибо, по их мнению, позволяет газете объективно рассматривать множественные проблемы современного социума. Однако в событиях, связанных с нападением на Институт, были выявлены некоторые особенности, что расходятся с обыкновенной нормой поведенческих правил газеты: спустя некоторое время после выкладывания статьи на сайт, она была изменена, а

комментарии в некотором числе удалены. Это вызвало свою бурю недовольства и шквал подозрений в сторону доверенного издательства...

Сеть магазинов обуви “УльтраStep” – довольно популярная в Беларуси сеть магазинов, основной продукцией которой является обувь, хотя также продаются и иные формы одежды, а также некоторые аксессуары. Небольшое количество филиалов имеется и в Таможенном Союзе, а также ТООС. Особенно внутри страны известна своими иногда странными и не совсем разумными предложениями, акциями и скидками. В особенности их условиями да рекламой, которые зачастую являются откровенными причинами для смеха множества людей, почему увидеть шаржи на рекламу и предложения магазинов в сети интернет не является чем-то редкостным, а, наоборот, крайне часто встречающимся явлением.

П.В.Н.Н. – Прибор Воздействия На Ноосферу. Рабочее название проекта по “внесению” сгенерированных в программе людских мыслей в общий поток ноосферы. Так проект представлялся государственным созсоветам, под таким названием и остался в высших кругах управления Института после того, как успешно прошёл испытания. По официальным данным данного прибора не существует, так как первые попытки его запуска не увенчались успехом, а перерасход энергии был невообразимо огромен. Однако – это по документам и данным, которыми апеллирует множество членов всеобщего созсовета, на котором и принималось решение дать данному проекту “зелёный свет”, в данные же круги правления и была отправлена сфальсифицированная информация, вместе с сигналом самой установки, благодаря которой никаких проверок и исследований проблемы П.В.Н.Н. не осуществлялось. Точные его размеры и технические характеристики неизвестны, лишь некоторые данные, что были освещены в ранее упомянутых документах: (далее приведены лишь общие сведения из официальных записей; более точная и/или правдивая информация является секретной и скрыта) ... *высота основного механизма равняется примерно двумстам метрам, шпиль и системы питания не учитываются... основной питающий механизм находится в несущей платформе Второго уровня, на одном уровне с ним, на расстоянии в триста метров в обе стороны, расположены дополнительные питательные системы... имеются две панели-управления: одна ответственна за проектирование необходимых образов, мыслей и так далее; вторая – находится внутри конструкции П.В.Н.Н. и вместе с тем ответственна за полную регулировку системы... длина шпиля – более ста метров.*

Повесть 1

Часть Первая:

Странно ощущать себя частью чего-то... Понимаете о чем я? Наверное нет, а если и да, то на вряд ли ваше “что-то” в глобальности было сравнимо с моим. Ведь, конфуз в том, что вы также небольшой сегмент этого нечто. Ибо все очень просто... Хотя и невероятно сложно в то же время.

Ладно, давайте все по порядку.

Глава 1

На этой планете вряд ли найдутся слишком заурядные люди. У всех, даже самых гениальных представителей рода человеческого, есть свои цели, желания, мечты и, конечно, потребности. Просто они разглагольствуют о них меньше: как в голос, так и про себя. Те, кто же менее одаренный, и вовсе чуть ли не по сотне раз на дню произносят свои хотения и полуреальные цели в голове. Это и губит Человека.

Его нездоровое тревоугодие убивает. Причем не физически, а морально. Да, именно так, ибо люди уже давно деградировали до такой степени, что изредка даже не считают жизнь великим даром и кончают ее сами даже без какой-либо на то причины. Они предполагают, что наполнили свое существование всеми возможными благами и им уже хватает... О Боже, как же это до жути неверно! Жизнь – это не сосуд, который следует заполнить теми или иными событиями, это – Результат. Тот “отпечаток” на лике истории, который ты оставляешь после себя. Поэтому можно с уверенностью сказать, что наполнить полностью безмерную чашу – невозможно, и лишь распоследние глупцы считают иначе, даже не видя простой истины.

От этого и плохо Человеку, от этого Он и умер душой.

Погруженный в свои раздумья я упустил момент, когда кулак некоего парня постучал в панорамный корпус моего электрокара.

Это был Миша... Я и забыл уже.

И да, точно, я же не представился. Здравствуйте, меня зовут Алексей, и я абсолютно такой же парень двадцати трех лет, как и множество вокруг. Ну... За исключением одной примечательной вещи: мой отец член генеральной комиссии поддержания порядка ноосферы, работающей на И.И.Н.И.М.П. (Институт Изучения Ноосферы И Мыслительного Порядка), вообще не понятно, почему все еще держится в этой аббревиатуре слово “институт”, ведь учебным заведением данная организация давно (уже лет как 30) не является, скорее она содержит при себе пару колледжей и ВУЗ, только лишь для подготовки кадров по разным специальностям, которых в данном гиганте бизнес-индустрии полно. Да, именно так: созданный 70 лет назад университет теперь превратился в монстра из купюр, ибо люди всегда найдут на чем заработать... Даже на своих мыслях.

– Ну, поехали, – сказал Миша, устроившись на месте после закрытия сегмента прозрачного корпуса автомобиля.

– Что взял-то хоть? – спросил я, вспоминая про голод.

– Да так, два “горячих” бутерброда, четыре булочки с вареньем и попить.. – он заглянул в фирменный пакет закусочной, из которой вышел минуту назад, чтобы убедиться, – сок яблочный, – закончил он предложение, подняв голову и увидев медленно плывущий под каучуковыми безвоздушными колесами асфальт.

– Булочки – это хорошо, – спокойно констатировал я, слушая мерное, невероятно тихое жужжание генератора.

– Ха, знал, что ты оценишь, – без особой веселости продолжил разговор Миша, смотря на пасмурное полуночное небо, грозящее развернуться впечатляющей и оттого страшщей бурей.

Оно простиралось над нами во всей своей непостижимой мощи и красоте. Сквозь полностью проницаемый угловатый купол (более похожий на верхний разрез трапеции) спортивного электрокара, нам открывались все мельчайшие подробности, что, мало сказать, завораживало. Отсветы от гуляющих над тучами молний сверкали, еле проницая сквозь непроглядную мглу, сопровождая свое невзрачное появление раскатыстыми ударами грома, бьющими будто бы прямо над нами. Усеянные исполинами ветровых электростанций раскидистые поля, плывущие куда-то назад прямо перед глазами, под воздействием подобной обстановки, в мгновения отрывистого резкого света, стремящегося с небес, под аккомпанемент раскатов, выглядели как-то неестественно. Будто всегда были таковыми, не тронутыми людьми.. как-то угрожающе величественно... Но почему-то красиво, особенно учитывая мягкое оранжево-розоватое освещение выходящего из-за бесконечно далекого горизонта Солнца, дополняющего атмосферой картину издали, позади настроенных людьми технологических нововведений. Оттуда, куда даже надвигающийся ураган достать не мог. Оттуда, где, вероятно, было лучше, чем здесь.

Мы уже подъезжали к зеву тоннеля, ведущему на первый уровень города, как Миша нарушил такую умиротворяющую тишину, так приятно гармонирующую с мягким шуршанием шин об дорогу, окрашенную пока только начинающимся дождем, легко выбивающим неровные ритмы по корпусу авто.

– Включи, может, что-нибудь, а то, что-то вообще не по себе, – пробубнил парень, с удовольствием жуя свежее испеченную булку.

– Чего это тебе “не по себе”? – лениво поинтересовался я, не спеша расставаться с неизмеримо низкими децибелами.

– Ты молчишь, дорога – ни одной машины, еще и гроза... – Миша перевел глаза с пустынной трассы на хмурые небеса.

По поводу автострады я был с ним согласен: что-то вообще никого. Хотя, сейчас пять часов утра буднего дня... Так что удивительно это, или нет, надо еще подумать... Но я занимался в тот момент все же не размышлениями: по просьбе друга, как только мы въехали в переходящий на уровень выше туннель, я включил Wi-Fi-радио – пусть интернет сеть и окутывает весь мир, всё равно привык я слышать музыку лишь в крупно населённых местах; где же людей нет – там мне с моими думами хорошо.

Пару секунд блеклое освещение падало в салон, скудно даруя свой нездорово-желтый цвет внутренностям электрокара. Я не любил свет этих ламп: в нем люди выглядят почему-то всегда еще более уставшими, чем есть на самом деле.

Переезд с цокольного этажа никогда не занимал много времени (в особенности ввиду того, что тут не было никаких автоматов-приёмников) и этот раз не был исключением. Собственно, автоматическая система Wi-Fi-координации также сделала свое дело безотказно: безо всякого чужого участия нашла первую удовлетворяющую меня “волну” по запросам, введённым в компьютер кара уже давно. Поэтому когда мы вновь выехали на “свежий воздух”, из колонок, начиная с соло духовых, медленно раздался ритм-блюз, а перед глазами пролегло величие человеческого гения.

Тут исполинские здания только начинали свой разгон к небесам. Поэтому здесь мы видели лишь “корни” гигантов из металла, стекла и бетона. Однако даже от этого сердце не билось реже: даже первые этажи небоскребов просто потрясали своими размерами и мерцанием тысячи светодиодов, встроенных в них же ради красоты... Переливочные цвета разной яркости время от времени сильно давили на глаза, хотя ладно, чего уж это я, к данному довольно быстро привыкаешь.

И хоть входы в высочайшие здания находились тут, в дебрях невероятно обширных “корней”, жили в этих монолитах отнюдь не обитатели Первого уровня.

Под гипнотизирующее пение ¹**Нины Симон**, приобретали особые краски и строения, чьи вершины терялись в энерговыробатывающем куполе и были не видны отсюда, предназначавшиеся для людей Второго и Третьего (конечного) этажа. Народ же не обладающий такими привилегиями и местом жительства, существовал в специальных невысотных (по тридцать этажей максимум) домах здесь же, “внизу”... Собственно к одному из подобных зданий я и вез сейчас Мишу.

Взяв из пакета одну булку я, с удовольствием пережевывая все еще теплое тесто с вареньем, смотрел вверх, на въезд на Второй уровень... Думаю, вы уже догадались, что туда я отправлюсь после.

А сейчас я в очередной раз услышал раскат грома где-то высоко над собой. Но только небес я, как и мой друг, уже не видел: закрывала электропроизводящая платформа следующего этажа города.

“Как же тут еще тихо”, – следя за волнами перетекающего на фасаде высоты разноликого света, всплыло у меня в сознании. Но не стоило, конечно же, забывать и приставку: “еще”. Ибо знающий поймёт, что вскоре все вновь начнется.. уже который месяц начинается. А заканчиваться пока, вроде бы, не планирует.

Что? Хм... Думаю для этого еще будет время. Сейчас же о плохом мне думать не хотелось.

Вдруг сверху совершенно бесшумно пролетел контрольный квадрокоптер: значит и патруль скоро выставят, а пока только улицы проверяют, не началась ли активность раньше времени... Эх, и как же все-таки в такой обстановке о плохом не думать?

Наконец доехав до регулировочного компостера номер 223 (каждому дому свой номер) я, пожав руку Мише и предварительно отворив сегмент, попрощался:

– До встречи мужик.

– Давай, – раздался ответ, когда “дверь” электрокара “вливаясь” переносилась обратно в корпус, а Мишка приложил свой идентификационный код на запястье, – я так по старинке карту предпочитаю, – к распознавателю: доказательство, что он действительно живет в этом строении.

Вывернув из небольшого переулочка, наполненного едва внятным смогом и искусственным радужным светом, льющемся сверху с гигантов домостроения, я украдкой заметил, что дружище оставил (на своем сиденье) мне всю еду.

Хм... Ну что ж, нечего сказать, кроме как спасибо. Хотя обычно когда мы ехали с разных вечеринок он все забирал. Видимо, сегодня ему также не шибко понравилось.. может потому, что не был весел я?...

Монохромный цвет полотна, так приятно скребущегося под колесами, приковывал взор своей простотой, среди всего этого волнообразного неона, разносторонней (в обычаи бессмысленной) рекламы и яркого свечения, так не кстати идущего под дождливую погоду.

Выехав на дорогу ко Второму уровню, мне встретился первый автомобиль за сегодня. Куда-то неторопливо левитирующий аэромобиль. Дорогая штука, а прока от нее немного – только что от земли на полтора метра оторваться может, да и только на современных трассах, где полотно намагничено.

Под аккомпанемент сходящих на “нет” духовых и ударных, я выехал из еще одной не длинной бетонной кишки. Слава, что дом был близко, а то чувствовал я, что еще немного и усну прямо за рулем... Не, все же с инъекционным адреналином сильно не шутить: остаточный эффект не порадует.

Разъехавшись с еще одним автомобилем, на этот раз электроседаном, я завернул к близлежащей подвесной парковке для одного из небоскребов.

Вылез из машины, прихватил пакет с едой, оставил предохранитель на корпусе (отпечаток пяти пальцев) и пошел к лифту, рядом с которым и расположился автомат для авторизации личности. Нужную карту нашел я быстро, что удивительно, в моём-то состоянии.

Нет, я не был пьян, хотя и был к этому близок, я просто был сильно уставшим человеком, которому хотелось как можно скорее лечь в постель... Хотя подобное, думаю, чувствует каждый представитель рода людского в этом Мире почти каждый день.

Упершись плечом в стеклянную стену лифта, я отвернулся от медиаконтроллера, став лицом к городу. Мне всегда нравилось так подниматься наверх, все же была в людском гении своя красота: Второй уровень сплошь состоял из “идущих” к небесам зданиям, по мере продвижения вверх сужавшихся к конечному шпилью. Однако тут, посреди их

пути, была самая красота и она была мне только открыта: конец их восхода пропадал в энергетической системе пласта скрученных кабелей да прочих механизмов, в своей совокупности составляющих “почву” Третьего яруса. Реклама всевозможных товаров транслируемая светодиодами на самих домах еле-еле пробивалась своим светом сквозь наплывший смог и разворачивающийся ливень. Машин пока было немного, но уже кое-где мелькали отсветы на бортах и фары ближней видимости. Патрульные квадрокоптеры неспешно спускались на нижний этаж, дабы увеличить площадь наблюдения, и эта вереница винтовых аппаратов, стремящихся с главного офиса стражей законопорядка, находившегося на Уровень выше, в предрассветной мгле также привлекала собой.. будто дополняя картину.

Да, как же жаль, что я ничего не слышу в этой кабине. Конечно, на данный момент уровень шума будет не самым высоким за сутки... Но так даже и лучше.

Удар первых капель по стеклу лифта сопровождался его остановкой: моя квартира. Да, теперь людей “подбрасывали” прям до дверей... С одной стороны это хорошо, а с другой в очередной раз показывает его лень сделать пару лишних шагов.

Когда сенсорный считыватель построения узора ладони осветился зеленым, путь к моей комнате мне наконец открылся. И я, не заходя в душ и даже не раздеваясь, валясь с ног, прошагал до кровати... А потом сразу провалился в сон, завалившись прямо на не снятую чистую простыню.

Глава 2

Ночь вроде как была спокойной, хоть и недолгой.

Разбудил меня самостоятельно включившийся проекционный визуализатор: срочные новости (при них всегда функционирование автоматическое), которые я вряд ли мог принять серьезно на больную голову, ведь обычно именно таковой она бывает, когда ложишься с истраченной энергией.. и встаешь таковым же.

Но надо было действительно послушать, ибо последнее время в городе, да и во всей стране в целом, держится не самая приятная ситуация, и меня она касается так же сильно, как и всех остальных. Поэтому:...

– Демонстранты вновь устроили разгромный дебош, однако на этот раз манифестация началась гораздо раньше, нежели до сегодняшнего дня, – бесчувственно начала женщина в пиджаке и с механическими глазами (ведущих уже лет как десять променяли рендеры проекционных визуализаторов, чтобы во время чтения новостей хоть какие-либо чувства не проступили, а то ведь события бывают разные, а в эфире всё быть должно серьезно), я увеличил звук, еще больше пытаюсь вникнуть в суть вышесказанного.. хоть пока её и не было. – Очевидцы рассказывают, что не было еще шести часов утра, как группы молодых людей, проживающих на Первом ярусе города, начали выходить на улицы и объединяться в многочисленные марши, при этом разрушая государственное или частное имущество, что также посчиталось странным, ибо до этого каждое подобное

мероприятие начиналось с выкриков всевозможных лозунгов и призывов. Видимо, ситуация приобретает куда более серьезный оборот, нежели власти могли представить. Поэтому и был собран немедленный конгресс, чьей задачей является выявить пути решений, которые способны помочь урегулировать сложившиеся обстоятельства. Хотя в данный момент никаких еще результатов нет, ибо само требование Восставших, напоминая, уравнивание прав каст страны, идет на грани неразумного. Так же масла в огонь добавляют и третьи стороны конфликта, ко всем вопросам причисляющие ещё и тему разъединения страны с целью самостоятельного примыкания к иным Территориям. Так что вряд ли удастся добиться компромисса.. и остается только надеяться, что одна из сторон всё-таки сделает свой шаг доброй воли.

Я резко отключил медиа-экран. Несколько секунд посидел, закрыв ладонями лицо, после чего повалился обратно на кровать со вздохом:

– Люди... Насколько же они глупы.

Хотя, можно подумать, будто я умнее.

Я лежал еще минут пятнадцать, после чего с трудом встал, решив обмыться, резонно подумав, что так хоть немного смогу ослабить головную боль.

Из тонированной кабинки душа, висящей на высоте пары сотни метров, вид на город был столь же хорош, как и из ранее упомянутого мною лифта.

Я не видел Первый уровень, и в какой-то степени был рад этому: сейчас не очень-то желалось смотреть на общее беспокойство, вылившееся в далеко неслабые беспорядки.

Я смотрел на мерно едущие, летящие, левитирующие автокары, в утреннем тумане мигающие своими светодиодами, покрывающими чуть ли не всю машину. Дождь хило барабанил в непрозрачное стекло. Он явно был холодным, тогда как я сидел под сильной струей горячей воды... И почему-то, думая о каплях влаги снаружи, мне становилось так уютно.

Вылезая из душа, я чуть ли не грохнулся на сверкающий мрамор: голова вдруг закружилась. Ладно, бывает, главное, что боль действительно утихла... Надолго ли?

Вытираясь полотенцем, я вернулся в комнату, взял со стола ЭкПЭл (экран планшетный электронный) и развернул меню планов на сегодня – полезная вещь, кстати, составление списка, ибо больше запоминаешь тогда. Только сейчас мне думать абсолютно не хотелось.

Ага, значит, вновь с Мишкой к Лэйн-Стриму едем. Конечно, как по мне, клубы это хорошо, но даже хорошего иногда бывает много: особенно когда у тебя много денег и много свободного времени.

Конечно же, деньги не совсем мои: наполняет мой карман лишь наличность, честным трудом заработанная отцом. А так как последний семестр обучения в

И.И.Н.И.М.П. сдан, причем я сделал это первым из всего, наверное, “универа” (мозги хорошие, от отца), и на носу еще всё, без двух недель, лето, то...

“ Эх, а ведь уже начинает надоедать,” – с такими не самыми весёлыми мыслями я сел за руль.

Итак. На нижнем ярусе не всё спокойно, поэтому ехать надо будет в обход центральной площади (там “сердце” беспорядков) и как можно аккуратней, смотря почаще по сторонам. Собственно это я и начал делать, выехав из туннеля, прибывая притом в небольшом потоке машин, и очутившись на Первом этаже.

Мерцали огнями биллборды, уныло смотревшиеся в покрапывающем дожде. Светодиоды зданий дарили свои блики полированному корпусу электрокара.

Рассматривая всё это яркое великолепие, выглядевшее довольно мрачно ввиду льющейся с небес влаги, я даже не заметил, как с левого боку из дворов выбежал полный человек в серьёзном костюме. Он явно принадлежал к знатному роду и был отнюдь не третьесортным “служителем народа”: член либо Сената, либо Правой рады. Как я это понял? Просто – малахитовая заклёпка на галстук, такие так просто не купишь и отличительный материал не случаен.

За ним выбежала с полдюжины революционеров с повязками на лицах. О, дело было плохо.

Я сразу встрепенулся. Однако спустя секунду дал по газам: человек накинулся на прозрачный корпус кара (я стоял в крайней полосе) и забарабанил по нему кулаками, выпрашивая впустить в авто... Но я решил иначе.

Не знаю.. не уверен, что со мной произошло, то ли шок, то ли страх, но глаза того мужчины, которыми он смотрел вслед моей уезжающей машине – его последней надежды, – я не забуду никогда. Наверняка еще и ввиду того факта, что в следующий миг на знатного гражданина накинулось шесть противников власти...

– Сегодня, говорят, вновь пенная будет, – поведал Миша, когда мы уже подъезжали к Лэйн-Стриму.

– Хочется верить, что в этот раз получится лучше, чем в прошлые два, – ответил я.

– Ха, это верно, – усмехнулся парень, вылезая из авто.

Большая коробка с парковкой рядом; обнесённая забором и дорогими машинами частых зажиточных посетителей; окрашенная в цвет-хамелеон, меняющий свою палитру в зависимости от погоды; стоящая посреди поля с двумя прожекторами на крыше, изображающих в небесах наименование заведения; и была клубом Лэйн-Стрим, в котором всегда было невероятно жарко... В этот раз, понятное дело, тоже.

Была в Лэйн-Стриме одна интересная концепция, из-за которой в него и хотели попасть все, у кого только деньги водились: две параллельные друг другу зеркальные вращающиеся плоскости, занимавшие весь пол и потолок зала. На этой (нижней) площадке и танцевали люди... Хотя, как сказать танцевали, скорее выполняли некие телодвижения пребывая в алкогольном или же наркотическом опьянении. Верхняя поверхность служила в качестве огромного светоотражающего щита, идущего против движения коллинеарному ему собрату.

По бокам от танцпола находились балконы, на которых располагались кресла да столы, а также молодой бармен и так далее в рамках жанра интерьера обычного ночного клуба. Хотя данное заведение “обычным” мало кто называл.

Спустя тридцать минут после нашего прибытия, когда я уже порядком вспотел, а под мою рубашку тянулась рука очередной подвыпившей “светской львицы”, только тогда из-под вращающейся площадки начала поступать пена, быстро заливая зал и людей в нём.

Золотая молодежь кричала от восторга, будто впервые видели подобное... А когда в пену добавили фосфоресцирующей краски, а свет, которого и так было немного, понизили до минимума. Весь зал просто взорвался танцами, хлопками и взвизгиваниями восторга.

Однако даже сквозь эту какофонию звуков я сумел различить обычный, но такой неожиданный призыв:

– Помогите! – истошно закричала девушка лет двадцати, держа на коленях голову еще одной особы женского пола, в свою очередь бьющуюся в слабых конвульсиях. Спустя секунду она также истошно добавила, протягивая последние гласные: – Девушке плохо!

Но ее никто не услышал, ибо были все поглощены весельем и “отрывом” от реальности.

А девица все продолжала пытаться достучаться до человеческих душ, которые сейчас покинули тела избалованной молодежи:

– Помогите!

Даже спустя полминуты она, в слезах и светящейся пене, не переставала рвать глотку ради явно дорогого ей человека, муки которого всё ухудшались. Но спасение всё-таки пришло: пару людей вокруг этой пары заметили плачущую девушку и тут же ринулись помогать, в основном также крича в толпу с требованием подсобить.

А ведь ответ был прост: завести к врачу в город, да как можно скорей. И главное, я мог это сделать.. но первым развернулся и пошел к выходу.

Я, видимо, и вовсе заметил этих двоих (опять же) первым, однако принявшись помогать стал бы основным лицом, ответственным за жизнь той девицы. Плюс мне несильно хотелось видеть человека с валяющей изо рта

пенной у себя в чистейшем салоне нового электрокара... Может, я и эгоист, но уверен, что найдутся другие смельчаки.. может быть.

В конце концов хватит с меня на сегодня неприятностей: мужика на Первом ярусе было вполне достаточно.

Я сажусь в машину и опрометью стартую с места, выжимая педаль в пол. Поскорее хочется домой, подальше от всей этой суеты и никому не нужного понта. Чтоб ни разукрашенных девушек, ни зализанных парней. Только я и кровать.

Надо было все хорошенько обдумать, ибо все хорошее, как я уже говорил, рано или поздно надоедает. И для меня этот переломный момент настал. Тем более в свете всех этих событий в мире... Революции, заговоры, перевороты. Кажется, что человечество сошло с ума.. хотя, оно в него и не приходило.

Сумерки танцуют на электромобиле своими серебристыми всполохами, идущими от полузакрытой тучами Луны и отражающимися на мокром асфальте и корпусе авто. Перепрыгивая с покрытой каплями дождя травинки на травинку, растекаясь по всему огромному полю светло-серой волной. В клубах ветра переносясь влагой через шоссе, блистая в свете фар...

Всё-таки это было очень красиво. Однако когда я заехал и спустя полминуты выехал из туннеля на Первый уровень, картина кардинально поменялась. Гул слышался еще в бетонной кишке, но я даже представить себе не мог, что всё настолько плохо: огромная толпа народа, рассредоточившись на малые группы, ходила по всему городу и крушила все попадающиеся под руку предметы. Органы правопорядка же хило сопротивлялись столь большой массе радикально настроенных молодых людей: видимо, главное сражение уже было, и победа оказалась отнюдь не на стороне спецслужб.

Фальшфейеры разносились дымом и красным, диким, трепещущим светом то на крыше одной машины, то другой, а то и вовсе посреди толпы, несущей очередной подожженный флаг. Разбивались витрины, переворачивались автокары, часто огрызались бунтующие на ретирующихся солдат. Попадающие под горячую руку прохожие пытались выйти из кольца, некоторых доставали прямо из их же автомашин и решали судьбу не сходя с места, после чего нечто похожее делали и с собственностью избитого (авто)...

Не знаю, так ли должна твориться история, но сейчас я видел только такой вариант. И с одной стороны я был согласен, ибо режим в котором нет свободы народа – это не дело, но в то же время мне совершенно не хотелось сейчас попадаться под карающую длань, особенно в деловом костюме, в котором сразу было понятно моё причисление к высшим родам.

Резко свернув во дворы за спиной у правоохранительных органов, я начал пытаться вспоминать, как отсюда по краю можно добраться до тоннеля на следующий ярус, резонно прикинув, что здесь, среди домов, восставших не будет.

Как же я был глуп...

Посчитав, что сюда их еще не пустили тщетно сопротивляющиеся блюстители закона, я допустил фатальную ошибку, ибо прямо навстречу моей машине сейчас медленно шла, круша сжигательные баки и мусорные измельчители по пути, компания из четырёх человек с арматурами и прочим самодельным оружием в руках. На лицах их были повязки, а одеты в основном в спортивные костюмы.. видимо так удобней.

Заметив спорткар, центральный из четверки тут же вздрогнул, прибывая в адреналиновой эйфории, направив ищущую приключений группу на меня... Попал.

Сбивать я их не хотел, хоть мысль и была. Вместо этого я круто вывернул руль вбок, чтобы вновь попытаться скрыться. Но мне не суждено было.

“Пошёл” с места я с очень даже приличной скоростью. Однако компания была уже слишком близко, настолько, что центральный закинул свою арматуру в хрупкий корпус авто. Конечно, будь этот предмет, что попал в машину, менее острым, он вряд ли смог бы проделать хоть какую дыру.. но здесь.

Прошив насквозь волокно, арматура, застрявшая в паутине треснувшего стекла, одним концом упала, врезавшись, мне в колени. А так как удар был отнюдь не тихим, я случайно выпустил руль, потеряв управление и, не вписавшись до конца в поворот, врезался в стену здания.

Подушки безопасности, наверное, сработали как надо... Однако я этого уже не застал, преждевременно “отключившись”.

Глава 3:

Проснулся от тяжести в груди: невероятно тяжело дышалось, из-за чего нормально продолжать сон я не мог. Губы ссохлись, страшно хотелось пить, глаза еле-еле открывались навстречу слабому неоновому свету явно не самой дорогой лампы.. или так специально сделано? В общем не важно, главное что подобного у меня дома точно нет, а значит я где-то в другом месте... Осталось узнать, насколько дружелюбном по отношению ко мне.

Кряхтя, преодолевая сильную колкость в районе печени и боль в ребрах, я сел на старый, слабо держащий форму, водный матрас.

Выдохнув пару раз, я начал вспоминать, что же вчера произошло. Из пучин памяти мне удалось выудить не самое лучшее утро, мужика на дороге, провальную вечеринку и группу агрессивно настроенных революционеров. Вот там-то всё и обрывается... А продолжение, значит, следует уже здесь. Итак, ладно.

– Уже проснулись, как я погляжу, – сказал человек мужского пола, стоя у порога комнаты со мной.

На вид ему было лет 50-60, но кто же его знает наверняка.

Голова сильно болела, так что думать самому мне было лень. Посему я просто задавал довольно глупые вопросы:

– Кто вы?

– Ого, как грубо, – спустя недолгую паузу сказал мужик. – Но раз уж такие сейчас манеры; имя моё Никодим Павлович Совранов, доктор биологических наук и по факту владелец этой квартиры.

– Что вам от меня нужно? – пропустив почти все его слова сквозь уши, держась за голову, вновь простонал я.

– Разве мне что-то должно быть нужно от человека, попавшего в беду... Может вам что-нибудь от головы дать?

Я положительно кивнул, отказываться не стоило: хотел бы убить – сейчас я бы не дышал.

– Вот, пожалуйста.. или вам вирусная терапия нужна?... – поднеся стакан с водой и ампулу с обезболивающим к моему лицу, сострил Совранов, ибо факт того, что в моём черепе нет никакой электроники различим обыденно по физическим признакам.

К слову, имя его было довольно известно в институте, поэтому меня данный человек знать должен был, из этого у меня рождался еще один вывод, что не совсем этот ученый так благодороден, как хочет казаться.

– Значит, вы доктор биологических наук, – констатировал я после того, как принял неведомый мне препарат. – А в И.И.Н.И.М.П. вы случайно не работаете?...

Доктор постоял с секунду, затем ухмыльнулся:

– А вы стали ещё более смышленным, Алмыков.

Я улыбнулся краешком губ в ответ. Всё же не могло быть всё так хорошо.

– Значится, спасли вы меня не просто так и на искреннюю благородность данного поступка мне уповать не придётся? – вопросительно подняв глаза на собеседника, сказал я.

– Ну почему же? Спас я вас только по доброте душевной, за тем уже я понял, кого именно спас.

– А.. хах, бывает же. Ну, тогда ясно, – как ни странно средство от головной боли помогло. – Но всё же дайте догадаюсь, раз вы до сих пор не выкинули меня за дверь, значит вам всё-таки кое-что да нужно... Верно?

Никодим постоял без ответа немного времени, пристально смотря на меня. После чего развернулся и пошёл в соседнюю комнату, поманив меня рукой.

– Вы хоть понимаете, что сейчас происходит? – спросил мужик, проходя на кухню.

– Переворот, – предложил я.

– Вот именно, только, знаете ли, не было ещё такого в истории, что эти самые “перевороты” никому с самых верхов нужны не были... Как вы думаете, кому сейчас, нужно Это?...

Последний вопрос он задал, встав напротив выгнутого округлого окна, смотря на улицу. Я подошёл ближе и увидел то, что лицезрел он. Это было чистейшее форменное безумие. На дворе почти ночь, а люди в масках, касках, шлемах, с клюшками, с дубинками, с бутылками, с ножами громили и опустошали всё вокруг. Защищаясь от обезумевшей толпы, уже усиленные наряды правопорядка, скромно отмалчивались за щитами, иногда рискуя гавкнуть на стихии подобную грозную ладонь народа. Ладонь, что уже потеряла над собой контроль, но приобрела силу и мощь, освещённую сотней всполохов пламени, идущим из машин, витрин, сбитых охранных квадрокоптеров, бутылок с зажигательной смесью, мусорных баков и даже иногда от людей...

Попытавшись сдержать удивление, я сдавленно предложил:

– Народу...

– Ха, если бы. Нужно тем, кто умеет управлять народом.

– А кто это может? – чуть отвлёкшись, испуганно-вопросительно посмотрев на доктора, поинтересовался я.

Тот грустно улыбнулся, развернулся к окну спиной, оперевшись так на подоконник, и, выдохнув, произнёс:

– Я когда-то работал на Институт. Ещё в те времена, когда он был именно *Институтом*, учебным заведением, а не скопищем людской алчности и жажды наживы... Понимаешь, его создание изначально было большим вопросом, ведь мозг, разум, сознание и подсознание человека всегда были чем-то неясным и заоблачным для науки. Но вот время пришло, техника позволила ущупать самые потаённые закутки разума, просто настраиваясь на нужные микро- и макроволны. В то время это был невероятный прорыв, и именно ввиду данного прорыва было решено, что надо создавать подобное заведение, мол, слишком долго человек томился в своей неестественной личности, пора уже узнать, на что он реально способен. Конечно, это было крайне амбициозно, но и крайне наивно. В первые года там, в стенах тогда еще небольшого высшего образовательного заведения, велась продуктивная работа над пониманием людского ума... Но потом всё резко изменилось. Понимаешь, знания – самое грозное оружие. А когда ты имеешь их больше, чем кто-либо, ты имеешь и власть над событиями, какими именно, зависит уже от тебя: то есть от того, насколько ты добрый человек, хотя само понятие доброта тоже можно считать относительным. Но факт остаётся фактом, на верху иерархии тогда уже выросшего Института Изучения Ноосферы и так далее и так далее, стояли не совсем хорошие правители, поэтому и сдержаться под натиском неопишимо завораживающей правды об сущности сознания, они не смогли...

– В каком смысле? – подозрительно посмотрел я на старика: всё больше он меня настораживал.

– Большинство – диктует правила, вот и весь принцип. И это касается не только людей, а всего. Денег, конечно же, в том числе. Институту удалось связать эти две не связываемые вещи: деньги и обычный народ. Ты ведь знаешь, что в И.И.Н.И.М.П. проводятся эксперименты по захвату и управлению разумом животных? Хотя, ты на каком курсе... А, на пятом, тем более знаешь. Да вот только хрень это всё, забудь. Ты вообще планируешь оставаться работать с отцом, если да, то в будущем тебе всё станет понятно, ибо в недрах комплекса уже удалось подчинить не просто животный разум человеку, ха.. как сказал, – взглянув на меня, он горько улыбнулся, – в общем. Если быть кратким, то... Ты ведь знаешь, что ноосфера это незримая, полуреальная, ментальная оболочка Земли, созданная мозговой деятельностью Человечества. Так вот, если посылать на молекулярном уровне электродный заряд в это поле, то он просто внедрится в общий поток информации, то есть в головы людей. Но самое главное, что будет зашифровано в этой посылке, ведь управлять потоком невозможно, и в какие умы попадёт нужное послание, а попадёт оно во множество голов, предугадать нельзя. Однако можно примерно рассчитать направление так сказать потока, и “вливать” в него “идею” в нужный тебе момент. Конечно, для аппарата, способного на такое, нужна масса средств и специализированных кадров, которыми Институт как раз обладает.

– То есть, ты хочешь сказать... – начал додумывать я.

– Хах, вот именно. Платишь деньги, говоришь задачу и её глобальность. Задача идёт в поток, там вселяется в разум людской, а толпа уже делает своё дело. Нужен переворот с постановкой в верховную власть тебя – пожалуйста, желаешь быть полубогом – да не вопрос; главное, чтоб финансы были.

– Да ладно, этого просто не может быть, – ошарашено сказал я, когда Никодим закончил и повернулся обратно лицом к улице, притом томно выдохнув.

– Ну, результат ты лицезреешь сам, – Савранов указал на безумие, творящееся внизу.

С секунд двадцать я простоял не двигаясь. Надо было что-то делать, но что? Именно тогда пришёл в голову вопрос:

– Я как-то могу помочь?

– Вот именно, что “как-то” но можешь. Конечно, все то, что творится сейчас в Мире не исправишь, да я и не прошу. Понимаешь, твой отец второй человек в Институте, а ты к нему самый приближенный, то есть.. эх, в общем, все, что мне нужно, это информация, дополнительная, сверх того, что я имею сейчас. Я всего один, и нет никакой организации, сопротивляющейся этому злу, есть лишь раздробленные толпы, воюющие не с теми, поэтому я ничего не прошу, кроме как твоего разговора с твоим же родственником. Он будет явно рад, если ты интересуешься идеей господства и богатства, ибо сам он положил на это жизнь... В общем, подумай.

И мне действительно надо было подумать: я никогда особо хорошими делами не отличался, однако в этой ситуации работал обычный, пресловутый

инстинкт самосохранения, потому как совсем не хотелось повторения вчерашнего вечера...

– В общем, – сказал решительно я, стукнув по подоконнику, – мне нужно попасть на Второй уровень, это возможно сделать?

– Ха, возможно всё, зависит лишь от того, насколько сильно ты этого хочешь.. кому как ни сыну человека, доказавшего это, понимать подобное. Иди за мной, – Никодим вышел из кухни и последовал обратно в спальню, позвав заодно и меня, видимо у него был некий план, о котором я должен был узнать в ближайшем будущем. – Зачастую, чтобы выйти чистым из грязи, надо стать её частью...

Я шел посреди разъяренной несправедливой и коррумпированной властью толпы, которой, судя по всему, лишь всучили в голову все эти бредни по поводу ужаса государственного устройства и не правдоподобности исторических событий. На мне была бандана с черепом, закрывающая пол-лица. Я пытался нечто выкрикивать, подбиваясь в такт остальным, но получалось плохо. Подобно другим вокруг вознеся к полной луне кулак, я шел и думал, как бы поскорее выбраться отсюда. Из всей этой кутерьмы недовольных тел, неразумной, грязной массы, желающей есть бесплатную еду и получать деньги ни черта не делая...

– Напомни-ка мне, зачем я это вообще делаю?! – гневно, но тихо, спросил я у идущего рядом, закрывшегося капюшоном Совранова.

Тот расслышал:

– Ну вам же необходимо попасть на Второй уровень, так что кончайте ныть, сейчас тут такое начнётся...

И верно, ибо толпа двигалась к тоннелю, ведущему на верхний ярус.. а там уже стоял патруль, причём экипирован он был также куда более лучше, нежели ранее: всё-таки важный стратегический пункт, такой необходимо оборонять в полной мере.

Над нами кружились вооруженные баллонами со слезоточивым газом квадрокоптеры, однако пока что в ход своё оружие они не пускали: дожидались команды управляющих. Но и мы были не пальцем кручены: уже в манифестациях никто без респираторной трубки не обходился, не то время.

Снизу бушевали бои, разбивали окна, витрины, автомобили, людские жизни. Рвались ограждения, дорогие одежды, краденые у народа деньги, человеческие судьбы. Во всём Мире творилось неведь что, но именно в данный момент, скорее всего, самым худшим было именно это место, тоже самое подтверждали и механические глашатаи новостей с огромных мониторов, смотрящие в никуда, освещая светодиодами темноту ночи, пропитанную дымом от костров, криками, звонами битого стекла, лязганьем металла, выстрелами огнестрельного оружия...

Нас уже ждали... Ах да, я уже сказал об этом. Но я не упомянул кое-чего: все блюстители закона, одевшись в лёгкие бронежилеты с травматическими и электроимпульсными винтовками наперевес, несмотря на явную сдачу в количестве народа встречали нас как-то расхлебано и скучно, будто зная, что они уже победили. Но...

В этот момент кто-то переключил полюса намагниченного дорожного полотна, изменив их полярность. Раздался жуткий скрежет, потом звук обрыва электросети, а затем всех, кто имел в руках или же при себе металлические принадлежности, резко рвануло к земле.

Члены правоохранительных органов опрометью кинулись к уже почти поверженным бунтарям. Теперь всё встало на свои места.

С собой ничего железного я не имел, как и еще пара десятков людей, которые также остались стоять... Но что теперь-то? Дождаться, пока, освободившись от “пут”, встанут остальные?.. Но недруги уже близко.

– А вот сейчас, Алмыков, приготовься, – грозно посоветовал Совранов, перенеся вес на заднюю ногу и будто подготовившись к обороне лоб в лоб...

Через секунду я осознал, что именно так оно и было. Когда же мои глаза встретились с зенками находившихся в паре метрах обороняющихся (которые неожиданно стали нападающими) пришла и паника.

Я хотел бежать, невероятно сильно хотел. Думаю, подобное желание возникло бы у каждого оказавшегося в такой ситуации человека. Но в то же время, смотря вверх, я понимал, куда мне нужно стремиться по-настоящему... Только это и останавливало.

Они наскочили на наш немногочисленный, растерявшийся отряд, таким же малочисленным, но мощным прессом. А так как я стоял в одном из первых рядов, то удар принимать надобно было мне.. что я и сделал, передвинув вперёд плечо. Почему-то в голове сразу же промелькнула мелодия старой, но хорошей ²**песни Kanye West и Jay-Z**, которая в этот момент подходила более всего.

Удар получился сильным, сильнее, чем я предполагал, и сразу повалил меня наземь. При падении я еще и головой ударился, но несмотря на это тут же вскочил обратно на ноги – обида и разгоревшаяся кровь завуалировали боль.

Первого бегущего на меня защитника правопорядка, я с разбегу, плечом, толкнул на асфальт. Тот хотел попасть по мне электрошоковой дубинкой из синтетического, прорезиненного, волокна, но движения в защитном комбинезоне (даже легком) куда медлительнее, нежели в обычной мастерке.

От второго недруга я просто постарался уклониться, но не вышло: он попал по моему предплечью рукояткой от дубины, чем заставил инерцию пойти против меня, и опрокинуть на намагниченное полотно.

В следующую секунду над моей головой уже навис огромный подкованный сапог. Однако прежде, чем он опустился, я всё-таки успел перекатиться с места атаки. Попробовал вновь сразу встать, но голова сильно закружилась и

удалось подняться только на четвереньки. Охранник туннеля же свою добычу упускать не собирался.

На мгновение, пребывая в некой апатии, я посмотрел в бок, на уже успевших подняться некоторых зачинщиков восстания. Наша численность вновь была куда больше и просто давила числом, отгоняя блюстителей назад, заставляя расступиться, или лечь под ноги демонстрантов, прибывая под воздействием огромной силы, чьё название разгневанный народ.

Мой же личный враг уже стоял прямо передо мной и готовился было пустить в дело электричество, как тут об (запечатанную в кевларовый шлем) голову ему разбилась небольшая деревянная бита. Она просто разлетелась в щепки, кстати очень эффектно.. но и невероятно больно для того, кто получил удар. А тот, кто наносил, явно обладал немалой мощью, чтобы так зарядить. Через миг я узнал, что этот некто был... Совранов?

Честно говоря, я был неслабо поражен.

– Идём! Проход открыт, надо торопиться! – взял меня, пребывающего в полусогнутом состоянии человека, за шиворот профессор и потянул к бетонной кишке.

Сзади слышался шипящий звук, словно обрызгивали что-то... Поняв об поражении, некто всё же нажал кнопку выпуска газа, и теперь квадрокоптеры, следуя за нами, делали свою работу. Но я еще слабо соображал, чтобы взять кляп с кислородопоступательным шлангом. Да и другие что-то медлили, неужели очередной враг был пока далеко?...

Тяготению я не сопротивлялся, да и не надо было... Не этого ли мы добивались?... Что-то я вообще слабо соображал.

Когда морозный мрак туннеля накрыл нас и половину восставших, я вдруг почувствовал резкую слабость. Ноги подкосились и я, даже с запястьем в руке профессора, медленно оплыл на дорожное полотно.

– Эй... Эй, Алмыков, что с вами?! – забеспокоился старик, подскочив ко мне. – Быстрее.. они.. почти долетели! – оборванными кусками добрались до меня его взволнованные поторапливания.

Но я его уже не слышал. Я шарил пятерней по своей макушке, пытаюсь найти источник тупой боли. Нашупав нечто влажное и тёплое, тут же отдернул руку. Света было немного, однако красный цвет, в который теперь была выкрашена моя ладонь, я распознал сразу...

– Наверное.. когда упал.. разбил, - как-то невнятно пробормотал я, будто пытаюсь оправдаться, и тут же свалился в небытие.

Последнее, что я слышал, был настороженный зов Совранова, а потом поглотивший всё туман, и какие-то яростные крики далёкой битвы... Всё, дальше ничего.

Глава 4:

В который раз за последние сутки я с трудом разомкнул слипающиеся веки.

В глаза с обоих боков ударил приглушенный свет флюоресцирующих ламп. Так, стоп, именно такие были у меня в комнате.

– Очнулся, – как-то грустно констатировал факт до боли знакомый голос.

– А что, было бы лучше, если бы не просыпался? – потирая перебинтованную голову (всё же разбил при падении), спросил я у отца, садясь на кровати.

– Что ты забыл среди этих полудурков? – как-то резко, притом уклоняясь от ответа, задал мне вопрос папа, когда я всё-таки посмотрел на него.

– Попытался вернуться сюда, – взглянув в ясные, спокойные глаза, вторя их уверенности, отчеканил я.

– А где был в это время электрокар?

– Разбили.. вчера, – закончил фразу я тем, что отвернулся и опять схватился за голову.

Отец недовольно встал, прошёлся, попеременно смотря то на меня, то куда-то ещё. Затем приблизился к выпуклому окну и, выдохнув, смотря наружу, сказал:

– Никогда не думал, что мой сын, станет одним из.. них, – я немного опешил: “Ничего себе, это он к чем клонит?”. – Подойди сюда, – обернувшись в мою сторону, с отражающимися в очках огнями костров, попросил отец.

Я недолго подумал, после чего, с кряхтением, поднявшись, последовал к окну.

Второй уровень пылал... Бунты пришли и сюда, беспорядок теперь властвовал и здесь. Однако на этот раз меры их успокоения предпринимались куда более жесткие: было видно, что дороги всюду имели обратные полюса, которые время от времени всё ещё меняли, дабы спутать незваных гостей; экипированные стражи порядка теперь не стояли без дела, рьяно пресекая взбунтовавшуюся молодежь; даже пневматическое, электропоражающее и травматическое оружие, судя по звукам, пошли в ход... По крайней мере, хотелось верить, что это “травмат” да лёгкие поражающие электрзаряды.

Данная картина мне сильно напоминала кадры ³**анимационного фильма “Акира”**, где революция происходила в свете прожекторов огромных многоэтажек и мультимедийных баннеров с рекламой... Почему-то ⁴**одноименный фильм** мне не вспомнился.

– Переворот... – хладнокровно прокомментировал я, чуть пожав плечами и посмотрев на отца, с которым мои отношения всегда имели весьма напряженный характер.

– Вот именно, это переворот, власти... Только зачем он нужен тебе?...

– Хм, вот ирония, такой же самый вопрос я хотел задать тебе... Хотя, твой ответ ясен: деньги делают многое, – с ехидной ухмылкой я посмотрел на папу.

Тот, сохраняя непоколебимость образа, пропустил слова мимо ушей и сказал:

– Правоохранительные органы доложили, что видели тебя вместе с профессором Соврановым... Это так?

– Допустим.

– Ха, так вот кто тогда наговорил тебе всей этой бредятины, – всё-таки получилось вызвать хоть некий интерес у отца.

– Да? Я вот что-то не очень хорошо осознаю бредовость его слов.

– Он сумасшедший...

– Он проработал в Институте дольше тебя! – я немного повысил голос, и это возымело успех, ибо я действительно был прав. – И уж кто как ни он знает, каким образом за столь короткий час, вы сумели превратиться из обычного учебного заведения в огромного научного монстра, максимально приближенного к власти. Он уж точно знает, как передавать мысли и чувства внешне-канальным путём... Почему? Ах да, точно, это ведь он изобрёл данную технику передачи. И уж точно не он, нет-нет, смог впервые определить направленность “ветров” ноосферы скомбинировав их с внешними данными, просто коллинеарно поставив их направлению потока... – я опустил до этого в сарказме разведённые руки. В голове сильно пульсировало, но сейчас отступать было нельзя. – Пап, этот человек не будет врать по поводу того, что сам сотворил, и ты это прекрасно знаешь. Только вот, меня за ребёнка не держи.. и лучше всё-таки скажи, к чему вы стремитесь и как управляете стольким количеством демонстраций.. я, правда, хочу знать.

Я говорил как можно более мягко и доверительно, однако на Алмыкова старшего это впечатления не произвело. Он постоял недолго, грозно глядя на меня, после чего развернулся и, пробормотав что-то вроде “этот разговор бесполезен”, пошёл прочь.

Я же предпринял последнюю попытку:

– Стой! Я ведь не сказал, что собираюсь как-то мешать вам! – отец остановился, прислушавшись. – У меня на это счёт как раз другие планы...

Встав с подоконника, я вежливо улыбнулся, разведя руки, и посмотрел на полностью обернувшегося мужчину, глядевшего на меня с ухмылкой.

– И какие же, если не секрет? – спросил тот.

– Поверь, уж точно ни каким-либо боком вас останавливать...

Немного посмеиваясь, папа прошёл к кровати. Сев на неё, он продолжил:

– Понимаешь ли... Большинство – создает правила. Неважно, кем ты являешься, какой чин имеешь... Против массы, ты – ничто. Конечно же, если

только ты не пользуешься уважением у народа, ибо людьми деньги движут с неохотой.. а вот признание. В этом случае тебе ничего не угрожает. Однако, где зарождается вся воля толпы? Нет, не совсем в душах или сердцах, аха, в раде, суде, совете либо же еще где думают вовсе не сердцем или душой, а мозгами. Вот и человек понимает, что его нечто не устраивает также, головой. В этой ситуации как раз-таки и создаётся главный парадокс, ведь, вроде бы, если человек уважает и лелеет власть, что развернулась над ним, зачем ему что-то менять? Понимаешь ли, в такой ситуации уже работают два строго перпендикулярных друг другу отрезка чувств и эмоций, берущих своё начало в одной точке, но распространяющихся в разных плоскостях. А именно два лагеря, один из которых рад всему, а второго многое не устраивает. Они подобны двум ветвям параболы, комбинируя которые создаётся чистая константа. То есть, они уравнивают один другого. Поэтому ничего и не происходит, однако и ясно что нечто не так... И это нечто видит кто-то, у кого есть возможность всё исправить. Нет, не мы, а те, кто нам, как бы это прозаично не звучало, платит. Ибо раньше на людей воздействовали посредственно, внешне. Теперь это можно делать на прямую, так почему бы и нет? Особенно когда творится всё на благо. Это заплесневелое общество псевдомократов и лжеджентельменов надо менять, так как на престолах главных сидят вовсе не те, кто этого достоин. Поэтому надо что-то делать... Вот мы и делаем.

– Ага.. посылая в ноосферу мысли других, ради собственного обогащения... Так что ли? – сказал я, потирая подбородок, после переваривания лекции отца.

– Хаха, не совсем. Знаешь, человек уже давно не принадлежит сам себе. Телевидение, работа, учеба, весь окружающий социум подстроен под то, чтобы вершить людскую судьбу без его участия и ведома. В конце концов и получается так, что сформировывается представление о жизни совсем не то, что грезились сперва... Мы же хотим это исправить.

– В смысле?

– Ну-у... Не знаю, может быть ты слышал о такой вещи, как “золотое общество”. Полмиллиарда, может миллиард людей, представляющих из себя понятие человека как такового. В наше время людей, способных, взглянув во тьму, лицезреть в ней целый мир, используя лишь мелкую толику воображения, не так много... Культура вершится не ими, а неким необразованным сбродом, чего быть никак не должно. Вот мы и очищаем общество: ввиду всех этих революций из народа выйдут те, кто больше всех умён, находчив, справедлив, силен...

– Жесток... – слабо предложил я, побаиваясь продолжения.

Отец на мгновение остановился, посмотрел на меня, после чего, ухмыльнувшись, сообщил:

– Не-ет, жестокость видна сразу, и её мы будем искоренять, а вот истинные таланты останутся. Погибшие же – это просто те слабые, которые и не нужны “золотому” социуму. Те же, кто выживет, но ничем себя не обозначит,

останется влачить своё существование на заводах и так далее... В конце концов, ха, тем, кто “живет” нужно достойное обслуживание...

– А разве это банально не похоже на фашизм и геноцид?...

– О-о, отнюдь. Мы не будем смотреть на расовые качества, либо же физиологические составляющие, просто мы делаем то, что человечество хочет сделать уже долгое время... Просто ему не хватало.. смелости. Однако мы нашли этот пусковой механизм, так почему бы не попробовать?...

Алмыков старший завершил свой рассказ и серьезными (даже в чем-то хмурыми) глазами посмотрел на меня, ожидая реакции.

– Просто подстраивая координаты под ноосферный поток и посылая желания тех, кто побогаче, по гиперболической траектории... – еле слышно я и вопросительно взглянул на папу: – Так?

– Хэ, вроде того.

– Да-а, тогда неплохо получается. Вершите свои намерения чужой дланью, да еще и деньги гребёте, оставляя руки чистыми... Воистину, делаете невозможное.

– Эх... – мой собеседник поднялся с кровати и пошёл вперёд. – Не уверен, правильно ли я сделал, что всё это тебе поведал, но, – отец взялся за моё плечо, проходя мимо, – теперь только тебе решать, что делать с данной информацией. Однако настоятельно тебе рекомендую, не мешать нам, ибо я не хочу увидеть своего сына в могиле раньше себя.

Затем он зашагал дальше. Я же остался стоять на месте, подсознательно я уже всё для себя решил, осталось только набраться смелости озвучить мой ответ.

В конце концов, во многом их цель имела своё право на немалый смысл и свою правильность. Всё-таки люди уже действительно не так величественны, как ранее. Конечно же, нас много, неимоверно, однако в этом и проблема, ибо в большинстве случаев важно качество, а не количество. Да, мы уже заселяем и другие планеты, однако делают это действительно одарённые люди, но и то на базе давно исчезнувших гениев прошлых лет... Всё же человечество в некотором смысле превратилось в сборище копированных кукол, просто существующих на шее у государства. Жизнь их давно им не принадлежит, ими сотни лет управляют те, кому это выгодно... А они, даже замечая это, просто вновь поддаются чужой идеологии, решая что так правильно, и по которому кругу отдадут своё жалкое существование в руки других, более сильных существ... Как-никак это надо было как-то менять.

– Постой! – выкрикнул я и обернулся к отцу лицом. – Я принял решение...

Озвучивая ответ, я улыбнулся, про себя думая, что никогда особо хорошими делами.. не отличался...

OPEN 1...

Часть Вторая:

Поиск Правды ни к чему не приводит, но от этого меньше желать Её не будешь. Потому люди и идут зачастую на отчаянные меры.

Месяц спустя

Глава 1:

Насколько бы ни был стойким человек, сколь долгий час он бы ни мог терпеть те или иные проявления характера внешней среды, почти абсолютно абстрагировавшись от комфорта, ему всё равно надоедает подобное... Да, он свыкается, но рано или поздно он осознает, что данное ему обрыдло. Каждодневная слякоть и мерзлота воздуха вокруг, заставляющая проснуться ещё до того, как будут разомкнуты веки. Ежесекундные пререкания носа по причине крайней зловонии, что источает мир, в данный момент окружающий столь терпеливую личность. Или же это ежеминутное созерцание грязи в ее исконном виде – той жижи либо рвотного, либо ярко-коричневого, либо иного кислотного да других оттенков...

С этим свыкаешься, но оно не оставляет физиологическое восприятие ни на мгновение, словно мелкий, щекочущий разум колокольчик, частенько звеня, заставляя скривиться про себя от омерзения. А когда никто не видит, то гримасу чистейшего отсутствия удовольствия волей-неволей, а выстраиваешь и физически.

Алина так и поступила, вновь ощутив запах протекающих чуть ниже сточных вод. Не сказать, что её никто не видел в данный момент. Нет. Она была на виду ещё пяти людей. А вот её лицо, что лбом утыкалось в предплечья сомкнутых и положенных на колени рук, не мог узреть никто. Посему и посмела она сие подобное слабоволие.

Она понимала, что это отнюдь не последний раз, когда надо дать себя отдушину. Также она помнила и все прошлые разы. И главное, отчего-то она никогда не хотела показывать данное проявление своего, как ей кажется, слабого характера окружающим. Может, потому, что окружающие её люди, были мужчинами? Ну как сказать мужчинами – подростки, или же просто подобные ей молодые люди, что уже в который раз терпеливо ждут команды из вне, которая ознаменует собой начало рейда.

Они все спокойно корчили рожи да разные гримасы, показывая не расположенность своего духа к подобному месту, а вот она не позволяла себе... Упрямость, или же нежелание показаться слабой на фоне иного пола? Скорее первое – она всегда была такой, и в мыслях, и в действиях.

В детстве это приносило много проблем, ибо Алина зачастую просто не отдавала себя отчёта в том, что делала. А сейчас же это превратилось в некое подобие её гордости и даже считается плюсом: по крайней мере таковой эту черту считает она. Хотя, коль смотреть правде в глаза, можно поспорить с таким суждением, ибо и в свои двадцать два она редко отдаёт себе отчёт в сотворённых ею же деяниях, по сей день оставаясь волевой и почти непреклонной девушкой.

К слову, и данные качества свои она осознаёт да воспринимает лишь положительно. Окружающие же её люди не всегда думают ортодоксально. В особенности это можно сказать о представителях противоположного пола, потому как им, что уж скрывать, желается, чтобы столь авенантенькая девушка была более сговорчива и бесхитростна. Но Алине, ясное дело, всё равно до подобных дум, ибо она мыслит так, как хочется ей.

И хочет видеть вокруг она мир такой же, о котором мечтала ещё с тех незапамятных времён детства, когда впервые услышала об идеях редирума: без желчи, страха и войн. Свет, где ⁵**человек человеку не волк** – нет, а где люди друг другу братья, где нет вражды и отсутствуют бессмысленные распри. То место, где она бы хотела жить; то место, где каждый являет собой не просто часть массы, а личность, независимо от пола, расы или иных качеств... И она готова многое сделать за подобные мысли да идеи. А понимание факта, что вместе с ней представителей революции готовы перевоспитывать ещё многие единомышленники, лишь придаёт ей сил.

Да, именно перевоспитывать. Не сражаться или убивать – никак нет. Цель её и ещё многих в ином. И главное: всего полгода назад она была ясна и отовсюду веяла своей всепоглощающей мощью, что об её конечном исполнении не велось и споров... Однако нечто изменилось во многих людях, будто выпустили они долгое время держащуюся в них злобу ко всему сущему на данный момент политическому строю, решив, что будет лучше вернуться к тому, от чего народ отказался уже довольно давно. А орудием, доказывающим их правоту, выбрали эти массы самое простое и действенное приспособление: физическую силу да гнев.

Однако Алина не такая. Она знает, чего хочет и понимает, что чтобы достигнуть мира, нужно следовать тех взглядов, которые она избрала правильными для себя, а они предписывают отнюдь не убийство или же иное физическое влияние на род людской. Она, с её истинными товарищами, по-иному влияет на окружающих, или пытается по крайней мере влиять, ибо в столь тяжелое время революционных переворотов голос разума и совести заглушил всепроникающих крик отчаяния и плача.

“Почему? Как это произошло?” – изо дня в день мучает Алина себя этим вопросом. И хоть её соратники да она и пытаются разобраться с этим вопросом – продвижение совершенно не большое. Кстати, данный рейд, подобно многим другим до него, сулит некое прояснение, однако отчего-то надежды с каждым разом всё меньше и меньше. А потому горечь касательно всех тех людей, что выдвинули своим требованием упразднение неодемократии – растёт да расширяется, разрывая душу на части: родные девушки также были вовлечены в это, и Алина ничего с этим не может сделать, пока что вообще не выяснит “отчего?” и “почему?”...

– Красавица!... – позвал Казимир.

На зов девушка подняла резко голову:

– Не заснула... – одобрительно, с небольшой толикой присущего ему лукавства, ухмыльнулся напротив сидящий мужик, откидываясь головой обратно к слизкой (что его нисколько не волновало) сырой стене.

Именно мужик – единственный здесь присутствующий. Лет ему около пятидесяти. Довольно высок и статен, череп лысый и почти всегда закрыт чёрной банданой, а вот довольно пышная борода своими седыми редкими прядями таки выдаёт возраст... И что можно подумать о таком человеке? Что он бывший байкер или же человек, ранее заминающийся ремеслом отнюдь не умственного напряжения? Да – возможно. Но правда как всегда куда более интересна, нежели предположения: **‘Коликов Казимир Сергеевич** что до сего момента, что теперь – всегда представлял личность довольно не заурядную. Он является одним из первых богатых людей, что предпочли нечестной и непризнанной власти поддержку культуры редирума, вложив большую часть своих денег именно в развитие данной идеи. Конечно, не сказать, что капитал у него был велик, да и к шибко состоятельному роду он не причислялся. А всё потому, что свои кровные он заработал сам, причём трудом более эстетического характера: он критик. Свои суждения, получившие довольно увесистый авторитет в необходимых кругах благодаря своей объективности, логичности да не предвзятости, он выражает путём рецензий на те фильмы, которые ему те или иные издательства “заказывают” для оценки – ясно, что не бесплатно. Но и просто, для себя, Казимир также пишет, но только на старые фильмы – этого Алина никак понять не может. Хоть его тексты ей читать и нравится, однако взять в толк, чем его привлекли эти бледные и блеклые картины не способна.

И даже в такой час, как этот, если есть заказ, Коликов не откажется от его исполнения, ибо деньги нужны – это раз; а два – ему просто нравится фильмы, хоть современный кинематограф он не одобряет. В общем: человек этот занимается интересным делом, и полностью свои сбережения собрал на данном именно поприще, чем нельзя не гордиться. Потому и является для Алины он как таковым примером для подражания и даже идейным учителем: по крайней мере так выбрала она сама, по прошествии частых диалогов и бесед с этим человеком, где он не раз доказывал глубину своих познаний как в культурном, так и в разных научных областях.

– Да нет, всё нормально, – чуть улыбнувшись, ответила девушка, выпрямляясь и притом пытаясь забыть о вездесущем смраде: ведь Казимиру как-то удалось, (так видно, по крайней мере, по его физическому спокойствию) значит, и она должна попытаться.

На эти слова мужик лишь чуть улыбнулся, словно произнося: “Ну раз уж нормально, то нормально”.

В кругу дожидających неведомо чего людей вновь стихли всякие разговоры и перешептывания, лишь канализационный поток снизу напоминал о живости этого мира, тогда как город снаружи, находясь за монолитными бетонными сводами, никак себя не обозначал. Оно и понятно – уже сон завуалировал жизнь общества, а конкретней: стрелки около полуночи – это время, как-никак, не ранее.

Посему не мудрено, что и спать охота – однако нельзя. Судя по той информации, что удалось собрать о революционных движениях, именно в данный промежуток суток борцы за возврат демократического строя разжижаются с улиц и, собираясь в небольшие формирования, направляются кто куда примерно на один час, после чего являются, уставшие и почти полностью бесчувственные к окружающим, домой (если таковой имеется, конечно). О последнем пункте Алина знала не понаслышке – каждодневное наблюдение за её родителями раз за разом доказывает данную странность, притом оставляя её абсолютно без ответов.

На основе множества догадок и теорий, скомпонованных на слежках и наблюдениях, большинство выдвинуло на права существования теорию, что не просто так эти формирования в такой поздний час куда-то направляются – это явно движения, направленные на прослушивания агитационных лекций революционного характера. На данных сборах этим “несчастливым промывают мозги, обещая не понятно что” – так решила для себя девушка, внутренне невыносимо жалея родителей. “А ведь у нас идею своровали. Мы начали первыми устраивать подобные лекции и собрания, где объясняли действительно важные вещи... А они.. они... бесчестные, подлые люди...” – ненависть к неведомо каким управителям той беснующейся по поводу власти толпы росла внутри Алины каждую минуту, как только смела она вновь задуматься об этом. А ещё хуже ей становилось от собственной беспомощности, ибо так ни разу им не удалось выйти на след тех самых сборов, которые ввиду отсутствия доказательств в собственном существовании уже по немного становятся чем-то мифическим и лишь иллюзорным.

А ведь им бы хотя бы раз, один единственный обнаружить лишь малую группу, и уже тогда они сумеют что-либо сделать: разведают, что и как – точно. Вполне возможно даже сумеют объяснить всю глупость подобной затеи и переменить виденье людей касательно неodemократии – тогда появятся и союзники в тылу, что будет уже немалым шагом на пути к моральному искоренению данной проблемы...

“Если бы раньше.. если бы мы только раньше заметили.. спохватились...” – в тиши, здесь, где аккомпанементом мыслям служит лишь бушующий поток нечистот да мерно капающая со свода влага, волевая девушка всё-таки не могла сдержать фатальных мыслей, всё больше углубляясь в них. Она обижалась на тех людей, что её окружили, и на себя из-за того, что раньше, когда начала только появляться мелкими крапинами на слуху информация о том, что, подобно курсам редирума, проводятся сборы касающиеся совершенно иных субкультур и культур, направленные на изучение иных идей да мыслей – мало кто предал этому значение. И вот теперь подобная пассивность вылилась в бескрайние убытки и сотни, тысячи “поломанных” людских судеб...

К слову, не одна она так теперь думала: многие будировали насчёт тех прошедших времён, когда мало кто всё же решил разобраться в проблеме. Почти никто тогда ничего не сделал – вот теперь результат. Ну а тех, кто всё-таки начали расследовать столь жалкие попытки привлечения масс в свои

ряды (выдавая себя совершенно за иную культуру), не нашли ничего, кроме подпольно собирающихся приверженцев сингровацизма – от этой гадости вовсе никуда не денешься, посему их и замечать не следует, потому как чаще всего им уже ничем не помочь... Ну а если есть ещё надежда – то она обязательно возьмет вверх. Однако теперь проблема новая – пресловутая, треклятая революция, причины которой так до сих пор и не известны.

Потому-то и выжидают эти шесть людей, когда седьмой из их числа заглянет к ним на секунду да сообщит, что в здании, находящемся под наблюдением, действительно в данный момент есть люди. И возможно – это то, что им нужно. Там уже они начнут действовать по давно оговоренному плану, который так ни разу не был доселе приведён в действие: окружить по периметру строение; после прослушать те мысли, которыми неведомые “глашатаи” обманывают людей; удостовериться в истинности цели и схватить хотя бы пару представителей. После уже расспросы, допросы и выведывания нужной информации. А узнав структуру механизма, возможно узнать и то, как этот самый механизм уничтожить – в моральном, конечно, плане. Ибо физическое воздействие, особенно во враждебном плане – совершенно не то, что подразумевает под собой редирум. А людям, особенно волевым и придерживающимся своих убеждений, свойственно не изменять тем принципам, которые они для себя избрали.

И Алина была одной из тех, кто стал сторонником взглядов да целей, чья сбыточность возможна во всеобщем гуманизме и поднятой нравственности. И не одна: “Нас много... Мы не сдадимся... Мы справимся...” – вновь уткнувшись лбом в колени, про себя твердила она, осознавая, что лишь так не потеряет веру в лучшее. Подавление страха и неуверенности также было довольно частое явление, с которым справляться было всё труднее...

Вдруг послышался резкий утробный гул открывающегося канализационного люка:

– Десять минут на разминку и вылазим, – быстро проговорил твёрдым тоном Миша, чья голова показалась в отверстии, находившемся в метрах трёх над группой людей у стены с вмонтированной лестницей, что была по левую руку от Алины.

– Есть? – словно не доверяя столь вожаемой и долгожданной улыбке удачи, встрепенулся, чуть привстав с места, Казимир.

– Есть. Но наши или нет – пока толком не ясно, – выговорил разведчик, проводя взглядом по шести людям, словно удостовераясь: все на месте.

Когда его очи мимоходом задели фигуру единственной здесь присутствующей девушки, которая с любопытством и надеждой (слово он был единственной связью с желанной целью) глядела на него, то краешек его губ невольно, но оттого не менее приветливо потянулся ввысь. В ответ последовал сдержанный кивок, облагороженный всё тем же взглядом, питающем надежду на наконец сполна оплаченные поиски. Однако больше в женских глазах не было ничего. Знает ли она, что нравится Мише? Догадывается. Однако для неё он только отличный друг и товарищ – не более.

Да и его к ней симпатия не претендует на завышенные романтические связи – скорее она подобна чувствам брата к сестре.

– Ну тогда вы всё слышали, ребята!... – в голосе Казимира слышалось преждевременное торжество, однако и стальная сдержанность сквозила в тоне, почему более ни на кого подобный настрой, выраженный не кстати сопутствующим его ликованием, не распространился.

Зато намёк понятен был точно: повставав со своих насиженных мест, полдюжины людей принялись разминать заиндевевшие кости.

Глава 2:

– Есть никто не хочет? – удостоверился спустя пять минут Коликов, предрекая довольно требовательную к силе нагрузку или припоминая часовое молчание да бездействие.

Никто не отозвался: некоторые лишь робко косились по сторонам, не желая показать свою мнимую некомпетентность.

– Ну.. не стесняйтесь... – заметив подобные взгляды, подбодрил всех Казимир. – Арсений, дай-ка пару пачку каши, пожалуйста.

Парень, что всё время сидел, а сейчас стоял, дожидаясь намеченного часа, под лестницей, что вела к люку, тут же отреагировал да, метнув взгляд на открытую канализационную закупорку, рядом с которой отряд поджидал Миша, полез к своему рюкзаку:

– *Вам з птушкай або з мясам? – спросил тот, роясь в поклаже, на белорусском – он иначе и не общался.

*(перевод) Вам с курицей или со свининой?

– Свинину, будь добр, – подойдя ближе, старший взял с благодарным кивком паёк и, предварительно дернув клапан подогрева, подождал минуту, после чего приступил к трапезе, заметив: – Вкусно... Точно больше никто?

Илья, – довольно тихий парень, являющийся неплохим компьютерщиком, – чуть робея, поднял руку.

– Другой разговор, – из набитого рта слова выходили искаженные.

Но жест указательным пальцем, “прошедший” от Арсения к Илье, первый понял и без слов: в следующую секунду айтишник довольно резво поймал свой перекус с курицей, кинутый ему из запасов почти не тронутой провизии, за которую и нёс ответственность Сеня.

Подобно им и все иные несли свою, характерную им, задачу в отряде. Никто не находился здесь просто так – и оно правильно. Миша – разведчик и отличный стратег, без которого трудно вообще представить подобные рейды. Рома, как и Алина, является основной силой “нападения” как такового – они должны выставить два микрофона сильной чувствительности: один снаружи, другой внутри здания. Понятно, что для прослушки той самой информации,

которую будут или будет некто зачитывать, а может просто говорить, на данном собрании. Илья же должен принять и на расстоянии правильно настроить приборы, дабы не было никаких помех. Арсений, как и было сказано раньше, следит за провиантом, притом ещё выполняя и охранную функцию: не просто так сейчас он всё время сидел под люком, который мог быть в любой момент открыт лицом не только незнакомым, но и не желательным. Снаружи у него будет подобная задача – но там уже просто слежение за тылом. Казимир же просто регулирует всю функциональность данной пятёрки, притом завершающая эту вылазку часть будет полностью, уже на месте и при удачном стечении обстоятельств, выполнена им и под его строгим распределением далеко не боевых сил.

Девушка разогнулась уже в десятый раз – вроде кости больше не хрустели. Значит – нормально, можно и на дело. Отчего-то её знобило, и она, поддавшись холоду, зарылась подбородком в высокую горловину своего серого свитера, что всё равно не шибко спасал – уж слишком тонким он был. В тот момент она с еле чувствительной завистью посмотрела на толстую чёрную байку довольно низенького, но атлетично сложенного парня Ромы. “Ему уж точно тепло” – подумалось ей, а затем снова последовали бесполезные мысли, являющие собой переложение вины за морозец по коже лишь на свитер. Вообще какой-либо общепринятой одежды у представителей редиума не было: что в повседневной жизни, что в подобных ситуациях они одевались как хотели и во что хотели. Лишь одно было негласное правило: в рейды, словно этот, выбирать одежду более мрачных тонов – вот и всё. Минус это, или плюс – каждый решает для себя сам. Но факт остаётся фактом: “Возрождение” – не односторонне мыслящая группировка, представляющая собой однообразно думающее общество, существующее по единому закону да придерживающееся общепринятых суждений. Нет. Редиум лишь выражает собой одну идею, которую поддерживает каждый приверженец данной культуры, а какие мысли, правила и взгляды он содержит “на стороне” – его дело и право. Посему и ношение односложной, одинаковой одежды – глупое и несуразное занятие, никак не отражающее основополагающую цель...

– Десять минут прошло, – заметил, словно невзначай, Рома своим вечно чуть вздёрнутым голосом.

– Тогда выдвигаемся, – слаживая упаковку от каши в пакет для мусора, тут же отправившийся обратно в рюкзак, констатировал Казимир.

Алина, несмотря на то, что перекусывала более десяти часов назад, – рефлексии насчёт родителей и сегодняшней миссии, – не хотела есть, но то ли от волнения, то ли от трудно угадываемого предчувствия чего-то странного да необычного, когда она подходила к лестнице, у неё заурчал живот. Украдкой оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто не заметил, девушка, чуть всё-таки покраснев – дала слабину как-никак, – полезла предпоследней. За ней последовал Илья, в данный момент полностью занятый конечной настройкой головного модуля: писк и редкое жужжание припаянной к задней части уха гарнитуры было слышно даже девушке. Хотя лёгкий отсветы она, конечно, увидеть затылком не могла, но они также были,

потому и настраивал парень систему здесь, под землёй – снаружи некто может заметить.

Понятно, что в данный час вокруг было темно. Звёздный свет не проникал сквозь крышу Первого уровня сюда, а посему редкими отблесками на окружении играли лишь отсветы рекламных баннеров да медиа-экранов, находившихся где-то вдали. Тут же, в квартале на окраине, на сей момент уже и фонари выключили – значит незачем им гореть, видимо. Но нет: Миша доложил, что наблюдал группу людей, заходивших в двухэтажный дом некоего человека. Там они уже около получаса, и судя по обрывкам тех фраз, что ему удалось различить – это то, что им нужно.

Незамедлительно Рома с Алиной приступили к своей работе: подкравшись к дому, они, резво преодолев забор, сигнализация которого была уже отключена Арсением, споро расставили микрофоны. Роман у окна во дворе, а девушка, будучи самой гибкой и ловкой, сумев забраться в дом через отпёртое Сеней окно, свой агрегат установила у двери, за которой горел слабый свет немогущей лампы да слышен был тихий голос. Не удержавшись, она-таки послушала немного: нутро требовало этого, дабы доказать самой себе, что всё наконец получилось и разгадка так близка. Но ничего, кроме монотонной, будто шебаршащей в общем консенсусе малоприметных звуков наружного естества, витающих в воздухе в качестве фона, речи разобрать не удалось. Потому она, чья ярая пылкость духа и веры ещё не были остужены никоим образом, быстро и тихо выбралась обратно во двор, а после за забор.

Когда же девушка воссоединилась с остальным отрядом, Илья, подсоединив модуль к планшету, уже настроил приборы. В следующее мгновение из небольшого динамика донесся бубнёж явно чем-то расстроенного человека, чей размеренный тембр скорее не принуждал слушать, а склонял в сон:

– ... да, можно думать все что угодно, и что это просто временно или же вы еще не до конца познали себя. Да – вполне возможно. Но вот что делать точно не стоит, так это скрывать это в себе. Вы правильно сделали, что пришли сегодня сюда, ведь здесь вас выслушают и поймут люди, которые думают так же, как и вы. Я же, повторюсь, готов убедить вас, что в ваших помыслах нет ничего противоестественного. Вот поднимите руку, кто считает, что век его уже закончен и дальше идти просто бессмысленно?... Вот, видите – мы все схожи. И нет, наш выбор таков не потому, что нас разочаровал этот мир. Ведь правда? Ну ведь согласитесь: вам что, мало еды, воды для питья или же, чтобы мыться, мало удобств – нет. Ведь так? Нет, – в этот момент четко послышалось согласное щебетание ещё нескольких голосов. – Этого хватает и это хорошо. Просто мы с вами уже ясно понимаем, что сами не можем отвечать стандартам сегодняшнего дня. И нет, мы не устарили или что-то подобное, просто мы не вписываемся в ту динамику развития, что процветает во всеобщем масштабе сегодня. Мы с вами люди, которые лишь тормозят это время – и это мы понимаем. Потому говорю вам откровенно и честно... – слушая эти слова, Сеня шепотом молвил: * “Лухта ды і толькі ”. Про себя Алина с ним согласилась, примечая настороженное выражение лица Казимира, который, видимо, начал понимать суть, и ему она не нравилась. – Никакая это не депрессия, и никакой недостаток самосознания. Как раз

наоборот: мы полностью поняли и себя, и окружающих. Мы свободны разумом от этого мира, но всё ещё заключены в тело, почему и не можем до конца себя познать, потому и чувствуем эту моральную тяжесть.. этот дискомфорт...

*(перевод) Какой-то бред

– Да ё* твою мать! – резко вскочив на ноги (видимо, поняв суть ранее услышанного) Коликов бегом ринулся к дому.

Да так быстро, словно боялся упустить последнюю надежду на свою ошибку.

– Эй, – столь резко совершённое со стороны этого мужчины действие немного шокировало девушку и остальных, почему она, выкрикнув, сперва просто смотрела ему в след, а затем, заметив движение со стороны Ромы, помчавшегося в том же направлении, вышла из ступора да тоже взяла разгон, забыв об незаметности.

Преодолев забор, Казимир бесстыдно громко отворил входную дверь, причём звук был такой, что можно было подумать, будто до его с ней взаимодействия она была заперта. Заметят его или нет, ясное дело, мужчину не волновало: он был зол на себя, на окружающий мир и прочее, желая как можно скорее получить доказательства либо своей правоты, либо своей оплошности, причём последнему варианту он был бы рад более всего.

Мощным движением отворив вторую дверь в комнату, где расположилась “конференция”, приверженец редирума обнаружил направленные на него взволнованные, тревожно страшящиеся его взгляды где-то пятнадцати человек. Шестнадцатым на него смотрел одиноким глазом ствол раритетного серебряного револьвера...

Подросли молодые люди, однако на них участники собрания не обратили внимания, все ещё уставившись на тяжело дышащую в дверях фигуру Казимира. А вот Алина, выглянув чуть из-за плеча негласного главы отряда, немного изучила лица присутствующих в комнате. Вот полный парень, вертящий головой по сторонам, изредка задерживая взгляд на входе, словно пытаясь найти спасения и в то же время не определившись, а нужно ли ему оно вообще. Вот худая женщина, чем-то сильно озабоченная и оттого напряженная, а ввиду такого неожиданного вторжения её чувства и вовсе были взвинчены до предела, почему теперь голова, словно нанизанная на тонкую шею, сильно тряслась, не в силах оставаться на месте. Пожилой человек с усами, двумя небольшими родинками под правым глазом, и равнодушным взглядом, словно затуманенным некими своими думами да мыслями. А вот основной герой сборища: стоит у стены комнаты, рядом с интерактивной доской, и, храбрясь, в подвижных от страха руках держит направленный на Казимира отливающий блеском в слабом свете пистолет странной формы – Алина таких не видела.

Прочих она не рассмотрела, отвлёк вновь заурчавший живот, словно дающий понять всю тщетность и глупость сложившейся ситуации – от попытки принятия данного факта девушке стало хуже. А после, с вызовом, вдруг заговорил Коликов, обращаясь к мужчине с пистолетом:

– Ну, чего ты?! Что сделаешь?! Стрелять собрался?! Так чего ждёшь? – он вошел, наконец, в комнату, на шаг приблизившись к держащему оружие человеку, тот, более выдав гримасой свой страх, лишь попятился, отведя пистолет ближе к себе. – О как? Да ты только в себя выстрелить сумеешь! – Казимир был зол, более чем когда-либо, ибо подобным его ещё никто из его подопечных не видел.

И он это понял, как и понял, что только что сказал. И с этим пониманием пришёл стыд, а вместе с ним и краска на лице, да моментальная попытка исправления: вытянув руки вперёд, словно предостерегая от чего-то, “возрожденец” мягким тоном произнёс. Впредь отдавая себе отчёт, с человеком какого мыслительного строя общается:

– Эй-эй, погоди... Я пошутил, слышишь... Я.. я не хотел... Хорошо? – вытянулся в полный рост, озабоченно наблюдая за действиями фанатика, обвёл взглядом комнату, пострел на учинённый собою вред и, с грустью смотря в пол, сказал, обращаясь не только к людям в помещении, но и к своим подопечным: – Прошу прощения.

Украдкой переведя взгляд ещё раз на мужчину с пистолетом, **который тот прижимал плашмя к груди, и заметив на рукояти рисунок рога некоего животного** (из кости которого наверняка она и была сделана, вещь-то коллекционная), Казимир отметил мысленно, что человек явно состоятельный и дом на Первом уровне приобрёл лишь для подобных сборов. Доказательством его догадке об материальном положении пожилого мужчины послужила запереченная им в последний момент гагатова булавка на черном пиджаке, – трудно потому и различимая, – выдавшая себя кратковременным переливом света от слабой старинной лампы, распложенной позади на столе. “Гагат... Не припомню фамилии” – подумал бывший член подобных каст разворачиваясь к выходу, в последний момент посмотрев в глаза этому несчастному, который вроде сумел прочесть в них смысл, что и пытался ментально донести Коликов: мысль о его жалкости и моральной слабости...

– Уходим, – кратко бросил Казимир, выходя из комнаты.

Алина, которой становилось всё хуже ввиду сложившейся ситуации, развязка которой подразумевала очередную неудачу, медленно пошла следом, не веря в произошедшее. В этот момент Миша, тоже понявший суть дела, прочитав запись на доске, импульсивно прокомментировал, словно это могло хоть как-то изменить психический настрой тех людей:

– **“Я не хачу прыдумляць або разумець прычыну. Я нешчаслівая. Гэтага мне дастаткова”** – тупое оправдание вашей веры! Ребятничество... – последнюю фразу он озвучил тише, более для себя, отойдя уже от двери.

После же, быстрым шагом нагнав главу отряда уже у забора снаружи, попытался подбодрить Казимира:

– Мужик... Ты только не расстраивайся, найдём, обязательно... Из меня слабый вдохновитель...

– Да они же как дети малые, – Коликов это говорил не о революционерах. Он знал суть сингравацизма, и знал, свидетелем чего только что был, и осознание ещё и этого бича сегодняшнего общества драло ему душу. – Просто заболевшие дурни... Не понимают...

Пытаясь выразить мысль, он всё шёл вперед. За ним шли и остальные. Рука Миши лежала на плече словно пред кем-то раскаивающегося мужчины. Иные молчали, погрузившись в раздумья о произошедшем. Разве что тихо постанывала Алина, не желая верить в очередной провал, не понимая сути того, застигнутого ими собрания – она слышала о сингравацизме и о ситванитанской депрессии, но никогда особо в это не вдавалась, привыкнув считать данные темы лишь проблемой, которые вскоре решаться. Конечно, решиться они должны были не без помощи редирума, но революция чуть поменяла ход событий. Но ввиду малых познаний в иных аспектах социального развития, девушка-то и забыла вовсе о них... А вот теперь силилась вспомнить, притом пытаясь ответить на вопросы вроде “почему?”, “из-за чего?”, “что это было?” и так далее. Но ответов найти она не могла – ей становилось всё хуже.

Закончилось всё тем, что, когда отряд отделился от злосчастного дома на метров двести, она хрипло застонала, отреагировав на очередной спазм, со свистом выдохнула и, услышав в последний момент, что привлекла внимание, упала навзничь на вечно теплый асфальт...

Глава 3:

Сквозь тьму закрытых очей слабо пробивался мягкий свет. Но сейчас он был нежеланным гостем, потому Алина перевернулась на другой бок, уклоняясь от источника свечения да ощущая под собой убаюкивающую вибрацию гидроматраса.

Как только физическое блаженство чуть отступило, девушка слышала слабые голоса, доносившиеся словно откуда-то издали. Однако, припоминая расположение стен в четырёхкомнатной квартире на Первом уровне, купленной Казимиром специально как место дислокации именно их группы, девушка сделала вывод, что обсуждение чего-то пока ей непонятно происходит просто за закрытой дверью.

– ... *трэба нешта рабіць! – призывающий лозунг Арсения был первым, что ей удалось разобрать.

*(перевод) Нужно что-то делать!

– Вот как? А мы, по-твоему, ничего не делаем? – рассудительный голос Миши, с которым он сделал язвительное замечание, девушка признала тут же.

– *Робім! Але гэтага не дастаткова...

*(перевод) Делаем! Но этого не достаточно...

– Хах.. не достаточно... Ну тогда давай, Расскажи, что надо сделать, чтобы было “достаточно”... – с иронией подтолкнул Арсения к ораторскому выступлению всегда тихий Илья.

– * О... Вось як яно выходзіць... Я ужо колькі разой гаварыў, і нікому справы не было. А сёння, пасля ўжо далёка не першай памылкі, вы ўсё ж вырашылі мяне выслухаць...

*(перевод) О... Вот как оно выходит... Я уже сколько раз говорил, и никому дела не было. А сегодня, после уже далеко не первой ошибки, вы всё же решили меня выслушать...

– Так ты говорить или выступать тут будешь? – Казимиру явно несильно понравилось позёрство словно чем-то обиженного Сени, который, кстати, тут же притих, явно поняв комичность и нелепость своего поведения. – И мы и раньше тебя слушали, но ты никогда мысль до конца довести не можешь, – со стороны Миши послышалось саркастическое замечание, явно вызвавшее улыбки: “А сейчас и просто начать”. – Вот сейчас посиди минуту, соберись и потом уже разъясни свой взгляд, на эту проблему... Только давай в пределах наших возможностей.

Повисла десятисекундная тишина, которую нарушил всё прежний голос Сени:

– * Не, не патрэбна хвіліна...

*(перевод) Нет, не нужна минута

– Уверен? – голос Ромы всегда был чуть вздёрнут, просто от природы, но сейчас и дополнительная настороженность сквозила в нём: Арсений довольно импульсивен в самовыражении, потому четко высказаться и ознакомить собеседников со своей точкой зрения для него является проблемной задачей.

– * Да... Гэта.. я... – он выдохнул. – Увогуле, я думаю, што трэба стаць адным з іх, – на начавшийся возражать галдеж недопонимания и обвинений, парень тут же отреагировал: – Не-не-не! Быццам.. быццам мы адны з іх. Не па сапраўднаму. Усяго толькі прыкінуцца, нібы мы таксама за ідыі рэвалюцыі. Тады мы зможам даведацца, куды гэтыя групы збіраюцца па начах. А там і да выканання плану недалёка...

*(перевод) Да... Это.. я... В общем, я думаю, что нужно стать одними из них. Нет-нет-нет! Будто.. будто мы одни из них. Не по настоящему. Всего лишь притвориться, словно мы тоже за идеи революции. Тогда мы сможем узнать, куда эти группы собираются по ночам. А там и до выполнения плана не далеко...

Он говорил крайне просто (в последние времена люди на любых языках говорят словно по-простецки просто потому, что уменьшается словарный запас ввиду малого оборота речи “в живую” – но это иное), но окружающим его людям словно понадобилось время для осознания речи. Паузу прервал, чего и следовало ожидать, Казимир:

– Ты умный парень, Арсений – с этим я не спорю. Но не самый, – голос наполнился искусно притворным сожалением. – Ты думаешь, подобную мысль первый предложил. Как ты считаешь, сколько до тебя пытались подобное проверить? – секундная заминка. – Много. И знаешь, что самое интересное? – вновь кратковременный перерыв, во время которого лицо Сени приобретало всё более сконфуженные черты. – А то, что никто не вернулся. Вот так вот: притворились, вроде бы, и обратно от роли избавляться не захотели... Смешно, да? Но это – правда. Потому брось ты эту идею, и лучше давайте над другими подумаем...

– *Ну а як яшчэ?! – парень не хотел униматься, явно силясь найти какой компромисс.

*(перевод) Ну а как ещё?!

– Над этим я и предлагаю поразмышлять, – сентенциозно заметил спокойным голосом Коликов.

– *Ды колькі можна ўжо? Мы ўсё думаем ды думаем, а нічога канкрэтнага не робім. А калі і спрабуем, то з месца ўсё роўна зрушыць не можам! Бо трэба. Трэба! Бо.. бо можна ж... Не ведаю... – новая тирада молодого человека вновь затягивалась, но та искренняя вера и неистовость, с которой он произносил слова, давали точно понять: он готов генерировать не просто идеи борьбы, но и готов бороться согласно этим идеям, не предавая своей основополагающей догмы. Тут он чуть задержался, обдумывая очередную фразу, и вот через секунду продолжил с тем же напором: – Прыкінуцца, да вечара ўсю гэту справу пракруціць, а калі прыйдзе час збораў – пойдзем за ўсімі, а там ужо як-небудзь ад натоўпу гэтага пазбавімся: проста месца сходу даведаемся і ўсё – справа зроблена. Ну а нават калі не так, утрох можам пайсці, а тры з нас застануцца, і мы будзем перадаваць паведамленні адзін аднаму – тады і любы падман не страшны, таму што сігнал, калі што, застанецца заўважаным...

*(перевод) Да сколько можно уже? Мы все думаем да думаем, а ничего конкретного не делаем. А ели и пытаемся, то с места всё равно сдвинуться не можем! А ведь надо. Надо! Ведь.. ведь можно же... Не знаю... Притвориться, до вечера всё это дело проверить, а когда придёт пора этих сборов – пойдём за всеми, а там уже как-нибудь от толпы этой избавимся: просто место собрания узнаем и всё – дело сделано. Ну а даже если не так, трое могут пойти, а трое остаться, и мы будем передавать сообщения друг другу – тогда и любой подвох не страшен, потому что сигнал, если что, останется замеченным...

– И ты считаешь, что больше никем он замечен не будет? – довольно грубо прервал Илья: человек, понимающий в таких делах больше других там находящихся. – Они может и похожи на стадо, но явно не настолько глупы, чтобы не отслеживать Wi-Fi-потoki.. а может даже и радио... – слышался его смехок: да, такая бесспорно устаревшая вещь, как радиоволна, уже лет двадцать не в чести, но при необходимости, во имя конспирации, ею нет-нет да могут воспользоваться. – В любом случае нужную аппаратуру сейчас в любом магазине компьютерных технологий найти можно, так свою станцию

вещательную или перехватывающую создать – это труд не большой. А если ещё и навыками кое-какими обладать, то можно и поглубже каналы связи найти... В любом случае – идея хреновая.

Секундная заминка. Алина прям чувствовала, как взгляды трёх людей перешли от хакера обратно к выступающему, чья голова вновь напряглась в выискивании подходящего ответа, обоснованного как логически, так и функционально. И он был найден:

– *Ну, тады што наконт выкарыстання квадракоптэра для перадачы інфармацыі? Стагоддзе таму ж яшчэ лісты пасылалі, дык чаму б і зараз ... А? ... Аўтапілот ніхто не адмяняў, а каб выключыць яго цяжэй было, можна і на частковай механіцы сканструяваць – тады, калі што, пры заглушцы электрычнасці, напрыклад, недалёка, але ён зможа яшчэ праляцець. А там яго ўжо наша другая частка каманды перахопіць. Яны паглядзяць запіску - там назва вуліцы, ці проста апісанне. І ўсё. Чаму не?...

*(перевод) Ну тогда как насчёт квадрокоптер для передачи информации использовать. Век назад же ещё письма посылали, так почему бы и сейчас... А?... Автопилот никто не отменял, а чтоб выключить его труднее было, можно и на частичной механике сконструировать – тогда, если что, при заглушке электричества, например, недалеко, но он сможет ещё пролететь. А там его уже наша вторая часть команды перехватит. Они посмотрят записку - там название улицы, или просто описание. И всё. Почему нет?...

– А писать ты как собираешься, выкрикивая лозунги да бегая взад-вперёд всё время? – замечая основной недостаток, чуть ядовито, но всё с той же нравоучительностью в голосе, спросил Казимир.

– * Можна не пісаць! – тут же отреагировал, словно заранее подготовив ответ, Сеня. – Мікрафон прымацаваў куды і па блютузе на гэты .. прыёмнік ў квадракоптэра запіс перадаць. Можна ж, так? І блютуз дзе-небудзь знайсці, і патрэбнага робата са сваёй нагі – гэта ж не праблема. Ілля, так бо? ... Ну дык чаму б не паспрабаваць? Бо ўжо далей усё роўна нам няма куды падаць: чым больш мы нічога не робім – тым больш у нас праблем. Так што спрабаваць усё роўна трэба! ...

*(перевод) Можно не писать! Микрофон прикрепил куда и по блютузу на этот.. приёмник у квадрокоптера запись передать. Можно же, да? И блютуз где-нибудь найти, и нужного дрона - это ведь не проблема. Илья, так ведь?... Ну так почему бы не попробовать? Ведь уже дальше всё равно нам некуда падать: чем больше мы ничего не делаем - тем больше у нас проблем. Так что пытаться всё равно надо!...

– Стоп! – вновь непривычно резко оборвал Казимир, но в этот раз он, по голосу было ощутимо, не собирался учить. Он подождал пару секунд, поразмыслил, затем предложил: – Ладно... Идея неплоха – да. Но... Эх, понимаешь, мы не можем так рисковать... – Арсений хотел что-то разочарованно возразить: *‘‘Але...’’ – послышалось от него без продолжения, но уже в этой паре букв он уложил столько желания найти поддержку, что его необычно расстроенное лицо встало перед глазами Алины на

подсознательном уровне. – Однако, – Коликов не закончил. – Давайте поступим так. Сеня прав: необходимо менять стратегию. Поэтому я сейчас кое-что попробую сделать, и если через два дня ситуация не изменится и мы так ничего не выясним, то начнём действовать по плану Сени. Договорились? А если у меня уже сейчас ни черта не получится, то завтра вы об этом узнаете, и тогда мы незамедлительно приступим к исполнению затеи с квадрокоптером... Ну как?

*(перевод) Но

– А что ты сделать-то собираешься? – с нескрываемой пытливостью спросил Рома.

На этой фразе послышался тяжёлый шаг Казимира – он приближался к двери в комнату Алины. И, находясь к подопечным спиной, всё же ответил:

– Мужики, обещаю вам: завтра вы всё узнаете. А сейчас лучше идите отдохните... – Он открыл дверь в комнату и окликнул единственного, с кем бы всё-таки хотел, как всегда, посоветоваться: – Миша. Если не трудно, можешь остаться...

– Да нет проблем, – через пару секунд в комнату с лежащей девушкой вошла вторая фигура, еле видимая ей через полураскрытые веки: сам организм противился пробуждению.

Иные члены отряда расходились. Все верили Коликову безоговорочно, так что больше никаких вопросов не возникало: завтра так завтра. Слово Казимира дорогого стоит, и обещаниями он просто так не разбрасывается – это усвоили все его подчинённые. Так что они отлично понимали, что если он не захотел говорить, то значит так оно нужно и для них в том числе: в конце концов, огромная часть их взаимоотношений построена на доверии, потому, коль его не станет, кем же будет они...

– Ну и о чём поговорить хочешь? – устраиваясь где-то рядом с боковой, по отношению к двери, стеной, не далеко от головы Алины, с интересом поинтересовался о теме сегодняшней беседы Михаил.

– Да хотел узнать твоё мнение по поводу плана...

– Это что Сеня предложил?

Ответа не последовало, но девушка заметила еле приметное движение головой, совершённое Казимиром, – кивок. В этот же момент где-то в иных краях квартиры закрылась входная дверь за последним выходящим молодым человеком – об этом, привычным еле заметным стрёкотом, оповестил автоматический запустившийся режим блокировки замков.

– Ну.. здесь даже не знаю, что тебе сказать. Я с ним и согласен, и не согласен одновременно. Делать что-то точно нужно, но инструмент, который он предлагает, вызывает у меня сомнения. Однако иного выхода я сам пока не вижу.. может, слудет побольше на этот счёт пораскинуть мозгами...

– Вот я о том же... – медленно, в задумчивости, протянул кинокритик.

– Так погоди. Ты же сказал, что что-то сделать хочешь... Я не понял, так у тебя у самого никакой мысли нет?...

– Да не торопи события. Есть мысль.. есть. Просто прибегать к ней не хочется...

– Ну, в этом я тебе не товарищ. Сам сказал, что все подробности раскроешь завтра, а не зная, что ты затеял, я тебе не помогу – уж прости...

– Да за что тебе извиняться-то... – Вновь голос Коликова звучал как-то озабоченно и тихо. Наконец он решился: – Ладно. У тебя телефон с собой?

– Ну-у да... А зачем тебе? – сквозь ресницы слабо проглядывались телодвижения двух людей: один – Миша – стоя у стены, нечто достал из кармана байки и передал это человеку, доселе ходившего взад-вперёд по комнате медленным размеренным шагом, нечто обмазгивая.

Это нечто было небольшой прямоугольной формы и, не зная Алина хитрости данных устройств, она бы подумала, что парень вовсе передал Казимиру пустоту: телефон представлял из себя полностью прозрачную пластину, окаймлённую лишь черной, белой либо иной, в зависимости от предпочтений, линией, дабы его хоть что-то выделяло во время бездействия. При активации, конечно, он лучится всеми возможными цветами, выдавая огромный ряд функций и программ. Но а в обычном состоянии – плоская, крайне тонкая вещь, почти не приметная, потому что так нравится людям: так модно, так красиво, так данный аппарат показывает возможность человеческого гения. Но так же он и легко теряется, забывается, давится иными людскими принадлежностями ввиду своего непримечательности. В общем: красиво, но не практично. Девушка слышала, что раньше, давно, существовали приборы с кнопками, они также именовались телефонами, но не имели и пяти процентов тех возможностей, что их потомки. А далее просто шло развитие, где всегда производители более боролись за функциональность, качество, простоту и дизайн. Впоследствии последнее выдвинулось на первые ряды, ибо человек видит – человек покупает. И не сказать, что мало кто осознавал данный факт. Нет. Таких большинство, посему в последние лет пять телефоны всё больше и больше проигрывают свои позиции, уступая внедряемым или нателным модулям. Да, на них не поиграешь и видео не посмотришь, но для этого есть кинестеты, а здесь только разговор нужен. Ну а кто хочет большего: расширить возможности модуля да внедрить его в тело никогда не поздно, Илья, например, так ещё в семнадцать сделал. Но это, по мнению Алины, довольно глупо, ибо ей больше нравилось оставаться такой, какой её создала природа, уже сколько столетий изменяемая людьми...

– Да так, позвонить кое-кому нужно, – приложив к уху прибор, сказал долго набравший номер Коликов.

Видимо он, вместе с тем, вводил некий код, а то уж слишком долго он петлял пальцами по экрану, в то время как Миша лишь растерянно смотрел то на него, дожидаясь ответа, то на бесчувственную Алину, у которой словно хотел спросить: “Он меня слышал?”.

– Это по поводу плана по разоблачению?

– Ну а как иначе? – лёгкое волнение критика отказывало влияние и на теле: грызя ноготь своего большого пальца в глазах Михаила он выглядел как-то особенно непривычно, ибо он привык лицезреть его в сильном и независимом амплуа, однако и на толику уважения к этому человеку это не влияло, ибо его респектабельность почти непоколебима – слишком многое он сделал для редирума.

– Тебя ведь перехватить могут... – слегка напрягся молодой.

– Я по защищённой линии звоню, да и речь, если что, мою мало кто поймёт... О.. Ало? Ало? Никодим? Здравствуй, я тут звоню по поводу овощей... Да, свежих. Где ты их, говорил, покупаешь? Ага... А точно безопасно? Ну знаешь, сейчас всякое может случиться... Ну ладно, спасибо. Слушай, я не дома, так что... Да-да, рад, что понял. Ну всё, давай...

Казимир отключил вызов и отдал телефон Мише.

– Ну как? – спросил тот, всовывая прибор обратно в карман.

– Завтра с утра домой мне письмо прийдёт – тогда и узнаю. А пока ждать...

– То есть?

– Ну вот то и есть. Ты сейчас домой или здесь переночуешь?

– Так-так, подожди. Ты меня позвал, только ради того, чтобы взять телефон?

– Ох... Нет, я не определился до конца, просто, ну а ты мне как поддержка...

– Тебе Алины мало? – это была шутка.

– Ты посмотри на неё, – с легким смешком парировал старший. – В любом случае спасибо тебе. Так ты домой?

– А ты здесь остаёшься?

– Ну надо же её стеречь, – вновь это относилось к девушке.

– Ну тогда я с тобой. А с утра пойдём за этим самым письмом...

Прошла недолгая пауза, развеянная вопросом, бесполезным по сути, Коликова:

– Уверен? Спать не хочешь?

– Да тут до утра не так уж и долго осталось, так что продержусь. Да и вопросы у меня к тебе возникли.

– Ну тогда задавай, что ж ты, – дал добро, ослабившись, глава отряда, присаживаясь у стены рядом с дверью.

Сев подобным образом, только у правой, по отношению к Казимиру, стены, Миша начал:

– Ну, во-первых: чего же ты при всех не позвонил?

Глава 4:

– Не хочу особо им сейчас головы засорять. Ребята и так устали: пусть отдохнут.

– О как... Ну, это на тебя похоже.

– Хехе. А разве ты бы поступил иначе?

– Ох.. не знаю. Я не ты, Казимир, я не всегда готов к самопожертвованию ради других.

– Это ты называешь самопожертвованием?

– Нечто близкое к нему: ты указал всем на выход лишь из-за благородства, то есть потому, что хотел, чтобы все отдохнули, тогда как сам оставил для себя ещё часть работы...

– Хах, позвонить – это не работа.

– Думаю, твои нервные клетки с тобой не согласятся.

– О, с этим спорить не буду. Однако никто не грешен – в чём-то мы всегда выпускаем желчь, так что и мне петь дифирамбы не стоит.

– Во-первых: что тебе не стоит петь – я не понял. А во-вторых: я и не говорил, что ты за плечами нехороших поступков не имеешь – таких людей вообще, как ты сам же сказал, нет. Взять хотя бы сегодня: я тебя, к слову, давно таким злым не видел, особенно когда ты к этим фанатикам на собрание вломился. Мне на секунду даже показалось, что тот мужик с пистолетом реально в себя выстрелит. Хорошо, что ты всё-таки одумался вовремя...

– Ну, тут уже просто злоба схватила. Отказывался поверить, что вновь всё напрасно.. так задрало уже, не могу. Вот и...

– Не выдержал?

– Ага. А вот ты молодец, сдержался. Да и другие не подвели, даже вон, Алинка – всё в себе. Потому и плохо, наверняка, стало.

Девушка заприметила, как расплывчатые контуры двух фигур повернули к ней неровные круги голов. Тот, который был Мишей, сказал с небольшой издёвкой:

– Мгх, а ещё потому, что есть надо почаще...

Нечёткий овал Казимира посмотрел на своего собеседника, который пояснил:

– У неё живот несколько раз гудел... Ты что, не слышал? – от данного заявления, а скорее от его неожиданности, ибо Алина была уверена в своей незаметности в те моменты, притворщица на секунду раскрыла глаза, устремила взор, подобно Коликову, на парня.

Но тут же, сообразив о вопиющей глупости движений, обратно замкнула веки и притворилась всё той же безмятежной жертвой, пребывающей во власти Морфея.

– Не-ет... – протянул, судя по всему, ничего не заметивший глава отряда.

Его собеседник и вовсе смотрел в тот момент в иную сторону. Собственно, и сейчас взор его был устремлён отнюдь не на кровать, а на того, к кому относилась его фраза:

– Да? Ну ладно, что уж там, бывает...

– Да нет – это тоже злоба. Волновался всё, мондраж... Вот и не обращал на ребят внимания. Черт, дурень старый. Услышал бы, силой есть заставил.. как же так?

– Да что ты начинаешь, а? Она большая девочка, сама виновата... Хотя её можно понять.

– Думаешь, из-за родителей?...

– Ну а как иначе? Тоже волнение, тоже страх. В общем – во всём виноваты чувства, – Миша, сказав данную фразу, встал и, явно чтобы размять ноги, прошёлся по комнате, добавив: – Однако без них никуда, ведь они и делают нас людьми...

– А вот в этом я с тобой не до конца согласен, – молодой человек, остановившись, резко повернулся всем корпусом к оппоненту в разговоре, явно вопрошая взглядом продолжения мысли и объяснения своей позиции в ранее озвученном вопросе. – Да... Не чувства делают нас людьми, далеко не они, Мишка. Людьми нас делает разум, а уже он отвечает за все такие формальности, как чувства, как воображение, как душа и многое другое, ввиду чего мы привыкли себя считать существом более развитым, нежели животные. Хотя по сути, мы и есть те же самые животные, просто миллионы лет назад, когда начался весь процесс эволюции, мы представляли из себя такой же вид млекопитающий, как и сотни вокруг. И то, что именно в нас, а именно в животных, позже ставших нами, проросла эта жилка ума, позволившая сообразить о мире вокруг, все люди должны благодарить лишь случай. По-любому, этот бы процесс произошёл, и, в общем, благодарить мы должны лишь из-за нашего внешнего вида, который по понятным причинам для нас стал идеалом, хотя в ином случае идеал был бы вовсе иной, однако разум подобным, потому как, повторяюсь, случай, что постиг нас, при любом стечении обстоятельств произошёл бы.

– То есть, ты имеешь в виду, что как бы там ни шла история, человек бы был, потому что так и так произошло бы развитие разума, – Миша вновь сел, заинтересованный размышлениями Казимира, и готовый их даже, видимо, оспаривать.

– Конечно...

– Но почему? Ведь развитие разума можно считать и то, как обезьяны сейчас умеют костёр при помощи двух палок разводить, однако они же не мы.

– Э-э... Ты не торопи. Сейчас уже развитие любого другого вида в априори не возможно потому, что человек полностью овладел нашей планетой, и следы его развития видны уже везде да повсюду, а отсюда и следует, что большего-то уже и не надо, потому как животные, ввиду своего малого умственного развития, пусть и видят всё это, но не могут понять суть. А если и могут, как, например, огонь, то они его не так часто пытаются добыть сами, как больше прильнув к людям, к их жилищам, в общем туда, где тепло и светло... Человек своим развитием сам искоренил возможность ещё одной эволюции. Вот и всё. А сам отличен именно невероятно высоким показателем своего развития, ведь не возможностью творить мы различны со зверьми, а возможность осознать, что мы творим. Вот например: что такое воображение. Это то, что является отличительной чертой человеческой расы и иных обитателей Земли?

– Ну.. да...

– Вот. И верно, и не верно одновременно.

Миша чуть стушевался, его лицо явно выражало некую растерянность, которую Казимир тут же поспешил убрать:

– Воображение – это важная, но отнюдь не единственная шестерня в складном механизме разума, благодаря которому мы отличны от фауны вокруг. И если рассматривать эту метафоричную машину целиком, то поверь, нам и недели не хватит, ибо в ней сосредоточено то безмерное количество оригинальных, присущих только нам черт. Потому возьмем за основу то, о чём мы, собственно, и говорим...

– Воображение...

– Именно. И рассмотрим ценность именно этой, так сказать, детали. Разум наделил нас умением физически влиять на мир вокруг, преобразовывая его таким образом, дабы нам было комфортней существовать в нём. Однако по мере эволюции, человек жаждал всё более благоприятного к себе отношения со стороны матери природы. И каждое своё видение возможного облагораживания жизни он как-либо формировал: мысленно, картинами, лепкой из глины и так далее... К чему это я? А к тому, что уже здесь мы видим проявление воображения: представление того, чего нет и что в одинаковой степени как возможно, так и невозможно – не это ли и есть то, что мы называем фантазией, которая с творческой точки зрения и подразумевает под собой воображение. Да – это оно и есть. Но ты не смотри, что начал я именно с его прекрасного, в эстетическом смысле, творческого плана. Просто.. ну, так удобней воспринимать, ты ведь меня понимаешь?...

Неуверенно покачав головой, Миша ответил:

– Ну.. частично... Да, основную тему понимаю, – и Алина полностью была с ним согласна: речи Казимира изредка было трудно понять из-за их непривычной нагромождённости в терминах, в неких впредь не используемых словах и так далее.

– Ха. Ну, ты прости, если слишком трудно. **9“Привычка – вторая натура”**, не могу ничего с собой сделать... Но, в общем-то понятно, так?

– Да-да, – энергично заработал головой парень, готовясь слушать далее и абсолютно не обижаясь на собеседника: такие речи всецело объясняются его жизненным занятием, – критикой, – что требует от него обширных языковых знаний, и просто автоматически он не может не применять их и в обыденной жизни.

– Ну так вот, буду краток: мы знаем, что воображение есть способность мыслить образами, нечто себе представлять, воображать. В общем – создавать нечто новое, но лишь в эфемерном плане, то бишь у нас в голове. Из этого мы делаем вывод, что никакое развитие не возможно без воображения, ибо как поддаваться умственному, физическому, моральному и иному росту, коль его результат мы не способны представить. Посему могу с уверенностью сказать, что воображение является также сборной солянкой, где, коль рассматривать по отдельности, собраны такие атрибуты головной деятельности, как мечты, цели, планы на будущее или же вовсе нереальные творческие завороты ума. То есть: Воображение – это, бесспорно, один из главнейших двигателей прогресса людской морали, людского разума, людских амбиций и вообще человека в целом. Разум породил в нас способность стремления к лучшему путём представления этого самого лучшего, что уже является самим воображением. А уж что мы в нём рисуем, зависит индивидуально от каждого человека. Но одно точно и неоспоримо: любой, даже самый заурядный и невзрачный член социума наделён воображением, в котором он проецирует мысли или своего реального прошлого или призрачного будущего. В любой интерпретации любой думы мы видим лишь один путь к её осознанию, разумению и представлению – это воображение. Однако само воображение – это результат нашего самопознания и самосознания, которые сделал возможным разум. Лишь изучая себя, мы поняли о том, что умеем чувствовать, представлять, мыслить и так далее. То бишь все те понятия, которые многие относят к Человеку как к единственному живому существу, что ими обладает – это любовь, это добродетель, это ностальгия и тому подобное. Всё это – результат работы нашего мозга. То есть мозг – это единственное, что делает нас Людьми...

Прошло полминуты, в течении которых Миша не произнёс ни слова, обдумывая, также, как и Алина, только что услышанное. А потом парень спросил, причём то же самое, о чём хотела узнать и девушка:

– То есть, ты думаешь, что душевность, доброта и так далее – это лишь результат нашего развития, и никакими иными психологическими особенностями это не обладает?... То есть нет, не так. Что культура, вера и тому подобное – дело, зависящее лишь от производительности разума, и будь любое животное хоть немного подобно нам в развитии, оно тоже обладало бы всеми этими свойствами?

– Верно...

Михаил словно растерялся, а девушке так и хотелось вскочить со своего места да оспорить позицию своего безоговорочного авторитета, однако также она всецело понимала, что доводов она никаких не имеет.

– Тогда... В чём смысл? Ну.. в чём смысл нас?... – пытаюсь безуспешно отыскать разгадку, крутя медленно по сторонам головой, спросил Миша, в чьей голове роилась истинным хаосом плеяда мыслей, доводов, выводов и так далее – всего того, что раньше он познал для себя, и что сейчас медленно переставало иметь смысл.

– В дальнейшем развитии. Как иначе? Мы способны двигаться дальше, насколько бы предел не казался близким. Мы его не достигли за сотни веков нашего существования, эх... – Казимир тяжело поднялся. – И не достигнем ещё очень долго. Что такое? ¹⁰**Оказывается, жить – это так просто?** Да?

Посидев ещё с десяток секунд, Миша невесело усмехнулся да озвучил мысль:

– Ну ты... Да-а, над этим точно стоит подумать. И главное, так быстро мысли все воедино собрать...

– Собрал их не я, а рационализм да классическая философия, причём уже довольно давно... – отреагировал, привалившись спиной к другой перпендикулярной входу стене, мужчина, чей внешний вид вряд ли говорил о его мыслях.

– О-о... Ну да, ты даже в этом редируму верен... – сказал, с лёгкой улыбкой, Миша.

– А как иначе? Это сейчас уже он претерпел большие изменения и в идеологии, и в толковании. Раньше так по-другому было...

– Ну, я не вижу ничего плохого в том, что он изменился. В конце концов, современный мир сам собой не отвечает тем задачам, которые перед собой выставлял первичный редирум: мы никак не можем вернуться к старым стандартам, хотя бы потому, что этому противится весь прогресс вокруг... В вероисповедании – нет, потому как тут уже противоречия с научно-техническим развитием. В архитектуре – частично, однако его нельзя связать с функциональностью. В искусстве – можем, но мы воспитываемся, видя другие картины перед глазами, потому и представить иное трудно. Можно начать изменения, но опять же начнёт страдать функциональность. В общем, главным остаётся только моральный план: гуманизм, добродетель и идеи всеобщего мира – это основополагающие мысли редирума, и они сохранены, так что я не вижу причины особо о чём-то жалеть...

– Ты меня ещё редируму учить будешь? – с ехидцей спросил Коликов, глядя на спину юноши, что сейчас смотрел в выпуклое окно на ещё спящий город.

– Нет, я тебе лучше скажу, что уже около пяти часов утра... – Миша повернулся, желая рассмотреть реакцию: глава отряда тут же проверил на часах время. – Ну как, выходим или будем ждать, пока очнётся.

– А чего ждать? – Коликов завернул рукав обратно. – Эй, красавица, вставай давай.

Алина сразу поняла, что данный повышенный тон, отражающий некую шутливость, обращён был к ней, но виду изначально не подала, пытаюсь сохранить обман непоколебимым.

– Алина, прекращай: конспиратор ты плохой, – кто именно она плохой, девушка не поняла, но глаза всё-таки раскрыла.

И как только Миша, чуть удивлённый данной сценой, заметил, как легко и непринуждённо она это сделала, он тут же отреагировал слегка изумившись да показывая пальцем на садящуюся на кровати подругу:

– Что?... И когда?

– Когда про живот мой сказал, – ответила Алина, немного улыбнувшись и понимая, что её кратковременная оплошность не замеченной всё-таки не осталась.

– Однако разговор явно слышала весь, – выдвинул догадку Казимир, будучи уже за дверь.

– Не без этого, – уклончиво ответила ему молодая особа.

– А подслушивать нехорошо, – чуть скривившись, словно в шутку, поучительно заметил Миша, выходя вслед за главой отряда.

– Но вас никто рядом со мной разговаривать не просил, – парировали ему.

– Это да, – стоящий на одной ноге Коликов, на вторую он надевал сапог, появился вновь в проёме. – Ну так как, с нами идёшь?

Ответила Алина ему утвердительно.

OPEN 2...

Часть Третья:

То же время

Глава 1:

Иногда я думаю, каков мир без людей... То есть, совсем. Мир, где не будет никого. Даже того, кто бы мог его созерцать... Эта иллюзия, настолько притягательная для меня, является тем самым неисполнимым желанием, которым болен каждый человек на Земле, которую он никогда не узнает в первозданной, первичной красоте. И от этих двух фактов: наличия данной мечты, и не возможности её исполнения становится грустно, тоскливо да вовсе не по себе. Но не мне, ибо моё желание подразумевает под собой резкое умерщвление всех одиннадцати миллиардов мыслящих тел – это мне не нужно. Мне нужно лишь познать Красоту, но я не готов отдать за это такую цену. Или готов?... Изредка я пугаюсь, что могу вольготно, с чистой совестью, ответить “Да”. Ведь пусть общество и бессознательная масса, она не заслуживает такого, по крайней мере потому, что в этом муравейнике всегда есть особи, способные исправить ситуацию. Посему уже долгие годы я обманываю себя, говоря “Нет” и притом страшась правды – всё-таки Красота во многом куда более притягательна, нежели нечто иное. Но хочется верить, что скоро моё мнение изменится, всё же человек способен себя перевоспитать – это есть саморазвитие, в котором виднеется истинная

Красота уже самого рода людского. И может тогда, я захочу увидеть мир людей, разросшийся на сотни иных планет, сильнее, чем сами эти космические тела без людей...

Лишь время покажет, а рвение моё приблизит тот знаменательный час... А пока что нет ничего милее небольшого, идеально полукруглого холмика, покрытого зеленью, стоящего посреди поля золотистой пшеницы, так энергично перешёптывающейся своими ярко-желтыми колосьями на ветру, уносящем их разговор, понятный лишь природе, куда-то далеко ввысь, в мир, абсолютно не известный людям, но который они уже успели потревожить.

Однако не уничтожили ещё окончательно – **¹¹вот моя отрада**. Да, он бессознательно силился это сделать невероятно долгое время, в последние десятилетия наконец прозрев. Создав непомерных размеров брешь в теле своей вотчины, теперь он пытается её хоть как-либо залатать, спешно закрывая убивающие флору да фауну заводы, предприятия и так далее и тому подобное. Помогает ли это? Пока что сказать трудно, да и рано. Но смысл бесспорно в данных поступках имеется, и коль продолжать так дальше, что-то да выйдет. Ведь впредь люди не добывают энергию из сырья, что добывают, разрывая тело Земли. Теперь человек не столько убивает животных, ради еды, сколько создаёт еду, ради животных. Всё понемногу меняется, и это хорошо, однако нет у меня ни капли уверенности, что так продлится и дальше.

Как интересно: как только люди начали покорять иные планеты да селиться в местах, расположенных за миллионы километров от своего истинного Дома, он наконец научился этим самым Домом дорожить – в этом его загадочная сущность. Однако не только, ибо он также не обременен и глупостью да жадной наживы лишь для себя единственного. Будучи эгоистичными созданиями, мы не способны долгий час взаимодействовать с иными нам подобными, не пытаюсь как-либо выделиться или же заполучить нечто, что будет доступно лишь нам, и никому иному. И ради подобного готовы мы на многое...

А ведь во всём должно быть урегулирование – это заведено природой. Во всём должно быть нечто, что не даст разъединиться слаженному, выверенному механизму. Нечто, что будет всегда, в случае поломки, чинить этот метафоричный механизм. Нечто, что объединит и не позволит развалиться обществу, не позволит случаться конфликтам, не позволит людям глупо прерывать свои жизни и умирать за надуманные, абсолютно несуразные идеалы. Нечто, что превратит свою Жизнь в вечное Существование, положив его на алтарь благоденствия всех людей что есть, и что будут.

Как Луна властвует над приливами да отливами и вообще повелевает водной стихией земли. Как ветер, единый, создаёт то ураганы то штиль на разных просторах, как водных, так и земных. Как солнце – единственное, что дарит нам свет и только оно в ответе за него, а также за создаваемую им жару, сухость, пожары или же комфорт да благоприятную погоду. Во всём есть что-то, что отвечает за всё. И за эти космические тела также отвечает.. не знаю, антиматерия или же иная вселенская энергия – я никогда сильно не изучал

этот вопрос. Ибо мне хватило и понимания того, что за всё в нашей системе, галактике, Вселенной несёт ответственность нечто одно – несоразмерно ни с чем огромное, Единое и просто являющее то, что за гранью нашего понимания. Но Оно есть, и Оно регулирует да правит всеми законами. Так и у людей должен быть кто-то, кто-то из их числа, кто будет делать то, что иным не под силу, пусть и ценой своего здоровья, своей моральной стабильности, своего финансового достатка, да и вовсе ценой своей Жизни! Но он должен быть, ибо иначе, рано или поздно, общество не просто рухнет – нет. Оно будет слепо приближаться к своей смерти, на ровном месте регенерируя всё новые и новые конфликты, то объединяясь, то разъединяясь, то прикидываясь друзьями, то убеждая всех в своей вражде – всё это будет. Да что уж там – всё это Есть. И от этого никуда не деться, коль не станет возможна всеобщая стабильность, ценой одной Жизни. Главное лишь, чтобы тот, у кого в руках эта Жизнь, был готов к подобной ноше...

Последний мазок ярко-синей краской, заканчивающий безоблачное небо, немного сошёл с утверждённого ему курса, чуть смазав до того идеальный пейзаж. Эта оплошность была крайне слабозаметной, но всё равно: я о ней знал. И мне было не по себе от того, что я, именно я, её совершил. А совершил я её под воздействием мыслей, которые никогда не дают покоя, ибо такова их основная цель – всегда быть и осуществлять деятельность в нашей голове, а иначе мы и на себя-то похожи не будем. Однако, всё-таки, они же и не всегда хороши, ибо они и создают несогласия, проблемы и так далее, посему даже в них нужна регулируемость, и это тоже работа того, кто готов...

Моя рука с кисточкой вновь еле ощутимо дрогнула. Я с сожалением посмотрел на неё, после на картину – в общем неплохо, но чувства последнего штриха не давали насладиться ею также, как я наслаждаюсь видом, который она изображает.

– И вновь отлично, Максим, – привычно бесстрастным, но полным некой гордости, голосом похвалил меня незаметно подошедший сзади Аркадий.

– Ты так думаешь? – не оборачиваясь, поинтересовался я, и так уже зная ответ.

– Уверен. Вы просили чай, – протянутая кружка зелёного пойла пододвинулась ко мне на уровне живота.

– Спасибо, – сказал я, нагибаясь и укладывая наземь масляные краски да кисть.

Только после этого я забрал чай из рук Аркадия и спросил, будучи уверенным, что удостоверяюсь у мастера:

– Как думаешь, на кого похоже?

– Вы хотите быть кому-то подобным? – чуть непонимающе спросил пожилой мужчина, чьи седоватые усы чуть вздёрнуло ветром.

– Не особо. Просто интересно, с кем бы меня сравнил ты, – и я ничуть не лукавил.

Аркадий Владимирович. Он мой дворецкий, но я никогда его так не называю: он заслужил куда большего, ибо для меня он – единственный поистине дорогой человек, которому я могу довериться всецело и полноценно. В этом смысле я даже сам себе дивлюсь, ибо с ним я чувствовал себя не просто спокойно и умиротворенно. Я уверен: он не предаст. Не предаст меня несмотря ни на что. Как бы ни был человек низок в своих помыслах и прочем – он всегда будет со мной. Отчего-то я знаю и верю, закрывая глаза на своё личное кредо, что его отношение ко мне не изменится, какое бы деяние, будь то добро либо зло, я не совершил. Да – это всё чувства. Это, с одной стороны, сладкий самообман, которым я тешу себя более половины своей жизни. Но я так поступаю, полностью отдавая себе в этом отчёт просто потому, что не хочу думать иначе. В конце концов, кроме Аркадия, у меня больше никого нет...

– Яркий цвет, отлично передающий антураж “живого” вида, особый подчерк лазури неба и влияния мягкого дуновения ветра на поле. Ну а если ещё учесть, что сама картина изображена маслом... Не знаю я, что это сделали Вы, решил бы, что смотрю полотно русских мастеров-пейзажистов конца девятнадцатого века.

Продолжения не последовало, вместо этого он продолжал любоваться картиной, когда я пристально изучал её, выявляя всё новые недочёты.

– Это хорошо? – хлебнув чуть чаю, спросил я словно для острастки: просто чтобы что-то сказать.

Хотя, с иной стороны, мне было действительно интересно, ведь в самой тематике изобразительного искусства я не силен и умею самую малость – лишь рисовать.

– Ну, если имя гения, которому принадлежит ¹²“Золотая осень”, не вызывает трепет в вашей душе, то стоит ли мне отвечать...

– Аркадий, ты же знаешь... – Я обернулся к человеку с лёгким вздох грусти.

Две родинки под его правым глазом также были направлены на меня – значит, смотрел на меня этот пожилой человек уже некоторое время, словно дожидаясь реакции. И не мудрено, что он без слов меня понял, и это отразилось в его будто вечно прикрытых некой дымкой, скучных ко всему, глазах, которые, даже несмотря на свою невзрачность, были ближе мне сотни яро горящих пламенем очей.

– Это хорошо, Максим. Это очень хорошо, – довольный реакцией, я посмотрел вновь на пейзаж, всё ещё будучи не довольным им. – Ваша выставка через три недели, включать эту картину в список?

Насчёт этого следует подумать: всё-таки, намечается первая выставка Моих картин – к такому событию я, как творец, должен подойти серьёзно. Плюс проведена она будет по старым стандартам, то бишь без использования тактильных модулей и чего-либо подобного: именно картина, именно запретное к прикасанию искусство – ничего иного. Посему надобно представить мне лишь лучшее. А сие творение уже только из-за своего

создания, а именно его способа, не может подходить под стандарты, выбранные мной – мы полны разногласий. Однако всё равно: лишь то, что может удовлетворить через глаза человека всё его естество, предав основное лишь через один орган чувств – вот, что нужно мне.

– Она красива? – подходя к окончательному решению, спросил я.

– Красота эфемерна, и для каждого она особенна в каком-либо одном обличии. Невозможно создать красоту, которая будет одинаково прекрасна для всех. Однако мне она очень нравится, – я снова повернулся к Аркадию, отмечая лёгкою улыбкой, спрятанную под усами, от которой на сердце становилось чуть лучше.

Обдумав немного услышанные слова, я озвучил своё мнение:

– Невозможно, – взгляд скопил было на поле, однако вновь посмотрел на собеседника, утверждая: – *Пока* невозможно.

Тут же я развернулся и пошёл к дому. За спиной послышался слабый смешок, словно говорящий: “Эх! Беспросветный мечтатель”. Но мне от подобного не стало горько. Наоборот – с каким же упоением я разрушу подобные принципы о невозможности. Как же удивятся они, поняв, что столь фантастичное – Возможно. И как же горд будет Аркадий, когда и он поймёт...

– Собрание через тридцать минут, так? – удостоверился я, зная, что мужчина идёт за мной, притом явно прихватив неполноценный шедевр.

– Да.

– Тогда вылетаем через пять минут, – подвёл к выводу я, допивая чай и приближаясь к двери.

Глава 2:

Выйдя из проекционной комнаты, я сразу же отключил питание и наваждение за моей спиной пропало. Пока память ещё не была засорена какими-либо иными волнениями мира вокруг, я вынул, – боясь впоследствии об этом как обычно позабыть, – кинестеты из ушей, носа да с пальцев рук. Всё, теперь лишь реальная картина тревожила меня, и никакой визуальный обман не казался мне реальнее жизни, хотя нередко хотелось, чтобы так было всегда, ибо мнимый мир, который можно настроить самому и по своему хотению, всегда лучше того, что ты видишь да чувствуешь вокруг без помощи современных технологий... И лишь чувство бутафории, это треклятое чувство, от которого невозможно избавиться мыслящему человеку, не даёт окунуться в свою утопию навечно, притом не давая и воспринимать всерьёз всё то, что создано с помощью этой лживой реальности. В такие моменты я завидовал тем потерянными душам, что нашли себе успокоение в использовании тактильных модулей, притом разлакомившись душой и телом данным занятием, впредь не отличая действительности от вранья, но вместо этого оставаясь счастливыми, вечно прибывая лишь у себя дома рядом с проекционными визуализаторами. Да – их жизнь сломана. Но им больше ничего не нужно.

Тогда как моя душа требует многого. А это многое крайне трудно достижимо, и даже при его достижение следует подвести желаемое именно под те стандарты, что я избрал – иначе всё тщетно. Мы полны противоречий – но здесь я слабины давать не собираюсь не при каких условиях. И неприязнь к картинам, навеянным обманутыми чувствами да ощущениями – это лишь тренировка воли и духа, которые просто необходимы для достижения куда более высокой цели.

– Вы уже продумали свою речь? – поинтересовался подошедший сзади Аркадий, пока я умывал руки и лицо.

Он уже отнёс картину с красками в комнату, и теперь просто дожидается, пока я переоденусь да мы отправимся в путь – всё терпеливо, без лишних расспросов, лишь с сухим уведомлением по действительно важным вещам. О которых я, к слову, часто забываю.

– Нет, – с небольшой укоризной на себя самого, ответил я, рассматривая своё мокрое, примечательно округлое лицо в зеркале.

– Что же тогда собираетесь делать? Во время разговора выстраивать речь? Здесь вопрос важный, вам нужно чётко сформулировать свою мысль и ничего не забыть. Может, лучше поработаем над ней во время перелёта? – он ни в коем случае на “наседал” на меня с этими предложениями, в его голосе не было и следа разочарования или назидательного обвинения.

Нет.

Он спокойно рассуждал, чётко выстраивая ряд из мыслей, которые сами приходили мне в голову, но куда более раздробленно. И он полностью прав.

– Да... Так и поступим, – вытираясь полотенцем, я на секунду призадумался и дал утвердительный ответ, на что Аркадий, с неизменно туманными очами да лёгкой понимающей улыбкой, согласно кивнул, мол: “всегда рад помочь”.

– Латс’О я уже вызвал. Через пару минут будет здесь, – говорил мой друг за спиной, когда мы направлялись в спальню, где мне следовало переодеться в костюм.

– Общественный? – спросил немного удивившись я.

– Что-то не так? – в голосе Аркадия слышалось искреннее волнение: отчего-то в моменты, когда он чувствует, или ему кажется, что нечто он сделал не так, он начинает взаправду волноваться, причём не на шутку – это не очень хорошо.

Но я могу его понять, ибо мои родители сделали для него очень много, а он с тех пор просто не может позволить, чтобы их сын чувствовал себя не должным образом обеспеченным. Но всё равно такие моменты чуть напрягали...

– Да нет, всё в полном порядке, – слегка обернувшись, чтобы уже наверняка успокоить, я ответил. – Просто думал, что ты Бизнес-класс вызовешь...

– Но это ведь третья серия... – вновь беспокойство в тоне – это нехорошо.

– Так да, да, никаких проблем. Я это так, не обращай внимание. Глупый каприз, – я ещё раз обернулся, чтобы убедиться: всё в порядке.

Костюмы висели в шкафу слева, прямо у входа в комнату. Посему найти нужный мне – секундное дело.

– Вы уверены? Я ещё могу изменить авто... – расспрашивал Аркадий, помогая мне одеваться.

– Да. Да, всё хорошо. Не волнуйся: ты всё правильно сделал, – продолжал я успокаивать дорого мне человека, притом стоя смирно, пока рубашка из чистого хлопка опутывала моё тело, медленно застёгиваясь пуговицами не без помощи кистей верного помощника.

Панорама из окна, что по всей ширине обвивало спальню с кроватью посередине, изображала обеденный час: солнце почти в зените, хвойный лес еле-еле отгоняет тень, а зелёные луга смиренно молчат, пережидая штиль. Но нет затхлости и жары в этой картине, ибо небольшой ручеёк, струящийся тонкой линией между корней древ, да пересекая всё таким же неровным, узким шлейфом поле, являет собой прохладу и спасительное насыщение жажды, почему сердце и стремится в эти края. Но нет желания у меня больше их рисовать да изображать на холсте, ибо сделано это было уже множество раз, и всегда оставался я доволен за исключением последних десяти попыток, когда осознал, что одного пейзажа мало. Однако более красивого мне не суждено найти и узреть “в живую” – жизнь моя посвящена иному. К сожалению, или к счастью – покажет время.

– Точно? – уже редко вопрошал ко мне Аркадий, разглаживая пиджак в районе рукавов.

– Точно, точно, – лениво отреагировал я. После чего, заприметив приближающуюся машину, добавил: – Да и времени уже нет, – собеседник удивлённо (мол: “уже?!”) обернулся и растроенно, словно прося прощения, посмотрел на меня, также “словив” взглядом тень от летательного аппарата. – Всё нормально, пойдём.

С улыбкой опять подбодрив помощника, я пошёл на посадочную площадку, увлекая за собой жестом руки всё ещё чуть взволнованного (но не так, как раньше, что хорошо) друга, чьи шаги спустя секунду послышались за спиной – значит, нормально. Сейчас ещё поговорим, и вовсе всё в порядке будет... И чего это он только так печётся? Конечно, мне это даже импонирует, но не надо же так переживать. В общем, я считаю, что Аркадий, в случае чего, справится со всем: я его знаю.

Прямо по зеркальному коридору с арками-входами в комнаты да остановиться у единственной двери в доме. Обуться. Выйти и сразу направо, вновь мимолётно насладившись видом зеленой прерии с небольшим озерцом посередине – от него и берёт начало ручеек, ранее упомянутый мной.

Транспортное средство прямоугольной формы, которую неброско окаймляли лишь изгибающиеся линии кузова по краям да скат лобового стекла, уже смиренно стояло, дожидаясь нас. Четверо пропеллеров были прижаты над каждым колесом к белёсому корпусу автомобиля, чей двигатель лишь мягко гудел, явно не торопясь дополнять сие звучание дополнительными турбинами, дабы “перейти” в полётный режим. Ну что ж, мы вынуждены нарушить идиллию данного человеческого гения.

Присаживаясь на заднее место, я заметил, что в кабине пусто: видимо Аркадий специально так вызвал, положившись лишь на автопилот – оно и правильно. Человеческий фактор, ввиду своей непостоянности, может как угодно подействовать на протекание довольно безопасного маршрута, чего с программой случится не должно. А если и произойдёт – управление сразу же переключается на компьютеризированные дополнительные системы, встроенные в авто более как развлечение – дисплеи для игр да просмотра видео и так далее. Ясное дело, они вмонтированы и в передние кресла, почему, в случае чего, и с моего места можно будет повлиять на ситуацию.

Однако это именно основная сторона проблемы. Также существует и психическая: не всегда и не совсем удобно вести диалог, когда осознаёшь, что вами обсуждаемую тему выслушивает некто ещё – мне это, как и Аркадию, всё же немного мешает.

– Полный “автомат” взял? Отличный выбор, – похвалил я своего приятеля, что более является мне родителем, когда тот присел рядом.

– Решил, что так мы более сконцентрируемся на вашей речи, – с еле чувствительной, но всё же слышимой в голосе, благодарностью ответил Аркадий, когда дверь закрылась, а в гудении двигателя добавилось монотонного шума.

Снаружи он слышится довольно ощутимо. Здесь же, в салоне, он никак не отвлекает, оставаясь лишь легким гудением в ушах, к которому быстро привыкаешь.

Сверившись с картой и проложенным заранее путём, компьютер пискнул, попросил пристегнуться и, после выполнения требования, привёл Латс’О в движение.

Я очередной раз довольно осмотрел салон. Да, всё же правильно, что вызван был не Бизнес-класс, а именно Общественный и Третьей серии – уютно, компактно, без ненужных атрибутов вроде шампанского или чего-то подобного. Видна новизна отделки и дизайна – как-никак, последняя модель. Салон лучится белизной, но в сочетании с приглушённым светом абсолютно не давит данным цветом на глаза. Чувствуется и выдержка с этих строгих линиях сидений да угловатый ручках, выдвигаемых из дверей, потолка или ещё откуда-либо. Но также ощущается и вольготность всё в тех же дисплеях, в приборной панели и её мягкой подсветке...

– Ну так что же вы всё-таки собирайтесь сказать? – последовал ожидаемый вопрос, когда мы поднялись на высоту примерно в полкилометра – больше и не надо.

– Не знаю, – спокойно ответил я, собравшись говорить лишь правду. – Слова найдутся: буду говорить всё, как есть.

– То есть? “Всё как есть”? Вы должны чётко обозначить свои желания и...

– Я знаю, – я не грубо прервал Аркадия, чуть отведя к нему руку. И я действительно знаю да понимаю, просто мне нужно разъясниться. – Я знаю, Аркадий. Я перечислю им все мои цели, какими я их вижу, а главное, какими я вижу результаты от них. Перечислю основные пункты мыслей людей, конечно не все: сейчас только начальная стадия, потому не надо уж очень вдаваться. Я расскажу, каким хочу видеть общество уже сейчас, а после, согласовав с ними саму идею, которую они и будут.. как там у них...

– “Вливать”? – подсказал помощник совсем не научный термин, но его достаточно – понятно ведь.

– Ну, да. “Вливать”. И всё, там уже дело за деньгами – не более.

– Ох, – выслушав меня, начал Аркадий. – Ну, главное не оплошайте и ничего не забудьте. Хотя, это только начало, так что не думаю, что вы подведете, – его рука легко потерела меня за плечо.

Я благодарно улыбнулся, смотря на пролегающие снизу города да строения. Некоторое до сих пор были ещё старого образца, почему изучать их было ещё интересней. Однако вскоре уже на горизонте показался сам Город – словно вкрученный в земную гладь гигантскими болтами-колоннами стилизованными под киберпанк, держащими вместе с тем и второй да третий “этажи”, – полностью переводя всё внимание на себя.

Не сказать, что он мне нравится – потому и живу от него я далеко. Однако не восхититься им нельзя: отстроить и развить такое до полумиллионного населения всего за полвека – это, как бы то ни было, достижение.

– Как вы думаете, что происходит сейчас на Первых уровнях? – вдруг услышал неожиданный вопрос я.

– То есть? – не понял.

– Ну вот, именно ведь там происходят основные перемены, вы ведь сами выбрали рабочий класс, как основной... Вот я и думаю, как же они всё там решают.

Я призадумался, вспоминая кадры из Великобритании, показанные мне не так давно – там также шла подобная перемена в политической системе. Ничего сверх ужасающего я не увидел, наоборот: люди голосовали, а мнения сторонников демократии человечно учитывались, посему не думаю, что нечто плохое может быть у нас – люди везде одинаковы. Да, конечно запись могли глупо сфальсифицировать, дабы продолжить получать мои деньги. Но всю правду им от меня не скрыть, особенно о самом Городе – он-то часть страны, и коль нечто действительно нехорошее там будет происходить, то об этом мне станет известно. А пока ничего, кроме сообщений о паре мелких стычек я не слышал.. если от меня иное, конечно же, не утаили: И.И.Н.И.М.П – крупная организация и способна она на многое.

– Мне тоже интересно, – после небольшой задумчивости, сказал я, взглядом вперившись в Первый и Второй уровни, действия на которых мне были не видны ввиду расстояния, а далее также останутся не известными из-за Третьего “этажа”. – Но не думаю, что что-то особо пугающее. Хех. Они же не дураки, да и идеи мои я выражал, как мирные, так что вряд ли... – Я вновь призадумался. – Нет, конфликт небольшой явно есть хотя бы потому, что многие к такому не готовы. Но не думаю, что он уж слишком страшен... А?

– Надеюсь, – ответил медленно на мой вопросительный взгляд Аркадий, переводя свои очи куда-то вниз: он тоже ничего не знал о тамошней ситуации, хотя изредка и пребывал недалеко от Города, – на семейном кладбище, как он говорит, – однако непосредственно туда никогда не заезжал, без меня, конечно.

Я решил изменить тему:

– По-моему, он всё-таки слишком сильно пестрит красками... Как-то всё смешивается и четкого представления нет. Не формируется в голове, словно отталкивает он от себя рациональные мысли и рассуждения... Не хорошо это, – мой взор вновь был направлен на пресловутый Город.

– Некоторые художники, изображая подобную психоделическую фантазмагорию, себе имя сделали... – Незамедлительно, но довольно трудно для восприятия, ответил мне, явно поддержав (понял по тону), Аркадий.

– О-о, и интересно, как же они выглядели, подобные творцы. Явно – **¹³скрюченные антисоциальные старцы, не получившие от жизни и немного удовольствия или любви, женившиеся ради материального состояния и ничего больше не создавших, кроме своих больных фантазий в рисунках...**

– Ну, я думаю, вы слишком предвзяты и не вполне осознанно критикуете такие вещи. Для начала стоит обширней углубиться в тематику, а уже после предъявлять подобное.

– Ох, хе-хе, говори легче, – попросил я.

– Такой же совет я могу дать вам, касательно вашей речи, – парировал приятель.

– Ну, у меня с этим проще.

– Уверены? Вот выразите мне, по-простому, основные ваши идеи.

– Но ведь ты и так...

– Допустим, что я не знаю. Вот как вы быстро и просто объяснитесь? Ведь из ваших речей я могу подумать, всё, что угодно. Допустим, мне вполне серьёзно может показаться, будто вы собрались провозглашать, например, некую диктатуру...

– О-о, нет... Убивать людей из-за того, что у них нет **¹⁴сборника моих цитат** – это не моё, – решил отшутиться я на подобное предложение.

– Я знаю, но как вы это мне объясните? – не отступал Аркадий, уже более чем рьяно настаивая на подобной “репетиции”.

– Ох. Ну, для начал я бы сказал, что сама идея диктатуры и тотального контроля не верна, пусть и довольно не плоха в исполнение. Нельзя иметь власть над обществом, пока оно не едино. Пока существует различия и желания меньших классов выдвинуться на ступень выше – это не осуществимо. Потому нужен некто, или нечто, что изобразит собой единое и единственное правящее лицо. Нечто, что станет не достижимо ни для кого. Оно и должно будет урегулировать, выровнять всех под собой и сделать так, чтобы разрыв между властью и обычными людьми казался невероятно огромным, просто не представимым. Тогда будет каждый равен каждому: под общим правлением того, чьё влияние безгранично. Тогда и не будет конфликтов, и не будет войн. Это будет как одна, единая религия, которой будут подвластны все, вместе с тем имея возможность своих свобод. То есть они всё также будут верить в свои иллюзии и прочее, они также будут мечтать. Они будут вольны делать что захотят, кроме конфликтов и междоусобиц, ибо это будет просто не возможно в обществе, где властью на подобные действия обладает лишь один – тот, кто исправляет подобные ошибки социума...

Я закончил, посмотрев на друга и надеясь найти в его глазах понимание.

– То есть.. вы хотите создать Бога?

– Что-то вроде, но чтобы ни у кого из живых людей не было сомнения, что Бог этот – реален. И потому они не сумеют приравнять его к божеству, однако власть, что он будет собой отображать, будет также велика, просто распространяться она будет на корректировку жизни и её течения, почему человечество и не лишится свободы ...

– Ой-ой... – Аркадий призадумался. – Ну, при желании, красиво сказать вы умеете – с этим я знаком давно. Однако, знаете, при желании, немного подумав над вашими словами, я бы мог оспорить вас и найти довольно много противоречий. Но, если учесть, какой способ достижения вы выбрали, то всё может сработать, – совершенно серьёзный взгляд уставился на меня с некой не заинтересованностью, когда мы уже подлетали к посадочной площадке.

Свет полуденного солнца бликами играл по белёсому салону. Лишь редкие облака решались нарушить идиллию лазурного неба, чья чистота отчего-то всё равно не повышала мне настроения, ибо в память прочно вгрызся этот взгляд, словно говорящий: “делай, что хочешь, а мне всё равно”... И от подобного отношения к моей идеи, особенно со стороны Аркадия, мне и становилось словно.. пусто внутри...

– На секунду мне, к слову, даже показалось, что вы сейчас прямо ¹⁵**словами классика заговорите...**

– Неужели так похоже? – решил поддержать я разговор, заприметив нотки ускользающей весёлости.

– Я текст книги толком не помню уже, но точно нечто однотипное есть. Вы так любите эту книгу? – вопрос последовал, когда колеса уже коснулись площадки.

– Не сказал бы, – начал я, дожидаясь пока “сердце” машины полностью прекратит свой бег. – По мне, так именно контролировать общество и культуру – глупо. Следует исправлять и налаживать потоки человеческого существования – это правильней. Как и давать толчок развитию науки да прочего, вместо того, чтобы подобное упразднить, заменяя вечной войной... Это.. – подобрал слово, – некая несуразица. Хотя в остальном я с ним и согласен.

Еле чувствительный доселе шум полностью стих, вовсе перестав быть чем-то заметным для уха. Винты вновь прижались к кабине, а само транспортное средство словно осело, полностью отключив все механизмы.

В этот момент я и вышел наружу.

Глава 3:

Автоматическая полупрозрачная дверь, сквозь которую можно было увидеть хоть что-то только с внутренней стороны, распахнулась передо мной ещё до того, как мои шаги отпечатались на сенсоре по распознаванию человеческого веса. Как оказалось, по ту сторону меня уже ждали – это была невысокая девушка обычного телосложения со встроенными под кожу модулями для глаз (видимо, со зрением проблемы), которые выдавали себя частыми небольшими вспышками на обоих висках, что исходили от крохотных точек – будто декоративные вставки. Как их там.. пирсинг, вот. Неплохая идея, маскировать такую вещь под подобную бижутерию, однако скрыть полностью “девайс” всё равно не удастся: мигания повторялись с тем же интервалом и в самих зрачках – это уже более заметно. Явно, в модули же был встроен и калькулятор, и что-либо ещё, ибо в том, что девушка является неким секретарём, у меня сомнения не было. Также на это указывал и её недовольный вид, который, судя по всему, редко менялся:

– Вас уже ждут, – не церемонясь, сразу произнесла замечание она.

– Я прошу прощения, – проходя мимо, вольготно “кинул” я, словно не слыша не доброжелательного тона.

Ещё боле рассерженные, ввиду моего поведения, шаги раздались за спиной. Но кроме них – ничего.

Белый, полупрозрачный коридор, заливаясь мягким солнечным светом, с обоих боков был уставлен разного рода скульптурами, картинами, предметами вышивки и так далее. Всё это – работа рук студентов И.И.Н.И.М.П., и в это же время всё это – одна лишь показуха, с целью увеличить собственную значимость в своих же глазах, потому как по данному тоннелю мало когда ходят не желанные в институте люди. Сейчас был один из таких не многочисленных моментов.

Пройдя небольшую галерею картин, всего в три полотна, я без промедления шёл дальше, больше не пытаюсь услышать за собой шаги и второго человека, то бишь Аркадия: он всегда задерживался рядом с художественными работами. Посему и в этот раз я, как и во все прошлые, дождался, пока сопровождающая девушка разблокирует мне дверь (чей номер, еле выделенный на однотонной поверхности, в первый раз показался мне довольно странным для такого этажа: ¹⁶**восемьдесят один** – хотя теперь я уже знал, что это “01”, мол, Первый.. как-то порядочно пафоса по мне) своим отпечатком пальца, а после этого вошёл, с порога сказав:

– Прошу прощения за опоздание, – добродушная улыбка ещё никому не вредила.

Чтобы осмотреть присутствующих в небольшом белом помещении людей понадобилось меньше двух секунд. Четверо, все сидят за круглым столом – единственным предметом мебели в комнате: минимализм нынче довольно популярен в серьёзных корпорациях.

Двое, прямо напротив меня, рядом с друг другом словно копии один одного – одна более молодая, другая более старая. Это Алмыков-старший и его сын. Оба худые, с сильно выраженными скулами и угловатыми лицами, небольшими глазами и столь же не примечательными носами. Рты словно создают одну ровную, мало когда размыкающуюся линию. У обоих довольно тяжелый взгляд. Однако, коль у отца сосредоточенный и устремлённый к чему-то – взгляд истинного командира, то у сына его словно наполнен некой злобой, даже созерцал он меня исподлобья. Двое других по краям стола – имена их мне не известны, только профессии: управляющий финансами да нотариус. Первый довольно полноватый, руки на коленях, голова чуть запрокинута назад, оголяя второй подбородок, а глаза оценивающе бегают по мне – всегда в таком положении меня встречает. Рядом, на глади стола, электронный планшет с уже явно напечатанным документом на подпись. Второй – худой, задумчивый старый человек, со встроенными слуховыми модулями. Руки скрещены в замок, а взгляд словно пронизывает этаж, направляясь куда-то вниз – меня будто бы и не заметил.

– Не хорошо опаздывать, Максим Карпович, – назидательно укоризненно выговорил басовито старший из Алмоковых.

– Как только смог. Всё-таки, для меня это собрание было неожиданностью, – соврал я, ибо Аркадий доложил о нём мне ещё вчера.

Не сказал правду просто потому, что каждый из здесь присутствующих людей, мне очень сильно не нравится.

– Однако вы же сами сказали, что не против, и что сами имеете тему для обсуждения, так что, всё-таки, стоило постараться, – выдерживая комильфо, вновь поучительно ответили мне.. но не было в этих словах и толики искренности: я им также не нравлюсь.

– Давайте, может, всё же приступим к собранию, – предложил я, тоже не показывая истинных чувств и придерживаясь правил “хорошего тона” – как же это иногда трудно.

Мой собеседник на секунду задержался на мне очами, после чего, невразумительно кивнув, наклонив голову как-то в бок, сказал:

– Давайте приступим, – в этот момент дверь позади меня вновь раскрылась и в комнату зашёл Аркадий. Он взял один из двух стульев, что стояли рядом со мной напротив отца и сына, поставил его в угол да уселся, получив возможность наблюдать всех людей и будучи у меня за спиной. Мой оппонент по диалогу тем временем, без отвлечений, продолжал: – Для начала, если честно, хочется узнать именно о вашем предложении. Позволите?

Без промедления я начал:

– О, конечно. Знаете, я думаю, что сейчас уже наступил тот момент, когда можно расширять информативность потока.

– Вы хотите дополнить мысль? – догадался полный мужчина.

– Именно, – ответил я, начав немного расхаживать перед столом. – Я хочу, чтобы уже медленно люди начали не только понимать, что им нужно изменить власть, но и чтоб они начали понимать, кого хотят видеть во главе правительственного аппарата. Никаких расовых разделений и того подобного не надо. Нет. В данный момент нужно просто выразить идею так, чтобы люди осознали, что хотят доверить свою судьбу в руки человека: а) – молодого; б) – наученного горьким опытом жизни; в) – состоятельного и с не малыми финансами, ибо тогда он будет почти не подвластен коррупции и подкупам; г) – влиятельного, но не шибко известного, то есть чтобы среди людей он был не сильно знаменит, тогда это значит, что у него нет никаких товарищей либо знакомых, которых, в случае чего, он будет “прикрывать”, даже если они этого не достойны – в общем, в таком роде; д) – обученного тому делу, на которое выдвигается, то бишь обществоведению, политологии и так далее; е) – добропорядочного и добросердечного по меркам, что освещаются в новостях и так далее, то есть он был не раз выделен в благотворительности, в различных акциях да иной помощи; ж) – чтобы этот человек уже имел за плечами некий опыт общественных, политических реформ, которые, причём, лишь улучшили уровень жизни и тому подобное. Вот это надо уже давать на осознание людям. Пусть пока, знаете, не настырно. На подсознательном уровне, скорее. Но чтоб медленно они уже строили портрет. Повторюсь: никаких расовых, государственных, половых предрассудков быть не должно, так же, как они и не должны понимать, что этот некто обязательно должен жить в Беларуси – нет. Общие черты, которые мы уже после будем обораживать в детали. Ясно?

Старший Алмыков сидел молча, полностью слившись со своими мыслями и бесцветными глазами следя за хаотично шевелящимися пальцами, его сын продолжал смотреть на меня, так особо и не проявляя интереса – он также был погружён в раздумья. Полный мужчина и старик время от времени переводили взгляды то на меня, то на родственников. Наконец первый, отец, сказал, чуть хмыкнув, что мне не понравилось:

– Ясно... Но, про увеличение платы – вы понимаете...

– Об этом упоминать не следует, – прервал я на корню, заверив в своей сообразительности, которой по взглядам этого человека был обделён или вовсе лишён.

– Ну, тогда к изменению потока мы приступим сегодня же вечером... Итак, – он встал с места, – а теперь позвольте рассказать вам об проблеме, что мне бы хотелось обсудить.

– Внимательно слушаю, – искренне признался я, следя за движениями, да отчего-то даже садясь на единственный оставшийся у стола стул, словно уступая место оратора.

– Дело вот в чём. Понимаете, в данный момент во многих странах, что находятся под нашим воздействием, наблюдается возрастающий процент стычек людей с правоохранительными органами. Людьми являются как раз наши сторонники смены власти, почему есть опасения, что вскоре охранные организации просто не дадут нам, как бы так выразиться, “воздуха”. Вот я и хотел посоветоваться, что делать?

Дослушав до конца, я тут же спросил, вернувшись к более всего заинтересовавшему меня моменту:

– Так, погодите, то есть люди, что несут нашу идею, применяют силу против других людей? – я не мог в это поверить.

– Вот это, кстати, вторая проблема, так как в конфликтах виноват как раз контингент общества, что совершенно не относится к мысли о смене власти, – на мой вопросительный взгляд последовало обоснование: – Молодёжь. Горячая кровь и обычная смена чего-то, чьей сути они сами не понимают – вот и всё, что ими движет. Насчёт них я тоже хотел поговорить. Но вы не волнуйтесь особо: ни в одной из стран не зафиксировано особо крупных, хех, сражений. А жертв так и вовсе нет, – в этот момент я периферийным зрением заметил недоверчивый взгляд Алмыкова-младшего, направленный на его отца, отчего мне внутри стало не по себе, словно некая злостная догадка очнулась, потревожив нутро. Хотя – бред, ибо он на всех так смотрит.

– Ага... Ну, с этим однозначно надо что-то делать. А как насчёт... – начал было я после недолгого раздумья.

Как старший собеседник, что стоял напротив опёршись об стол, прервал меня:

– Погодите. Это ещё не всё. Также хотелось бы сказать вам о сторонниках редирума. Вы ведь... ?

– Я знаю, кто это, – подобное пренебрежение моими познаниями и откровенное унижение меня, начало бесить пуще прежнего. – А что с ними не так?

– А они становятся всё более-более надоедливymi мухами, – данную метафору я понял, но было крайне странно слышать её из уст такого человека, почему на моём лице вновь отобразилось недоумение, которое Алмыков-старший трактовал по-своему, решив пояснить: – Постоянно следят,

постоянно строят какие-то догадки и теории, а после отсылают их на созсоветы или просто агитируют общество никак не связываться с людьми, стремящимися к смене власти. Пока это не очень чувствительно, однако, если так пойдёт и дальше, они могут стать очень заметной проблемой, особенно, если их догадки и прочую ересь начнут проверять – тогда и до нас добраться могут...

“Ох, нехорошо,” – подумал я, дослушав и вновь впад в раздумья, изредка переводя взгляд на Алмыкова, словно прося дать ещё время на упорядочивание мысли. В это же время он просто стоял, всё также опершись об стол, да дожидаясь моего ответа, хотя в глазах читалось: для себя он уже всё решил. Но, если уж ему интересно и моё мнение, то следует озвучить – я так полагаю:

– Та-ак... Воздействовать на представителей редирума мы не можем, так?

– Верно. Они действуют скрытно и редко засиживаются на одном месте, поэтому, – нет, – отодвинув свой стул, мужчина сел на прежнее место, таким образом оказавшись точно напротив меня.

– Ну тогда... Ух-ух-ух, – я недолго гладил виски, после чего сформулировал раздробленную мысль: – Но ведь на блюстителей порядка мы повлиять можем. Давайте так: пошлём два сигнала. Один – прошлый, то есть обществу. А второй на здания правоохранительных органов в, пока что, самых крупных городах. Идея такая: нужно, чтобы они перестали воспринимать смену власти как угрозу, а посчитали таковой последователей редирума. Причём молодёжь, которая, как вы сказали, лживо выдаёт себя за мирных демонстрантов, они также причисляют к редируму...

– То есть, погодите, вы хотите, чтобы они, видя, как кто-то избивает кого-то, приняли избивающего за человека, придерживающегося культуры редирума? – в глазах семьи Алмыковых, да и в косых взглядах прочих тут присутствующих, была глупая неопределённость.

Я же ответил, осознавая, что сама такая ситуация, а уж тем более решение со стороны охранников закона – глупость:

– Ну, вам же это под силу. Так ведь? – чуть подумав, мне согласно кивнули с лёгкой ухмылкой. – Ну так вот. Митинги и лозунги пусть не трогают. Некие мелкие конфликты – упраздняют, а их участников причисляют к приверженцам редирума. Таким образом и истинные сторонники этой культуры для нас перестанут быть проблемой... – Чуть поразмыслив, я ещё добавил, когда Алмыков-старший перестал записывать всё мною сказанное в свой телефон. – И да. Желательно, чтоб физической силы по отношению к людям, как к виновным, так и нет, со стороны органов правопорядка применялось как можно меньше... Ну, минимизировать этот фактор ведь как-то возможно...

Мужчина напротив чуть ли не рассмеялся, его сын слегка улыбнулся, подобно прочим двум. Спиной я ощутил поддерживающий взор Аркадия, что меня разозлило и придало сил.

– Стойте. Вы определитесь. Вы сейчас просите нас, из самим защитников закона приверженцев редирума сделать... Это какая-то несуразица, вы понимаете, – Алмыков продолжал нахально улыбаться.

– Извиняюсь. ¹⁷**Я что, похож на клоуна, а? Веселю вас, развлекаю, как последний кретин?** – эта неожиданная реакция, проявлённая с моей стороны, вместе с моим неожиданным поднятием с места, сразу оборвала нить весёлости и улыбочивости между четырьмя людьми, что не нравились мне ровно также, как и я им. – Я плачу деньги, и говорю вам свои требования, которые, как я надеюсь, будут выполнены. И в данном случае есть много способов избежать рукоприкладства, и эти самые способы вы должны рассмотреть. После рассмотрения и выявления оптимальных вариантов, эти самые варианты отправятся в голову тех, кто должен их применять в случае чего на людях, вместо дубинок и электрошоков. Магнитные удерживатели, манипуляторы, да обычные заламывания в конце концов – разве нельзя подобрать подобные виды физического воздействия, чтобы уменьшить причиняемую боль?... Вот и я думаю, что можно. Посему остальное оставлю на вас. Думаю, – забирая из-под руки полного человека документ, я продолжал говорить, притом подписывая “бумагу”: приложил к ней ладонь, из которой была взята капля крови, – мы друг друга поняли. Не так ли?

На этом моменте я отдал планшет нотариусу. Алмыков, совершенно серьёзно глядя на меня, даже с некоторой злостью, словно понимая, с кем имеет дело и что он впервые проиграл, отреагировал спустя секунду:

– Сделаем всё, что в наших силах, – удовлетворённый результатом, я повернулся и пошёл к выходу.

У дверей ощутив недосказанное упоминание, я решил вконец сразить оппонента по диалогу, который явно уже собирался вновь заострить на этом внимание:

– И да. Я помню о повышении суммы, – не оборачиваясь, сказал я, выходя за открывшиеся двери, да оставляя позади явно всецело обозлённого на меня человека.

Но мне это лишь льстило.

– Вы были неподражаемы, – спокойно озвучил свои чувства Аркадий, когда мы прошли молодую девушку, так и оставшуюся дежурить у двери – она нас даже взглядом не проводила.

– Было трудно.

– Не сомневаюсь. Куда теперь?

– Я думал, что ты захочешь сходить в музей искусств, – ввиду поднявшегося настроения, мне захотелось порадовать и дорого для себя человека.

– Ого, неужели вы не против? – он был рад, это я знал, хоть голос и оставался как всегда бесцветен.

– А почему бы и нет? Мы не так часто бываем в Городе. К слову, не знаешь, какая там сегодня программа?

Конечно же он знал. Он всегда знает:

– Репродукции картин импрессионистов . Вам бы тоже не мешало на это взглянуть.

– Ну тогда тем более пойдём, – с улыбкой сказал я, взглянув на ожидающий нас автомобиль – всё равно никуда не улетит, посему торопиться не следует.

Затем, дружески положив руку на плечо Аркадия, я взглядом поблагодарил его за моральную поддержку: он всё понял, чуть кивнув в ответ. И тут же мы пошли к лифту на нижний этаж.

Экскурсия в подобные места всегда обещает быть долгой, но в данный момент меня это нисколько не пугало.

Глава 4:

После двух часов блужданий по галереям, мы наконец покинули место, что восхитило Аркадия, а мне успело порядком наскучить.

Не сказать, что то – потраченное зря время. Нет. Теперь я полностью определился, какой хочу видеть свою выставку. Чтоб была соблюдена подобная эстетическая красота, чтоб все картины были представлены как есть – на холстах и в рамках. Да, старомодно и не очень коммуникабельно или же надёжно – однако в этом и есть смысл, некая ценная истинность, перед электронной подделкой: в искусстве чувства должны выражаться именно истинно, а она уже, истинность, для каждого творца своя. И раньше я видел её такой для себя, теперь же был уверен.

Аркадий по долгу задерживался у тех или иных полотен, время от времени подзывая и меня, под предлогом “перенять опыт”. Однако я всегда избегал долгого, монотонного повествования о нагромождениях слоёв красок или вида кисти с помощью без отказного вопроса: “Не ты ли хотел, чтоб я оставался уникальным?” – на что сердечный друг всегда немного улыбался да отводил обратно взгляд, теряя ко мне интерес. Я же был просто искренне рад, что счастлив он. Пусть в некой степени я, вполне вероятно, давал ему повод для обиды, но куда больше для него значит побыть рядом с шедевром живописи – пусть даже тот и не оригинал. К слову, там же, в галерее, я и решил, что когда-нибудь обязательно мы с ним посетим место, где будут показаны эти же полотна, но уже оригинальные...

Я вспоминал об этой новой мечте, уже неистово греющей душу, идя по оживлённой улице Третьего “этажа” Города. Рядом вышагивал Аркадий. Направлялись мы, понятно, к посадочному месту, то бишь к зданию института. Людей было много, что не странно: рабочий день. Здесь нет кафе, развлекательных мест или чего-либо подобного. Лишь музей вместе с театром искусств, да всяческие суд-, мед- и так далее учреждения. Кино и прочее – на уровень ниже. Тут даже в воздухе царила будто бы более серьёзная

атмосфера, чем во всём Городе. Что всё равно не мешало людям бегать из одного места в другое, решать вопросы на разной важности созсоветях, отдыхать на лавочках, будучи утомлёнными беготнёй – как-никак и высота немалая, около полкилометра над уровнем моря, почему ничего удивительного. Кстати, вероятно, что это просто столь разряженный воздух так на меня действовал, а никакая не метафоричная серьёзность...

Над головой медленно прошёл монорельсовый поезд, на секунду закрыв, а потом вновь открыв мне солнце, радующее своим светом на безоблачном небосводе.

Посмотрев ввысь на уходящие в ещё большую даль крыши строений вокруг, я вновь поразился размеру работ, что удалось проделать за полвека. Город поистине прекрасен – пусть и сделан он руками ветреного человека. Однако сделан он явно не в порыве страсти, а в созидании и размышлении, при спокойных руках и рациональном подходе – лишь так создаются монолитные столпы, не отягощённые притом и красотой.

За пару десятков лет Город разросся в крупный мегаполис. Не имея метрополитена, вместо него ранее упомянутый монорельс на всех уровнях, да даже не имея особого простора – человек поднял свой дом вверх, сделав нечто, что до сего было почти фантастикой. За это я готов аплодировать не столько самому человеку, сколько его разуму и хладнокровию, ибо с горячим сердце и пылкостью тела – такого не сотворить. А общество грешно последними особенностями...

Тут мои думы, когда мы уже подходили к зданию И.И.Н.И.М.П., прервал интерактивный новостной билборд, висящий прямо на здании института. Женщина, срендеренная явно на проекционном визуализаторе, со спокойным видом, довольно жестко, озвучила новость, что наверняка важна, ибо не могло нечто бесполезное транслироваться на подобной громкости:

– Сегодня, в три часа дня, неизвестный мужчина, предположительно тридцати лет, ¹⁸**совершил акт самосожжения** на главной площади Первого уровня Города. Поступок этот он сделал, как утверждают очевидцы, в знак протеста против нестабильной политической ситуации в мире, а также раздробленности дружеских народов, что в скором времени может перерасти, по его словам, во вражду. Сперва, – тут начали показывать кадры сего действия, где было чётко видно, как некий парень стоит и что-то выкрикивает в толпу. Он резво махал руками и ¹⁹**листы с неким красным, имеющем посреди себя ядро (от которого в три стороны исходили какие-то волны), круглым символом,** коими было обклеено его голое тело, разлетались в стороны от столь живой тряски. Тем временем неживой голос женщины продолжал: – Он, как нам сообщают, около получаса собирал вокруг себя людей, агитируя их на противоборства нынешним разногласиям и конфликтам в мире. После, сказав, что ничего не решит, и лишь надеется послужить доводом к изгнанию из человеческих душ всей вражды друг к другу, облил себя спиртом и поджёг, вместе с тем продолжая пытаться устоять на ногах...

Я больше не слышал слов. Я лишь видел яркие космы пламени, взлетающие ввысь от чего-то объятых ими; чего-то, в чём можно было признать человеческую фигуру; чего-то, что истошно вопило о прощении и помощи.

И я не мог в это поверить.

Во все стороны летела труха листов с тем же символом. Что же он значит?... А вот загорелся и плакат, который расположился на подставке рядом с самосожженцем. Он раньше был не виден. Теперь же, когда оператор с не очень хорошей камерой, – явно запись очевидца, – поменял ракурс, я сумел прочесть короткую фразу, что была наверняка написана умершим в муках страдальцем: “Мир вокруг сам порождает сит-ванитанский настрой; и это лучшее, что он может породить сегодня”...

Я не заметил и даже не почувствовал, как Аркадий поволок меня силой на посадочную площадку. С экрана ещё что-то сказали об некоем поджоге дома, но то было воспринято лишь малой толикой разума: иная часть уже была повергнута в шок. Я шел рефлекторно, тогда как перед глазами всё стояла та незабываемая видеозапись, которая никак не хотела помещаться в голове... Я не мог её понять, у меня не получалось её осознать, как нечто возможное. Я отказываюсь в это верить! Но в подсознание голос всё же настырно шептал, что от этого мне уже никуда не деться.

Последнее, что я помню, так это как посмотрел на время: Три часа и двадцать минут... Ещё полчаса назад Земля была богаче минимум на одну человеческую жизнь.

OPEN 3...

Часть Четвёртая:

За две недели до этого

Глава 1:

Не сказать, что пятнадцать суток прошли для профессора довольно легко и незаметно. Нет.

Однако, если принять во внимание то, чего он ожидал, то жаловаться Совранову не на что. И он это понимал, и в какой-то степени был даже благодарен. Кому? Наверное, современной политике тюрем и мер, направленных на перевоспитание арестованных... Ну а больше и некому.

Да и незачем больше кому-либо озвучивать благодарности, так как всё же некоторые неудобства имели место быть. Пожилой профессор справился с ними, достойно держа себя в обществе не совсем порядочных людей, многие из которых ему показались гораздо лучше тех, что сейчас гуляют на свободе. Мучительны ли были эти дни для него физически? Ответ: нет. Морально – да.

Многочасовые лекции о природе общества и жизни в нём утомляли. Они полезны – это не оспорить, особенно если учесть, что путём многократных повторов и пересказов данные истины действительно врастают в кору головного мозга. Да вот только нужно это тем, кто взаправду не шибко умеет уживаться с людьми снаружи. В случае же с Соврановым – его пребывание здесь уже является ошибкой.

Конечно, никто не поверил, что профессор не является революционером, а участвовал в данной акции не по своей воле – здесь он приврал. Посему не удивительно, что, в целях перевоспитания, ему дали пятнадцать суток отсидки – подобный вердикт ещё можно считать довольно снисходительным, ибо зачастую людей, провинившихся на подобной почве, упекают на более жёсткий срок. Но в этом случае уже сыграло положение Никодима: как-никак доктор биологических наук не частый гость в подобных заведениях. Потому отделался он ещё неплохо, особенно с тем фактом, что защиты и свидетелей у него не было – ни друзей, ни знакомых как таковых ведь также нет.. ну, разве что Казимир, однако Совранов сам не решился с ним связаться.

И вот пережив, словно бесцельно существующее нечто, отпущенный ему срок, сегодня пожилой человек собирается убраться от данного места как можно дальше.

Изменились его планы касательно Института? Возможно: он устал и больше не хотел хоть как-либо связывать себя с темой политического переворота, дабы вновь не оказаться в подобном заведении. Может, социум сходит с ума – да. Но он сам станет сумасшедшим, коль ещё раз на протяжении двух недель двенадцать а то и пятнадцать часов в день будет слушать об историях тех, кто поступил “неправильно”, и как эту ошибку исправить. В этом есть смысл – да. Но не для тех, кто подобного не совершал – для них это груз, что навьючивают на них против воли, и от которого крайне трудно избавиться впоследствии. “Вы не должны...”; “Вы не можете...”; “Вы не посмеете...” и так далее подобные методики дают результаты касательно преступников, иным же они ломают волю. И сейчас Никодим выдержал. Но выдержит ли после? Он не уверен, и потому он больше не хочет связываться с подобным ни в какой ипостаси... А может, это есть сломленная воля? Тогда уже вовсе странно говорить, что Совранов хоть что-то “вынес” – это ложь, которую он не признал.

Почему? Потому что твёрдо, и даже немного грубо, отвечать на вопросы проверяющего его психолога он сумел, и это ему показалось достаточным аргументом непоколебимости его духа:

– Тогда вы признаёте свою ошибку? – спросил мужчина, ровесник Никодима, с седыми, волнистыми волосами, ухоженными усами да голубыми, добрыми глазами, в которых изредка мелькали краткие вспышки – без модулей не обошлось.

– Я признаю те ошибки, что я совершил. Иное – клевета, – ответил, не поддаваясь чарам робототехнических очей, профессор.

– Ого, подобные слова в наше время почти не используются. Что ж, иного не следует ожидать от столь образованного человека. К слову, я изредка забываю, с кем виду беседу, принимая вас за очередного ребёнка данного времени, так что, если что, вы уж простите мне мою некомпетентность, если такая будет иметь место быть.

– “Ребёнок данного времени”? Как интересно. А вы сами, установив эти штуки в голову, не признали в себе это капризное дитя сегодняшнего дня, которое, как я понял, вы презираете в иных людях. Интересно выходит, да? А себя вы, доктор, презираете?

Психолог смутился, затем, не поддавшись на провокацию, смягчил морщины на лице и сказал:

– Эти, как вы выразились, “штуки”, нужны мне для лучшего зрения и наблюдения за пациентами, то есть в большей степени по работе. Так что не могу сказать, что данный шаг я делал лишь ввиду своего эгоистичного желания.

– Я участвовал при создании подобных “штук”, так что для чего они вам, можете не говорить. Мне просто хотелось увидеть вашу реакцию, – Совранов чуть ухмыльнулся.

– Ох, да-а, сегодня точно удачный день. Давно у меня не было подобного собеседника... – Мужчина встал, зашёл за спину севшего напротив него Совранова и, смотря в стену, проложил, не оборачивая головы на спинку кресла пациента: – Эх, знаете, а если говорить правдиво, то вовсе никогда не было. Всегда одни лишь мужчины да женщины средних лет или, изредка, довольно молодые. Но никто из них не говорит то, о чём думает – везде уже оставлен след вложенной в них воспитательной программы. В вас такого нет... И я даже затрудняюсь сказать почему: то ли из-за того, что вы так терпеливы, то ли из-за того, что просто не ощущаете своей вины.

– Попробуйте догадаться, вы ведь психолог.

– И что это значит? “Вы ведь психолог”?

– Ну, вы должны понимать людей. Понимать, что они чувствуют и о чём думают... Ведь так?

– С одной стороны верно, но... – человек повернулся к профессору. – Вы перевоспитаны, просто не хотите этого признавать, потому что считаете, что всегда думали в подобном направлении и ничему здесь научиться не смогли. А ведь зря.

Никодим слегка удивился. Обернулся, продолжая сидеть, и спросил:

– И в каком же “направлении” я всегда думал?

– А это лишь вам известно, хотя теперь – вряд ли. Вы явно заменили истинные помыслы ложными, теперь считая их истинными – с одной стороны, мы на то и рассчитывали, с другой – это не совсем тот результат, который нам нужен.

– Что за бред вы несёте? – следя за идущим обратно к стулу психологом, с презрением ответил вопросительно Никодим.

– Я ничего не несу. Наверняка вы ничего не поняли, решив, что всё идёт так, как вами было задумано. И это даже хорошо, потому как в таком случае вы сохранили способность мыслить, а не жить лишь по той указке, что здесь диктовалась вам, – мужчина сел. – Так что, думаю, я, даже, должен вас поздравить ввиду подобного случая. И, полагаю, ошибку свою вы всё-таки признаёте, а к её повторению в будущем прибегать не станете...

На последних словах человек достал из внутреннего кармана своего пиджака небольшой дисплей. Явно не в первый раз ознакомился с его текстовым содержанием, пробежав лазурными глазами по мелким строчкам, и поставил отпечаток своего пальца снизу в качестве подтверждения. Затем достал из тонкого нутра небольшую карту памяти, крайне малый кругляш, с документом и протянул его на вытянутой руке Совранову, что с недоумением наблюдал за всеми данными действиями, не в силах понять, что именно только что за него решили...

Спустя секунду, когда осознание пришло, он, вторя улыбке собеседника, осклабился и, забирая носитель, озвучил с ехидцей:

– Если говорить словами Великого, то я вам посоветую ²⁰**“не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше”**.

Стянув с ладони свою пятерней документ, Никодим резко встал и вышел из комнаты, в которой остался сидеть психолог, на чьих устах всё ещё гуляла лёгкая усмешка.

Добраться до дома особого труда не составило.

Выйдя на Втором уровне, профессор сразу же пошёл на ближайшую станцию монорельсовой дороги, дабы с помощью их уже добраться до Первого “этажа” – ну а там и дом не далеко. Заметив невзначай, что вокруг стоит почти идеальная тишина, мужчина осмотрелся – была ночь.

Сначала он этого не осознал: надоедливое свечение множества реклам меняло ощущение реальности, машины в любое время суток были беззвучны, почему их количество счесть было не возможным и только подняв голову Совранов узнал, что проезжают они рядом с ним крайне редко – ещё один признак позднего часа. Да и вообще: людей также было немного. А главное – не было революционеров.

Он не знал, добрались ли они уже до сюда, или всё ещё стоят “у ворот”. В тюрьме об этом не шибко много сообщают, потому некое клочкотание души, звучащее внутри с опаской и предосторожностью, имело место быть. Особенно ему было не приятно и даже физически больно осознавать, что когда он всё же спустится на уровень ниже, с этими нежеланными бездумными агрессорами ему повстречаться придётся – от этого в животе начинало ныть, а голова кружилась.

И ведь что интересно: он уверен, что болей мало кто уходит ночевать. Эти бестолковые люди, возомнившие себя властителями любых прав, впредь явно не собираются снижать своего напора с правоохранительных органов... Но ведь и раньше были, так сказать, уникамы, что поступали таким же образом.

Сперва всё было довольно безобидно: толпа проходила митингом с утра до вечера, а после убиралась восвояси. После начали образовываться некие банды и прочие немногочисленные отделения, несущие ортодоксальную идею смены власти, но не проявляющая хоть толики дружелюбия. И притом те же мирные митинги остались – они всё так же прохаживались по площадям да улицам, затем убираясь по домам. Вместе с тем количество и тех и тех росло. И даже несмотря на одинаковую цель, способы достижения у этих двух лагерей различны... И вот потому возникает у Совранова мысль: “А может ли быть так, что одна из этих двух масс совершенно не относится никаким боком к другой... То есть кто-то из них использует основную мысль иного лишь как прикрытия для совершения своих дел”. И на такие раздумья профессор наткнулся уже не впервые.

Побывав в тюрьме, он не стал ²¹**Иваном Денисовичем** в области познания тамошней жизни – чем безмерно рад. Но вот обдумать жизнь свою и общества вокруг успел, причём выявив для себя некоторые важные принципы.

“А не это ли перевоспитание имел в виду психолог?” – вспомнил странные слова мужчины Никодим, подъезжая к станции, где монорельс Второго уровня сообщался с монорельсом Первого уровня.

Ему хотелось спать и не о чём не думать – всё. Некоего апогея достигла стагнация его разума в данный момент. Однако как только он узрел знакомые улицы, дома, а рядом с ними гуляющие отсветы костров тех, кто не собирался ложиться спать – пот выступил на лбу, а сердце пропустило ход. Голова стала соображать живее: как добраться домой невредимым – вот главный вопрос.

Ответ был найден быстро: через две остановки выйти и пробежаться сто метров до жилой многоэтажки, предварительно раскрыв опознавательный код, дабы не медлить у входа – замедление может быть чревато, учитывая что Никодим-то знает о недоброжелателях, бродящих в окрестностях его жилья.

На тот момент все иные мысли вышли из головы профессора. Лишь одна, как ему казалось, основополагающая догма, навеянная им же, теперь трубила внутри: “зайди домой и не выходи оттуда вовсе!”.

Это он и сделал, опростелью ринувшись до подъезда, невзирая на свой возраст. После же, когда пожилой человек уже подымался в лифте на свой этаж, он понял, что именно имел ввиду психолог, говоря, что пятнадцать суток не прошли бесследно – он признал своё поражение перед чужими наставлениями, позволив отречься себе же от своих.

Плечом опершись о стену полупрозрачной кабины, ладонью мужчина стёр пот с лица, в ужасе понимая, что перебороть теперь подобное будет трудно... Но сдаваться он намерен не был: убедить в бесполезности подобного им его не удалось.

Глава 2:

Квартира, небольшая да довольно скромная, казалась ему крепостью, неприступной и обетованной им да его духом. Отчего-то здесь, уже в этом запыленном коридоре, который никто не убирал более двух недель, он чувствовал себя в несколько раз лучше, чем там, где хоть и дышалось свободней, но воздух нёс с собой горечь присутствия иных людей, возможно враждебных...

Тут подобных представителей социума нет и быть не может: здесь его обитель.

Осознавая, что с утра многое ему надо будет основательно осмыслить и обдумать, Совранов направился напрямик в свою комнату. Не разуваясь и не раздеваясь, – всё равно грязно, – профессор повалился на старый гидроматрас, подняв облако вездесущей пыли. Тут же откашлялся, да спустя буквально несколько минут уснул.

Ночь прошла одноликим черным пятном, разлившимся по его очам: как он закрыл глаза, так их же он и открыл спустя восемь часов, что показались ему мгновением.

В горле царствовала непередаваемая сухость. Слабый свет солнца, редкими лучами проникающий на Первый уровень, перемешиваясь с искусственным свечением множества баннеров да реклам, проникал бледной своей пародией в комнату сквозь полузакрытые жалюзи. В подобной цветовой гамме общая неопрятность выглядела ещё более серой и унылой, посему, преодолев апатию и отложив раздумья на потом – когда голова “проснётся”, Никодим встал с постели и сразу, лишь попив воды, принялся за уборку. Через час её же он закончил, устроив достойное пробуждение как разуму, так и телу, что его взбодрило.

Однако он до сих пор не задумывался о внешнем мире. Он избегал мысли о том, что потребуется с ним взаимодействовать. Он не хотел выходить на улицу, словно что-то внутри запрещало ему это сделать. И это “что-то” в качестве своего аргумента использовало страх, непонятно откуда взявшийся внутри профессора.

Вместо нежеланных мыслей он мечтал. Мечтал о том, как сейчас поест, а потом будет думать о насущных проблемах общества.. однако прибегать к их решению он не желал, ибо это сулило взаимодействие с обществом, что ему теперь было трудно представить. В голове сразу вырисовывалась картина, как его вновь схватят стражи порядка и отправят на очередной срок. А если и не схватят, то разоблачат те, кем он будет прикидываться, дабы добраться до Института – после они его изобьют и явно бросят умирать. А даже коль всё получится и до И.И.Н.И.М.П. дойти удастся, то всё равно всё тщетно: Алмыков-младший сейчас неведомо где, а информацию от него у Совранова получить так и не удалось, а без этого и внутри учебного заведения делать ему нечего... Он знает принцип работы машины, он знает, что она есть. Но вот о защитных системах, что установил старший из Алмыковых, периодах

передачи мыслей и прочем он ни сном ни духом. А посему: “Всё бесполезно!” – выразился в сердцах про себя Совранов, понимая свою беспомощность.

– И к черту, – прошептал себе под нос он, обесценивая свои прошлые стремления.

Он отказывался это пока воспринимать и понимать – ему было трудно и гадко это сделать. Однако уже только предположение подобного лишало его чести и мужества в его же глазах, почему на душе становилось более чем плохо.

“Лучше бы я вообще об этом не задумывался,” – возникала мысль у него в голове, от чего становилось ещё дурней. И пусть осознание факта, что отречься от своих идей ни в коей степени не стоит имело место быть, притом с каждым притоком моральной самокритики оно лишь возрастало, думы о очередном “выходе на свет” упраздняли растущее стремление вернуться к былым идеалам.

“Тряпка! Тряпка!” – твердил себе со злобой Никодим, сражаясь с воздвигнутой на него чужой психологией, которую он отказывался воспринимать и которой отказывался подчиняться. Ещё вчера он решил, что будет с этим бороться, и отступить от своих целей Совранов не собирался: сражаться – так сражаться с навешенными принудительно, чуждыми обязанностями да запретами!

Но его порыв вновь сошёл на нет, когда профессор, добравшись до холодильника, отворил его.

От одного взгляда на пустое его нутро стало не по себе. Сердце кольнуло страхом, а на лбу вновь выступил пот, потому как данная картина подразумевала лишь одно: ему придётся выйти наружу, хотя бы для того, чтобы купить себе поесть, ибо без неё в безопасности он долго не протянет при всём желании.

“Раз уж взялись меня перевоспитывать, то могли хотя бы о еде позаботиться... Придурки!” – ругался про себя на блюстителей закона пожилой мужчина, покачиваясь на стуле и смотря на пустой белоснежный зев, где обычно лежала пища. Обливаясь солёной влагой от волнения, вызванного предчувствием неизбежного отправления в магазин, он изредка посматривал в окно, надеясь не увидеть там людей в черных одеждах, революционных надписей на стенах или неких проявлений беспорядков. Но тщетно: даже мелкие проявления он замечал против воли. Вот не убранные куски разбитого стекла; вон граффити; вон за углом здания группа из четырёх людей в черном прошла – возможно, это были обычные граждане, а цвет был создан лишь напряжённым воображением, но страх от подобного не уменьшался...

“Нет. Надо. Надо! Давай. Ты сможешь! Всё нормально. Ты сильный. Чего ты боишься?! Просто не входи в конфликт. Нет, они не пристанут к тебе. Ты обычный человек. Им нет до тебя дела!” – успокаивал себя профессор, надеваясь перед выходом: всё-таки перебарывать ложные опасения надо, и причём как можно скорее, посему иного выбора Совранов сделать себе не позволил... Да его и не было.

Пока спускался, пот застелил лицо ещё более ощутимым липким, неудобным ковром, нежели до этого. Страх не давал покоя, не столько отрезвляя мысли, сколько спутывая их, да не давая распределить всё “по полкам”. В один момент в голове крутились думы и о том, что необходимо купить нечто поесть, и о том, что надо избегать людей, прячущих лица или собирающихся в компании, начиная от пары человек и заканчивая толпой – прочь от подобного, прочь.

“Но что там по еде? Да! Еда. Надо что-нибудь купить, чтоб на долго хватило... Чтоб больше не выходить, а то увидят, избыют... А! Нет, еда! Консервы. Да – консервы! Вот что мне нужно. Надо взять как можно больше. Но как тогда донести: услышат звон банок, заметят, поймают... Убьют!” – и таким потоком, беспорядочным, несуразным, но определённо лишаящим здравомыслия, неся мыслительный процесс в голове человека, что раньше подобным зарабатывал. Раньше, когда его голову ещё не трогали силы из вне. Когда он знал, чего хотел, и знал, как это достичь...

Он и сейчас смутно помнил свои планы да стремления, только вот орудия для осуществления казались ему теперь чем-то эфемерным, навеванным какой-то глупой фантазией. И пусть где-то на задворках он понимал, что это не так и надо стараться вернуть прежнее положение своей основной цели, в данный момент профессор полнился волнением абсолютно по иному поводу.

Выйдя на улицу, в первую очередь Совранов, не выходя целиком из дома, осмотрел двор. Никого. Лишь собака медленно сбежала с тротуара.. но даже её черный окрас почему-то заставил мужчину насторожиться и в необъяснимом страхе сглотнуть вязкую слюну, заполнившую рот.

“Ну ты! Давай! Ещё чего не хватало! От всякой псины теперь бежать будешь?! Ты их больше половины жизни изучал, а теперь боишься?! Ты совсем... ?!” – всячески понукая себя мысленно и храбрясь физически, профессор двинулся вдоль стены к арке, ведущей к дороге, перейдя через которую можно было оказаться в магазине.

Людей вокруг не наблюдалось. Сверху сотней диодов мерцала обшивка дна Второго уровня, в чьём нутре был заключен целый комплекс электростанций. От более высоких же зданий данного этажа, откуда-то не слишком великого далека, до сюда доходили блики и отзвуки реклам. К этой какофонии также редко прибавлялись громко выговариваемые лозунги – демонстрации. Явно где-то в центре – туда ему не надо.

Из мусорного ведра тонким шлейфом шёл бледный дымок потухшего не так давно костра – не желательный знак для Никодима, от которого вновь стало не по себе.

Ежесекундно оборачиваясь да смотря по сторонам, пожилой человек прошёл всё же арку между двумя корпусами дома. Там же он прочёл то самое граффити, что заметил уже давно. Она была написана мхом и довольно красивым, даже аккуратным, подчерком, ввиду чего сердце мужчины немного успокоилось, а он сам даже чуть улыбнулся. Видение боя подобным методом, без насилия и кровопролития, а лишь информацией и убеждениями – это

дело рук приверженцев редирума. Он не является ярким поклонником данной культуры, но это – пожалуй одно из того немногого, что сотворено с умом и ради лучшего будущего.

22“Время перемен!? Конечно! Да здравствуй Джек Меридью у руля!” – гласила небольшая надпись. Соглашаясь внутренне со всей глупостью идеи революции, Совранов всё-таки фатально покачал головой, отмечая, что: “Вряд ли хоть кто-нибудь из них читал Голдинга” – и, расстраиваясь данной мысли, пошёл дальше, опять осознав, где находится и начав следить за окружением.

Лишь спустя пару минут он оказался в магазине: пришлось ненадолго задержаться в арке, дабы, спрятавшись в столь редкой тени, пропустить рядом прошедших людей. Вроде это было три обычных гражданина, но один был облачён в черную майку, что и взволновало профессора.

Теперь же он наконец достиг места, которого достичь желал.. и тут было довольно не мало народа, ввиду чего к горлу подкатил ком, пот вновь залил глаза, дыхание участилось, а покинуть сие здание Совранову захотелось как можно быстрее.

Беспочвенный страх поглощал сознание. Рационально строить цепочки действий не выходило: всё перемешалось окончательно. Обычно убаюкивающий, успокаивающий свет от флуоресцентных ламп, ровно распределённый по всему нутру торговой точки, делал только хуже – давил и словно ухудшал зрение, слепя да вместе с тем заставляя голову пульсировать подспудной болью.

“Закажи корзину... Нет, не надо. Лучше заскочи, возьму в охапку всё, что нужно, и беги отсюда! Да. Давай, как можно скорее... Но нужно взять как можно больше! А в руки всё не вместиться!” – толкаясь из стороны в сторону, профессор никак не мог решить, что же ему делать. С каждой секундой становилось всё хуже: казалось, словно люди всё более пристально следят за ним и вскоре, не вытерпев его поведения, нападут...

“Да что же это?!” – не сдержавшись, чуть не закричал пожилой мужчина, зажав рот и пойдя, пригнувшись, дальше – к рядам с консервами. Первые две секунды казалось, что его сейчас вырвет, но после спазм отступил – наверняка оттого, что Никодим не смотрел ни на кого в данный момент, глупо уставившись на белоснежный, самоочищающийся кафель, он быстрыми шагами следовал к третьей колонне товаров. Пару раз он услышал чьи-то возмущения да вместе с тем почувствовал, как кого-то задел. В те момент про себя он искренне извинялся, надеясь, что его не тронут, потому и всё более и более наращивал темп своего хода...

Пот крупными каплями оставлял невидимые следы на полу, следуя шаг в шаг за своим хозяином, что продолжал, слегка взявшись за живот, стремится к необходимому ему месту: вот так быстро сменились у него цели, и вновь вскоре сменяются, когда он-таки добудет треклятые банки хоть с какой-либо пищей – метелью метались мысли, доводы, необходимости в голове профессора. Настолько это его преобразило, что сейчас он был похож скорее не на образованного человека, а на подвергшегося “ломке” наркомана или

“пленника” тактильных модулей. Низко, крайне низко он пал из-за этого заключения – он это понимал, однако ввиду паники, что сейчас поселилась внутри, пока ничего поделать не мог, однако от осознания своей теперешней ничтожности становилось тоже всё хуже и хуже: комом росло это недовольство собой, только ухудшая общее состояние. Но это только капля в море, которое составлено из прочих пессимистичных помыслов и невесёлых убеждений, которые сотворили из Совранова то, чем он сейчас является. И они же грозятся сделать ещё хуже, коль Никодим не уберётся обратно в безопасность. “Домой! Домой!” – так трубил внутренний, чужой голос, что слышал он ежедневно две недели, которые прошли отнюдь не бесследно.

– Вам плохо? – подобного содержания вопрос краем уха услышал он уже отнюдь не в первый раз, но вновь не отреагировал, склонив голову быстро пройдя мимо: беспочвенный страх гнал его вперёд.

И вот, когда профессор наконец достиг необходимых ему стеллажей, он, собирая не глядя на содержимое, консервные банки с полки, торопясь мимолётно посмотрел назад. И увидел там собравшуюся за собой толпу, что с опаской, интересом и состраданием смотрела на него... Как на прокаженного – вот таков был взор. Который в конец испугал Никодима, ибо он увидел только опасение и интерес, которые интерпретировал как вражду. Дыхание ещё больше участилось, сердце, казалось, готово выпрыгнуть из груди. Словно затравленное животное пожилой мужчина, выпустив из ослабших рук собранные банки, звучно упавшие на кафель, попятился назад. И тут наткнулся на краеугольный камень, что одновременно его и спас, и чуть не заставил умереть от неожиданности.

– Никодим! Никодим, ты чего?! Что с тобой?! – развернув ослабшее тело профессора к себе лицом, человек, в возрасте не на много младше Совранова, затряс того, обхватив за плечи.

В голосе слышалось лишь волнение. В глазах читалась и радость за встречу, и обеспокоенность за состояние друга...

– Ка-казимир? – всё же выговорил бывший незаслуженно заключенный, впервые за долгое время ощутив на сердце толику спокойствия.

Сильные руки не казались ему чем-то, что способно ударить. Широкоплечая фигура не вызывала страх и оторопь. Бородатое лицо не сулило вражды. Наоборот – это лицо, что ему приятней видеть в данный момент больше всего.

– Мужик, да ты как неживой! Ты где был?... А, всё равно, пойдём, пойдём домой доведу –там всё расскажешь, – прекратив трясти профессора, Коликов подхватил того под мышку, взял свою корзину с продуктами и направился к касе.

– Мои! Мои консервы! – необычайно сильно забеспокоился Никодим, стремясь вернуться к обронённым банкам.

Ощутив непонятную озабоченность Совранова данным фактом, Казимир усилил хватку, с непониманием приговаривая:

– Да тише ты! Тише, всё нормально. У меня еда есть, всё нормально. Что с тобой?... – последний вопрос остался без ответа.

Никодим спокойно, даже нет, скорее обессилено повис на шее у человека, которого так давно не видел, и с которым они теперь вышли из магазина, держа пакет еды, чью стоимость полностью он же, человек, и оплатил. Притом на вопросы касательно беспомощного приятеля Казимир лишь отвечал, что тому, мол, стало нехорошо с животом – такое, мол, бывает: в общем полностью прикрыл друга, даже не зная, есть ли у того недуг, или нет, однако твёрдо уже намереваясь ему помочь.

И первым актом благородства оказалась дорога до квартиры еле переставляющего ноги профессора, чей страх и предосторожность опять выступили каскадом пота на лице и всеобщей слабостью в теле тогда, когда, уже пройдя арку между подъездами, они заметили группу из трёх молодых людей, разжигающих костёр посреди в данный момент пустующей автостоянки.

Остановившись, Казимир внимательно наблюдал за ними, ощущая учатившееся сердцебиение и дыхание товарища, тем самым поняв основной предмет его необъяснимого до селе ужаса.

А юные революционеры, закрыв свои лица тканями, некоторое время изучали странную парочку гораздо более старших их людей. Отличительной булавки на кинокритике в данный момент не было, посему и опасаться, по определению, им нечего. Но кто его знает...

И всё же спустя ещё секунду, молодые люди, потеряв интерес, с наигранным достоинством развернулись и пошли прочь с внутреннего двора, вместе с тем, словно “играя” на публику, разминая облачённые в кожаные перчатки кисти рук да гремя цепями – больше ничего у них замечено не было, хотя явно ещё какое колющее, режущее да бьющее электричеством имеется: эти дурни наглеют с каждым днём всё больше, причем, даже явно не понимая, за что выступают и за что проявляют свою злобу.

“Просто им хочется... Кретины,” – с сожалением подумал Казимир, ощущая, как немного успокоился Никодим. И, дабы, ободрить его ещё больше, зачем-то добавил вслух, утверждая и для себя, и для Совранова:

– Ох, добьются они очередной ²³**“черной пятницы”**, ох добьются...

Далее, вплоть до квартиры Никодима, повисло между двумя людьми раздумывающее молчание.

Глава 3:

– И какого чёрта ты мне это не сказал?! – будучи крайне возбуждённым от злобы, будировал на профессора Казимир.

– Я думал, ты занят...

– Чем занят?! – прервал прерывистую, тихую речь своего друга кинокритик, озлобленный по понятным причинам.

– Редирумом... Там же.. ты же последние месяцы только в нём и погряз, вот я...

– И ты решил, что я предпочту дела, которые можно отложить, спасению друга?... Нет, Никодим, ты человек наученный... Но глупый до безобразия: ты хотя бы понимаешь, по какой тупой причине ты не сообщал мне, что тебя задержали?...

Совранов виновато, но всё ещё невнятно, кивнул – он до сих пор не до конца отошёл от похода на улицу.

– Ох-ох-ох... Да-а. Во дела... И что же они там сделали с тобой такого, что ты теперь до магазина дойти не можешь?

– Кто это они? – недопонял профессор.

– Ну, тюремщики...

– Хах, как раз они не причём. Помнишь тюремную реформу по перевоспитанию?

– Ну...

– Так вот: она работает.

С секунду посмотрев на собеседника, критик сказал:

– Если посмотреть на статистику преступлений, то это и так ясно становится. Так что нового ты мне ничего не, хех, рассказал...

– Нет, я имею в виду, что именно так, оно работает...

Глазами Казимир ещё раз “провёл” по товарищу, после чего, с опаской, спросил:

– Это вот те записи всякие, такое делают? – слегка покрутил пальцем у виска.

– Их крутят каждые сутки... Думал, что выдержу. Ошибся, чёрт бы их побрал.

– Во дела... И что теперь?

– Перевоспитываться надо, в норму возвращаться.

– Это понятно. А как собираешься вообще?...

– Вот подобными прогулками, – прервал незаконченную фразу Никодим и повернулся к смотрящему на него с недоверием друга.

– Тебе, думаю, помощь понадобится... – вспоминая прошлые события, чуть сузил глаза Коликов.

– Думаю.. понадобится, – нехотя всё же согласился профессор, посмотрев в окно, притом осознавая, что по-иному никак.

– Хах, это как в этом... У ²⁴**Хаскли** да?

– А. Ну, похоже, – пожал плечами Совранов.

– Хах, только там с рождения, а тут вон, на старости лет перевоспитывают... И работает ведь.

– Как есть...

– И о чём там твердили? ²⁵**Два плюс два равно пять?**

– Да нет. Скорее “должен” – “не должен”... – про себя недавний заключенный подумал: “а читал ли он вообще эту книгу?”. То, что ²⁶**все три экранизации** его собеседник смотрел – он был уверен, а вот насчёт оригинального варианта – не совсем.

– О как. Единственное, что ты был “должен”, так это мне позвонить, дурень...

– Ну, последний раз, когда я тебя видел, ты был крайне занят со своим переездом и редирумом. Так что я решил теперь тебя не трогать, – возникнул Совранов, припоминая не совсем удачную встречу его и Казимира, когда последний, ввиду своей пресловутой занятости, мягко, но довольно всё же не вежливо, попросил оставить его в покое.

– И ты на это обиделся? Охox, да ладно тебе, мужик... Когда одну квартиру снимали, так ты не настолько злопамятным был. Хах, стареешь! – затрагивая их общую молодость, во время которой и стали эти двое друзьями, шутливым тоном проговорил Коликов.

– С чего ты взял, я до сих пор тебе не опускаемый стульчак не простил, – обернувшись к товарищу, с вольготной улыбкой ответил старший из этой двоицы.

Ему было тридцать, Казимиру двадцать с лишним. Они переехали тогда в только-только созданный Город: первый – вызванный Институтом, второй – за мечтой. Так сложилось, что стали снимать одну квартиру на двоих – было трудно, ибо жилплощадь была новой, но на двоих как-то управились. А потом и вовсе на “ноги встали”, причём и по сей день младший из данной двойки держался на своих двоих куда уверенней, хотя сперва обладал гораздо меньшим. Но не это главное. Главное, что и сегодня они, будучи разными людьми, – хорошие друзья. Именно это и хотел напомнить Никодиму Казимир, и по тому, как первый поддержал его, он понял: ему это удалось. Почему сразу отреагировал живым смехом:

– Аха-ха-ха! Ладно-ладно, так уж и быть, хах... Ну ты, конечно, молодец.

– Ну а что ты хотел?... Это, – оживившись, Совранов теперь взаправду хотел поговорить: страх отступил и он, ослабившись, сел обратно, собираясь перевести тему. – Слушай, а ты, кстати, что в магазине делал?

– Мужик, ты чего, я здесь через дорогу живу, что я мог ещё там делать: я есть хочу... Тебе в тюрьме это, память заодно не подправили, нет?

– Ахах, нет, не подправили. Это я так, запомнил. К слову, что у тебя с переездом?

– Закончил уже – всё нормально, теперь обустроиваться понемногу буду.

– О-о, ясно, это хорошо. Но только, ты ведь это, явно не просто так это затеял, правда? – в глазах Казимира мелькнуло подозрение, но Никодим продолжил: – Поменять добровольно Второй уровень на Первый – крайне странно, да ещё и от знака отличия отказаться. Это ведь что-то с редирумом, я прав?

Секундное молчание.

– Хех, во всем ты логику вещей поймешь, – с еле чувствительным волнением, из-за недопонимая причины такой резкой смены темы, усмехнулся Коликов, оценив своего товарища. Затем продолжил, уже более привольно, ибо вспомнил, что, как-никак, ведёт разговор со своим, пожалуй, лучшим другом: – С редирумом? Да. С ним. Но тебе-то какое дело, ты особо этим и не интересуешься ведь...

– Да так, я твоими успехами всё-таки же интересуюсь...

– А. Ну, здесь хвастать пока нечем: понимаем, что нечто странное происходит вокруг, а сделать с этим ничего не можем. Как-то больно быстро эта революция началась, да и не пойми, почему... Пытаемся всё разузнать идеологию этих демонстрантов, но в бестолку. Ни лидеров, ничего. Лишь толпы собираются да какие-то лозунги выкрикивают – всё.. ну, ещё и молодежь эта – совершенно не разумная. Словно не ради смены политики они на улицы выходят, а лишь чтобы людей избить... Хрен пойми, что происходит. А по вечерам ещё: эти толпы отчего-то на кучки разбиваются, да куда-то совершенно в разные места расходятся – бред. И ни разу не удалось выследить, ни разу! Нечисто тут что-то, да вот только понять не могу, что...

Совранов выслушал друга полностью, и ему стало немного не по себе: он-то частично причину всего сего безобразия знал. Но стоит ли рассказывать об этом? Всё же Казимир чистейший приверженец редирума, а там основополагающая идея, если Никодим ничего не путает, гуманизм и ценность человека как личности. Посему всяческое проявление насилия ему чуждо. А предотвращение разрухи политической системы в крайне сжатый срок только так и возможно: с недружеским визитом навестить И.И.Н.И.М.П. Но он и думать о подобном не станет: начнёт подымать связи, воспользуется явно титулом, от которого отрётся, будет кричать на каждом углу, что всех вокруг обманывают сильные мира сего... И в конце концов эти самые “сильные”, всё же заметив со своего Третьего уровня непорядок в смоделированной ими системе, просто устранят мелкую сошку, дабы та крика лишнего не поднимала – так, на всякий случай. А нужно ли это Никодиму? Никак нет.

Посему профессор решил дознаться для начала:

– О, вот оно как. Ну, думаю, ты справишься. А слушай, насчёт людей: вот как вообще с новичками, много сейчас в, как там вас.. “восстановление”...

– “Возрождение”, – немного улыбнувшись, словно стесняясь подобного названия (что было придумано кем-то довольно давно и явно при странных обстоятельствах, однако запомнилось), подсказал собеседник.

– Да, вот. Как у вас в притоком народа?...

– Ну, идут. Охотно даже идут, что радует. Просто понимают понемногу, что не всё в порядке, а изменить ситуацию хотят, вот и ищут выход. Причём, чаще всего парни молодые прибавляются, правда, похожи многие из них на тех, что **²⁷из Техаса да без рогов**, – осознавая, что оппонент поймёт шутку, Коликов посмотрел на товарища в ожидании реакции.

Тот, чуть засмеявшись, отвалился на ортопедическую спинку стула, да сказал:

– И ты это терпишь?

– Ну, чёткого подтверждения об их ориентации у меня нет, просто внешне некоторые, ну, похожи. А так, думаю, не стерпел бы, если бы точно узнал. Ну а пока – убеждаю себя в обратном.

– Вот как, ясно всё с тобой. Вроде бы, редирум же это, и таких защищает... Так ты у нас свою же культуру предаешь, мужик?... Если что, я шучу. Не принимай к сердцу, – подняв, словно сдаваясь, руки, удостоверил Казимира Совранов.

– Ха, да я понял. Нет, я не предаю свою культуру. Просто есть вещи, которые противны мне, но они не противны идеологии редирума. Знаешь ли, никто не безгрешен. Да и вообще, идею, из-за которой я и подался в это общественное течение, я поддерживаю всецело, потому нечего тут меня уличать в моей не полноценной преданности. Я предан, но подобное претит мне в любом случае. И да, если я-таки узнаю, что кто-то из них является гомосексуалистом, я сделаю то же самое с ним, что сделал тридцать лет назад с тем выродком, и ничуть не пожалею...

– А-а... – хотел было добавить вновь о не всецелом соответствии Казимира своей культуре Никодим, припоминая то до неузнаваемости разбитое кулаками друга лицо миловидного парня, по неосторожности принявшего Коликова не за того, кем тот является всю свою уже немалую жизнь.

Но собеседник был быстрее, предупредив слова друга:

– И нет, от редирума и в таком развитии событий я не откажусь.

С секунду профессор размышлял, взвешивал все за и против, а потом молвил, решив вернуться к былой теме:

– Хах. Ну, не согласиться я не могу: никто не без греха – это точно. Однако.. вот в общем, получается, люди у вас есть. Так?

– Пока не жалуемся... – Казимир хотел добавить ещё что-то, но Никодим опередил его.

– Тогда послушай, Казимир, ты мне друг и самый близкий человек, который остался в моём круге общения. То, что вы пытаетесь понять, не будет вами осознанно полностью потому, что своё развитие оно получает не здесь.

– Не понял...

– Вы не там ищите.

– Ты что-то об этом знаешь?

– Знаю... Но, послушай, я могу рассказать, но, зная тебя, уверен: ты сразу начнёшь действовать. Только начнёшь ты действовать не так, как надо. Здесь, понимаешь, в данном вопросе без использования силы не обойтись уже просто потому, что те, кто над этим стоит, ею воспользоваться не погнушаться.

– То есть, ты хочешь сказать...

– Да, от редирума придётся на некоторое время отойти. Но только ради того, чтобы после он получил ещё больший толчок для развития...

Казимир задумался, а затем отказался, вертя головой:

– Нет. Я так не смогу. Я не рыцарь с ²⁸**крестом на доспехе, чтобы нести свою культуру “огнём и мечом”** – это глупо и полная ерунда, так что нет... Спасибо, но мы пока как-нибудь сами.

Профессор развёл руками:

– Твой выбор. Однако, если что, мой номер ты знаешь. Но хорошо всё обдумай...

– О, об этом не волнуйся. Но я всё-таки буду надеяться на лучшее.

– Не могу не похвалить данную черту характера.

– Хах. Но ты ведь тоже, как только наружу соберёшься, в случае чего мне набирай... А то так дело не пойдёт.

– А об этом уж ты не волнуйся.

– Ха, да уж. Рад видеть тебя живым и здоровым.. ну, от части здоровым, – медленно вставая со стула, сказал Коликов.

– Ничего, прорвёмся. А ты что, уже уходишь?

– Ну а чего? В конце концов, засиделись мы, а у меня ещё дела есть.. ну, ты понимаешь...

– А, ну, понимаю, – идя медленно к двери, продолжали беседу двое друзей.

– Ну вот. Ты не волнуйся, я завтра с утра ещё заскачу, так что свидимся.

– Что ж, буду ждать, – пожимая руки, сказал с лёгкой, естественной улыбкой профессор.

Спустя секунду, вспомнив о еде, оставленной у него на кухне Коликовым, возникнул:

– Ой, Казимир! А пакет!...

– Оставь – тебе нужнее, – входя в лифт, отмахнулся приятель с подобной естественной, доброжелательной улыбкой.

Когда же двери затворились, Никодим, проводя взглядом “уходящую” на первый этаж кабину, мысленно сказал: “Спасибо”. После же он направился назад в квартиру разбирать съестное, что было куплено и принесено его другом. Да, за месяц, что они почти не общались, он довольно сильно соскучился по этому чувству: чувству тепла внутри, которое полностью отторгает одиночество, самим собой напоминая: ещё не всё потеряно.

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Глава 4:

В столь поздний час Никодим никак не мог ожидать звонку, посему и постиг его тот расплог.

За четырнадцать дней, путём частых прогулок, чья дистанция с каждым днём всё увеличивалась, он смог привести себя немного в былую форму. То есть впредь он уже не так боялся выйти на улицу и иметь хоть какую связь с людьми, ему больше каждый не казался невообразимым монстром, что изобьёт его при первой возможности – нет, теперь в данном плане стало чуть лучше. Но подобные случаи, когда тебе некто звонит с незнакомого номера посреди ночи, пугали даже обычных людей, в чьей психике никто никогда не переворачивал всё верх дном. А уж что говорить об профессоре, который, напомню, ещё не до конца пришёл в норму...

Дрожащей рукой он быстро включил свет в спальне и пару секунд со страхом и удивлением смотрел на телефон, надеясь, что тот всё же перестанет издавать столь нежеланные звуки. Но нет – не переставал. И того всё-таки предательски мондражирующие пальцы поползли к кнопке ответить, сразу же притом нажав и громкую связь – отчего-то приближать к себе аппарат не хотелось.

И уж какое было удивление у Никодима, когда из динамика раздался знакомый да ставший более чем приятным за последние пару недель слуху его голос Казимира. Вскоре чувства сменились радостью, а после заинтересованностью: Коликов всё же принял предложение Совранова и хотел получить всю известную тому информацию.

И, как только разговор был кончен, профессор, словно давно проснувшись, вскочил с кровати и направился к рабочему столу. Надо было написать письмо, а утром, на ежедневной недолгой прогулке, что устраивалась ради обретения своего прежнего чувства социума, её оставить о двери квартиры Казимира, или вовсе хозяина дожидаться – как пойдёт.

“Видимо, сегодня с утра мне придётся идти одному,” – понял вдруг данный факт Совранов. По спине от этого пробежал слабый холодок: до сего дня на

данных дистанциях его сопровождал поддерживающий приятель-кинокритик, а теперь же ему придётся проверить, действительно ли сработали данные упражнения.

Нет. Что когда-либо он придёт в полную норму он был уверен. Но для достижения своей цели, или хотя бы скорейшей полноценной жизни, ему хотелось ускорить данный процесс. Ведь все, кто сидел в тюрьме, подвергались подобной “чистке”: каждый по-своему и в зависимости от срока. И после выхода из нежеланного заведения более девяноста пяти процентов абстрагировались надолго от общества: запирались в приютах, квартирах, домах и так далее. Их кормили или они заказывали еду по интернету; они не работали и государство оплачивало им прожиточный минимум – так есть до сих пор. И по такой дороге, “пройдя” в пустую год или лет пять (смотря, сколько был подвержен внушению человек), люди приходили в норму, вновь приобретая возможность общаться с окружающими и воспринимать их не только как агрессоров. А вот желания опять возвращаться к преступлениям больше не наблюдалось. И это отличная статистика. Но отлична она только в том случае, когда задержанный был в действительности виновен.

У Совранова всё чуть иначе, посему и избавиться от глупого порицания, твердящего в голове, он собирается как можно быстрее. И пока у него это неплохо получалось, по крайней мере, он так думал. Сегодня же ему предстояло это проверить на практике.

Но для начала следовало, конечно, написать то самое письмо: надо изложить мысли всецело, а также добавить свои думы и требования, которые он хочет выдвинуть, дабы в случае удачи приверженцы редирума не наделали чего недоброго...

Чуть подумав, мужчина начал писать. Так как записку надлежало оставить у двери, то делал он это по старинке: карандашом на обыкновенной бумаге, что сейчас стоит довольно дорого. Однако в данный момент ему было всё равно на сохранность деревьев и растратой производимых из них листов он себя не сдерживал, в конце концов написав примерно шесть страниц текста от руки формата А5.

Выдвигаясь из дома, он всё думал, как бы ему побыстрее добраться до квартиры друга да после пути туда вернуться назад: всё-таки больше требуемого снаружи находиться не хочется.

Однако подобная загрузка ума ничего хорошего за собой не несла, лишь увеличивая нисколько не нужный мандраж. Тогда Совранов принял другую стратегию: мыслительный поток его перешёл в русло, где основной темой служили рассуждения о том, всё ли он описал да обозначил в письме, что хотел. Перебирая в голове необходимые варианты и, вспоминая текст, сравнивая с содержимым листов, он всё-таки пришел к выводу, что всё сделано так, как ему необходимо. Причём данное заключение явилось только уже тогда, когда Никодим уже был посередине пути к дому товарища: вокруг ввиду раннего часа не было почти никого, даже революционеры ещё не

вышли на улицы, лишь редкие полусонные рабочие, буквально ²⁹**ходячие мертвецы**, не торопясь шагая на службу разбавляли его идиллию, всё же не шибко тревожа взбудораженное тюрьмой сознание.

Но дабы уж совсем снизить давление окружения, профессор вновь ушёл в себя, сравнивая шансы на успех и оценивая свою роль в данных событиях, что обещали вскоре развернуться и поменять образовавшуюся в последнее время картину беспорядков и революций.

Он не собирался участвовать в самом “штурме” – нет. На данный момент он боец никакой, да и явно внимание к нему приковано пристальное: после случая месячной давности Алмыков-старший точно не оставил всё как есть, прознав и про сына и про профессора. Где сейчас первый, Никодим не знает, но в тюрьме для арестованных зачинщиков беспорядков его не было, следовательно или мёртв, или давно дома, причём во второе отчего-то верится больше. Ибо в противном случае сам Совранов был уже не жилец. Да, он вовсе жив по сей день со своими познаниями касательно Института да его нутра лишь из-за данного ему слова самого Алмыкова, который пусть человек нехороший, но обещания сдерживает. А именно: при уходе, ещё обладая некой властью, Совранов поставил ультиматум. Он гласил: либо он попадает под защиту Алмыкова и остаётся жить со всеми своими знаниями, притом изменять их путём вмешательства в ноосферу И.И.Н.И.М.П. права не имеет и в дальнейшем этого не сделает (хотя тут играет скорее случай, но всё же), либо он уничтожает машину – тогда он мог это сделать. Поняв, что игра свеч не стоит, управляющие учебным заведением личности приняли требования, также добавив свои: Никодим ничего никогда окружающим не расскажет. Так пришли к копромиссу. Однако профессор свою часть договора нарушил, но до сих пор жив. Значит и сынок целый, да явно за него ещё слово замолвил – другого довода подобного стечения обстоятельств Совранов просто не находит. Или же сын всё-таки жив, да его отец уж больно верный своему обещанию, ещё больше даже, чем окружающие считают, да продолжает его “держат”, не трогая Совранова. В любом случае, если Лёша был бы мёртв, Никодим также этот месяц бы не прожил. Ну а так, видимо, ему дали второй шанс. В котором оплошать нельзя, ибо уж точно слежка за ним ведётся – это без всяких сомнений. А посему появляться в мероприятиях против Института самому ему не следует, только в заключительной части, когда сильные мира сего будут обессилены – только так, не иначе, ведь третьей попытки ему уж точно не предоставят: он наплевал на своё слово, раскрыв тайну Алексею, и Алмыков наплюёт, убив его.

А что касается “завершающей части” – всё просто. Если “Возрождению”, как массы называют представителей редирума, ввиду чего и они уже не гнушаются данного наименования, всё же удастся достичь цели, и машина будет уже, так сказать, у них, то далее им следовать не стоит. Совранов обозначил, чтобы Коликов, в случае удачи, отзвонил ему, да вместе с тем прислал кого-либо из привилегированного “класса” – в редирум таких немало в последнее время записалось. Таким образом, профессор попадёт на Второй уровень, так как его будет сопровождать человек с доступом на этот самый уровень (жителям нижнего “этажа” не по работе нельзя попадать в жилые кварталы находящейся над ними платформы Города, только в сопровождении

человека из высшей касты общества как его гость – глупое, бездумное правило, придуманное этими же “высшими” крестинами, которое вскоре перестанет существовать как некий порядок – это точно), а там уже и до Института не далеко. Ну и после Никодим, посоветовавшись с Казимиром, уже решит, что делать с хитроумным громоздким прибором, на создание которого ушли годы труда, уйма нервов и загубленных карьер... Да-а, что-что, а отключать её в любом случае не стоит – слишком много отдано, и слишком много можно сделать, причём во благо, с её помощью.

Значит ли это, что учёный-биолог кого-то использует? Возможно – он так себе ответил сам, но другого выхода нет. Или есть, всегда, по крайней мере, есть, но времени на его поиск не достаточно...

У входной двери в дом, где была квартира Казимира, Совранов ввёл на приборной панели фамилию друга и цель визита: просто так ему дверь не откроют, а он сам здесь не проживает, посему также зайти не может.

Ответом ему послужила звуковая дорожка, сообщающая, что данный человек сейчас не у себя. Тогда профессор попросил передать ему сообщение и вложил в общий ящик конверт – такой способ уже давно устарел, но систему передачи бумажных писем и по сей день ставят в дома.

Зная, что Коликов со своими единомышленниками выступать днём не будут, Совранов устремился быстрым шагом обратно домой: на улице стало гораздо больше народа, вновь просыпалось социальное волнение.

“Случай из ряда вон.. мало ли,” – думал по ходу движения мужчина, всё-таки взвешивая шансы того, что Казимир пойдёт на штурм сразу, как только прочтёт письмо.

“Нет, мало вероятно. Они не безголовые кретины, они действуют рационально.. всегда действовали,” – всё же приструнить страх и предчувствие чего-то важного было крайне трудно.

Потому, только войдя в квартиру, Совранов сразу же стал ходить взад-вперёд по жилищу, не в илах успокоиться. В два часа дня он пойдёт на прогулку, до которой ему следует ещё дожить. Он знал, что спокойствия ему не сыскать, посему просто приготовился прожить данный день, пребывая в предвкушении развязки дела, которому он посвятил огромное количество времени...

Несмотря на то, что проснулся он довольно рано, спать он не хотел. Наконец побившись, да поцарапавшись пару раз из-за беспокойных рук, впервые за две недели, последний раз был после выхода из тюрьмы, Никодим поел, посмотрел новости, – ничего нового, вновь демонстранты да дебоши начинают вступать в силу посреди дня, – вновь поел да ещё домашние дела по мелочи. Чаще же всего он просто шагал взад-вперёд или разочарованно глядел в окно: в его районе было относительно сегодня спокойно, но отголоски беспорядков, что больше сконцентрировались в центре, слышались и здесь.

“Скоро всё кончится,” – словно говорил он людям внизу, напуганным и обеспокоенным, более пытаясь успокоить себя.

Наконец два часа. Ему никто не позвонил – значит всё-таки нападение будет вечером.

Одевшись, Совранов, опять один, вышел на улицу: немного побродить вокруг дома – и всё. Страх сразу заклокотал в нём, заставляя подозрительно смотреть по сторонам и с особой опаской следить за людьми в черных одеяниях.

Он шёл уже второй круг, как рекламный биллборд рядом с дорогой вдруг прервал показ некоего продукта, и женщина, смоделированная видеокартой, бесстрастным голосом сообщила о самоподжоге некоего неизвестного.

Общественность, что была рядом, вмиг ринулась в центр – увидеть сие зрелище. Непонимание ситуации, а особенно её дикости, возымело над неприязнью к окружающему миру и в профессоре, ввиду чего тот также побежал вперёд по улице.

Два квартала и вот – столб дыма посреди огромной толпы. Где-то слева, недалеко, посреди улиц, также горело, но только здание.

“А жертвы есть,” – мелькнула мысль в голове у Никодима, однако вряд ли кого ещё это волновало, ибо скачущая и визжащая фигура, объятая пламенем, интересовала куда больше.

В Совранове смешались разные чувства: он страшился столь огромного собрания людей, и в тоже время хотел узнать, что с тем человеком и с людьми, что находились в здании неподалёку. Кругом царило форменное безумие: баннеры и интерактивные плакаты отражали одну цветовую гамму – присущую новостям, ибо то, что происходило здесь и сейчас, в данный момент и освещалось. Также громогласно нечто упоминали и о доме неподалёку, разобрать удалось лишь то, что это – поджог. Где-то слышался звук сирены МЧС, но куда направлялись пожарные дроны, было не понять: или сюда, или к дому. В любом случае пока их не было видно.. да вообще ничего не было видно: в толпе перемешались все, и мирные демонстранты, и кидающиеся кулаками в разные стороны агрессоры в черных одеждах, и бродяги, и простые жители, прибежавшие сюда либо оказавшиеся прямо в центре событий. Плакаты революционеров загораживали свет от домов и ламп. Толкучка давила на сознание, боль приносила не столько давка, сколько просто осознание, что вокруг неимоверно много людей.

Совранов уже было начал молить о помощи, буквально вопя о том, чтоб его выпустили. Он не наблюдал такого беспорядка со временён “суточного сотрясения” – так люди прозвали события четырёхнедельной давности, где участие принимал и былой заключенный: оказалось, тот день был самым жестоким и кровавым за время всей революции, не обошлось и парой жертв...

Силы почти покинули безмерно уставшее тело, как вдруг посреди образованного круга, где и скакал, нечто крича, горящий человек, рядом с ним профессор заметил ещё один силуэт.

Это была маленькая девочка, неведомо как пробравшаяся туда. На ней было лёгкое синее платьице да красные сандалии, а в правой руке она сжимала потрёпанную, или так только показалось, игрушку львёнка. Левая же её рука тянулась к “облачённому” в огонь мужчине.

Забыв обо всём, Никодим тут же ринулся к ней. Что с ним стало? Неизвестно. Просто он не мог допустить, чтобы она умерла, а ему отчего-то казалась, что коль девочка всё-таки дотронется до человека, то она не выживет. Он отчётливо видел её слезы и немного измазанное черной грязью симпатичное детское личико, почему спасти данное создание желалось ещё больше. Наверное, он просто не мог поступить иначе, будучи человеком всё же нравственным и опирающимся в жизни на законы морали, ввиду которых позволить ребёнку пораниться, или чтобы его поранили, или, тем более, причинить тяжкий вред – он такого допустить не мог.

Успев за секунду до непозволительного касания, мужчина схватил плачущего ребёнка на руки и понёс сквозь толпу, тогда как девочка, будучи в чистейшей истерике, безудержно кричало два слова:

– Ты сделал!!! Ты!!! Ты сделал!!!!...

OPEN 4...

Часть Пятая:

Утро того же дня

Глава 1:

Данное утро, как и все прочие на протяжении десяти лет, для Инны было мало примечательным: отчего-то она всегда вставала в полудрёме, абсолютно не соображая, какой день сегодня, или какой час на дворе. Лишь после полного пробуждения мир начинал играть для неё некими красками, теряя монохромность сна, с которым всё равно не хотелось расставаться, но надо... Вот и на этот раз пришлось.

“Лето!” – мысль, что звучала в голове девочки при каждом моменте полного отречения сна, и её было достаточно ей, чтобы стать счастливой до конца сих суток, после которых она вновь будет счастлива, ибо, опять же, – лето. А что ещё нужно ребёнку?

Резво поднявшись с удобной, тёплой постели, которую девочка не страшилась покидать, ибо знала, что ещё вернётся, не чистя зубы, ребёнок направился на кухню: было около десяти часов утра, а это значит, что мама и папа ещё дома, только собираются идти на работу, перед этим нечто, как всегда, обсуждая за завтраком.

Своим появлением Инна как всегда хотела вызвать полную радости улыбку матери и смех отца, который после сразу поднимет её на руки и радостно сообщит, словно обращаясь ко всему миру, что его принцесса встала... Ну а

после тут же опустит, потому как поймёт, что во рту до сего часа не побывала зубная щетка – это не хорошо. Но девочке нравилось вредничать: она ведь принцесса.

Голоса родителей стали слышны ещё в трёх метрах от двери, ведущей на кухню. Они нечто взволнованно обсуждали: как обычно последние несколько дней, однако на сей раз отнюдь не краткие, не мимолётно брошенные фразы, – такими были прежние их подобные разговоры – а именно долгая речь, произносимая в полголоса и с рассуждением о чём-то тревожном да неприятном, вынудила девчушку остановиться, вжавшись в стену и с неким трепетом, даже опаской, вслушаться в речь. Да, подслушивать – тоже не хорошо, но сейчас подобное она себе позволила не потому, что принцесса, а потому, что слышать подобный говор мамы и папы ей доводилось крайне редко, и каждый раз ничего приятного подобное не сулило.

– Чего же он там всё стоит-то, а? – тихо, словно страшась, что его заметят, сказал отец, стоявший у выпуклого окна и неустанно следящий за двором у их небольшого, четырёхэтажного (такие строения – истинная редкость в теперешнее время) дома, что между собой делила две семьи: их и соседей, что проживали выше.

– Его можно понять, он, как-никак... – начала также тихо говорить мама, будто успокаивая не столько мужа, сколько себя.

– Да знаю я, знаю. Но что, он поэтому теперь ежедневно тут появляться будет? Уже неделю ходит и... Хотя чего это я, сына потерять – это чёрт возьми что. Но.. но по-моему не к добру это...

– Он просто там стоит?

– Стоит? Он, если ты не заметила, всё время за окнами соседей следит. Явно что-то замышляет. Это, этих же братьев выпустили уже, так? – вопрос относился явно к детям семьи сверху: два парня-близнеца по семнадцать лет.

– Ну да, неделю как. До сих пор из дома не вылезали...

– Во-от, а ведь это по их вине его сына не стало: связался с ними, а те его на Второй уровень со всей своей бандой поволокли во время “суточного сотрясения” – дебилы! Додуматься надо же, а, до такого! Перемены власти хотят! – мужчина говорил со злобой, шипя и сильно ругаясь – это пугало его дочь. – А чтобы ему электроимпульсом сердце разорвало, они хотели? Не уверен...

– Прекрати, прошу.. вот не надо. Зачем ты всё это вспоминаешь? Я и так знаю... Ну, вот.. вот зачем?... – мать почти плакала.

– Извини, извини. Я просто нахожу доводы, для его поведения, – отец кивнул на окно. – Не нравится мне, к чему это ведёт.

– Так, всё, перестань. Всё будет хорошо... Просто, просто ему сейчас тяжело.

– А кому легко? Ещё и Ира и Геной... Тоже блин, революционеры. Дети вот их насмотрелись, что родители каждый день с плакатами марши эти тупые

устраивать стали, вот и начали также хрень всякую творить. Да только они молодые, им меры кардинальней подавай... Доигрались, ай! – вспомнив родителей близнецов, глава семейства снова подошёл к окну. – Стоит. Смотрит, о-ох, – прокомментировал печально спустя секунду ситуацию снаружи.

– Может выйти? Поговорить? – последовало предложение от жены.

– Надо... Надо. Да вот только вряд ли он советам последует, тут уже психолога неплохо бы вызвать. Как думаешь, стоит?

– Да он убежит сразу, как только дронов увидит, ты что...

– Так нет, а если с ним поговорить, а с согласия вызвать...

– Думаешь, сработает? Ну.. можно попробовать...

– Нужно, – исправил отец, садясь обратно за небольшой круглый оранжевый стол. Но, будучи обыкновенным членом социума, не шибко вдающимся в дела и проблемы иных, добавил: – завтра, если снова придёт, так и поступлю, а сейчас уже на работу пора...

– Не волнуйся, – остановила его, взяв за ладонь, жена, как только тот попытался встать. Успокоила: – Всё будет хорошо.

– Я верю, – целуя супругу в лоб, отозвался обычный рабочий.

Чья дочка, подслушав не самый лучший на её памяти диалог родителей, чуть приободрившись благодаря словам мамы, вышла из “укрытия”, стараясь не показывать того, что недавно поступила нечестно.

– Я тоже! – как можно радостней крикнула она, улыбаясь и расставляя руки для объятия.

– Э-эй! – устами главы семейства сразу овладела искренняя улыбка, а руки, – на одной из которых был по локоть набит замысловатый, но красивый флюоресцирующий разными цветами при разном свете, узор, что очень нравился Инне, – сами собой разошлись в стороны, принимая ребёнка в свои нежные путы.

Поднявшись над полом на метр полтора, девочка заметила и улыбающуюся маму, – чьи глаза, к слову, были сухими, – которая с истинной радостью наблюдала за разворачивающейся картиной, часто повторяемой в последнее время, но оттого ничуть не надоедающей.

– Кто у нас наконец встал? И давно мы бодрствуем? – последний вопрос прозвучал чуть сбивчиво: вмешалось понимание факта, что дочь могла уже некоторое время подслушивать их разговор, а следовательно не только ознакомиться с не самыми лучшими словами, но и просто воспринять волнение родителей, что довольно не хорошо для детского ума да организма.

– Нет, – довольно качнула головкой Инна, догадавшись об подозрении, но не подав виду. – Только что.

– У-уф, – мужчина зажал нос. – Верю: рот ещё не чищен. А ну-ка, быстро в ванну!

Состроив притворно-строгое выражение лица, отец опустил на пол свою принцессу, что тут же побежала, внемля указаниям, в соседнюю комнату.

Однако бег её остановился, как только она исчезла из поля зрения родственников: всё-таки разговор она слышала, и подспудная неуверенность в добром течении сегодняшнего, да и следующих дней поселилось у неё внутри.

Причём подобные беседы слышались ей не в первый раз: уже около недели каждое утро имеет подобное начало. Но ранее она не желала их замечать, сразу “врываясь” на кухню да одаривая родителей лучами радости, что, как ей казалось, исходили от неё. Но на сей раз, решив поступить иначе, лишь тревоги в себе добилась она, зародив это зерно беспокойства, что росло с каждым мгновением. Мгновением, что позволяло больше и больше осознать недавно подслушанный разговор.

Пусть она толком и не понимает, о чём же была беседа, однако уже только манеры произношения да изобилия неприличных слов ей достаточно, чтобы понять: не всё так хорошо, как хочется.

А ещё больше смятения в душу приносят всё же ясные по своему содержанию ей слова, словно ветра входящие в распластанные двери детского разума: она помнит, что такое “суточное сотрясение”. Это было не так давно, чтобы забыть, да и вряд ли спустя года она умудрится абстрагироваться целиком от чувств, пережитых в тот день. Революция до того момента была для неё словно всеобщий созсовет, собираемый ежедневно теми, кому он нужен: они просто выходили на улицы и расхаживались маршем среди домов, что-то выкрикивая и держа плакаты с неясными записями над головами. Она не осуждала подобное: в конце концов, в данных демонстрациях участвовала тётя Ира с дядей Андреем – соседи сверху, – а они хорошие, как и сыновья их, который позже тоже начали участвовать в революции, только иначе... Каждый день они, как только родители уходили, вылезали на улицу, полностью переодевшись в одежду серого цвета и обмотав лицо тряпками – это напугало при первом впечатлении Инну, которая, по обыкновению, осталась дома одна и случайно заметила братьев. Лишь вечером они вернулись, уставшие и потрёпанные, но почему-то они смеялись.. в тот же день по проекционному визуализатору передали в новостях, что некоторым людям был причинен, впервые в данной кампании, физический вред. Пострадавшими были исключительно представители богатого класса, которые волей случая (на созсовете, в гостях или по работе) оказались на Первом уровне – это по-настоящему напугало девочку, и заставило заволноваться семью, ибо ранее жертв не было. Да, люди ввиду случайностей и подобного гибли ежедневно – это девочка к своим десяти годам уже поняла да смирилась даже, пусть и хранит мечту когда-нибудь и подобное прекратить, – но чтобы один человек бил другого – это чуждо ей, всецело чуждо и до дикости непонятно.

Тогда отец сказал, что это единичный случай: явно повздорили пару людей, вот по такой случайности и резонанс – пройдёт.

Но уже на следующий день произошло резкое оживление молодёжи, подобной братьям-близнецам: как девочка поняла, не они одни ходят, закрывая лица, в тёмной одежде и бьют богатых людей... И они же тогда начали пытаться попасть на Второй уровень Города – туда, куда “пока ещё”, как говорит отец, нельзя.

Но не только это было крайне странно: они начали громить всё вокруг, переворачивать перерабатывающие автоматы, бить стёкла, бросаться даже на обычных прохожих или подобных им демонстрантов, которые по-прежнему однообразно шагали среди кварталов, словно ³⁰**старые молотки из древнего, единожды ею виденного мультфильма**, что был довольно пугающим.

В тот день на улицах царил хаос и горел огонь. Инне было крайне страшно, но папа, пришедший с работы раньше обычного, прижал к себе и успокоил, сказав, что всё будет хорошо. А он никогда.. никогда не обманывал.

Потому до сих пор девочка, медленно двигая щёткой, утешала себя лишь его словами, потому что уверенность в их правдивости ничто не может выгнать из её души: не было такого, что бы не сделал, пообещав, её папа. Не было такого, что бы не подтверждалось или опровергалось, когда это подтвердил либо опроверг её папа – не было. И для неё – быть не может!

“Всё будет хорошо” – вспоминая взволнованный тон родителей да смотря на себя в зеркало, про себя прошептала Инна, неловко улыбнувшись своему отражению, также держащему зубную щетку во рту. А обеспокоенная речь отца и матери всё не желала “уходить” из головы...

Глава 2:

Инна осталась одна: родители ушли на работу, оставив дом на ответственность дочки, которая до сего их в этом плане не разочаровывала. И теперь не собиралась, сразу решив сделать некоторые дела по учёбе, а после сходить в магазин, дабы к приходу старших сотворить приятный сюрприз в виде вкусных блюд, которые уставшие люди явно будут не против опробовать.

Волнение из-за подслушанного шёпота всё ещё не улеглось на сердце, но чуть притупилось, что и позволило относительно спокойно заняться запланированным.

Сначала она села за текст, в очередной раз пробежалась глазами по уже давно исписанным рукой трём листам, полностью отвечающим своим содержанием теме, что была дана ей: история развития Беларуси начиная с двадцатых лет двадцать первого века и заканчивая сегодняшним днём. Конечно же ясно, что больше всего учитель пожелает, чтобы внимание в данном творении было заострено именно на Городе и его возникновении, однако и иное также следует освятить, посему, нужно сказать, работа досталась Инне не легкая. Но она привыкла ввиду постоянно не падающей с

отметки “отлично” успеваемости, на неё частенько взваливают ту работу, которая иным ребятам в классе не совсем под силам, или же которую они выполняют не с полной отдачей. И для себя девочка вновь доказала собственную состоятельность в данном плане, ибо до школы был ещё целый месяц, а надобное сообщение уже готово.

– Отлично, – прокомментировала свои труды Инна и пошла на кухню: она всё ещё не перекусила.

Да, возможно она довольно самонадеянная и эгоистичная девочка – не без этого: подобное поведение сформировалась ввиду огромной любви семьи – она единственный ребёнок, – и постоянного лидерства по успеваемости в школе, в каких-либо конкурсах, устраиваемых опять же школами между собой, и так далее. Но никогда она не вела себя возвышенно со своими ровесниками – нет. Никогда не принижала их, однако изредка ощущала себя особенной и рождённой для чего-то, чего не достигнут иные. Лишь в последнее время, пред началом подросткового периода, она начала понимать, что не всё так просто и подобные убеждения – глупость. Но из-за всё ещё главенствующей детскости в мыслях не может от этого избавиться, да и не совсем желает, серьёзно отдавая себе отчёт: со временем это пройдёт.

Медленно пережевывая только что подогретую пищу, что оставили родители перед уходом, девочка всё думала о происшествии сегодня утром. Уже был полдень: есть в такое время на каникулах, для неё является нормой.

И тут, плутая в лабиринте бессвязных дум и неподкреплённых своим мнением страхов, лишь чувствами близких, девочка решила, что сделает уборку дома, в качестве ещё одного подарка родственникам. И такой ход мыслей отнюдь не плох: когда человек приходит уставший с работы для него вред ли найдётся что-либо лучше, чем понимание того факта, что дома ему ничего, кроме отдыха, делать не придётся.

Зачастую ввиду частых отвлечений на какие-либо бесполезные, но привлекательные, особенно в контексте большого количества свободного времени, занятия, вроде игр или просмотра сериалов, Инна проводила за трапезой от часа до полтора, время от времени “отрываясь” от еды, а после возвращаясь к ней вновь. Сегодня же процесс поедания часто подогреваемой пищи занял целых два часа: десятилетняя хозяйка, почувствовав вкус самостоятельности, то отходила от стола, дабы помыть и пропылесосить одну комнату, затем возвращалась вновь, и после повторяла то же самое с иной частью квартиры. А так как жилплощадь довольно немалая, два этажа всё же, потому и заняла сие занятие такой долгий час. Но даже, порядком устав и допив остывший давно чай, посмотрев на время, девочка не огорчилась: до прихода мамы и папы ещё полтора часа, чего хватит, чтобы сбегать в магазин, купить продуктов и что-либо им приготовить.

Именно ввиду пятницы родители девочки должны прийти не вечером, то есть в часов шесть-семь как обычно, а за три-два часа до него: укороченный рабочий день перед выходными на их предприятии – это, пожалуй, единственное, что будет устраивать семейную пару в их работе всегда.

И потому Инна довольно резво, словно легендарная ³¹**няня-фантазия Памелы Трэверс**, взялась за мытьё посуды: всё-таки и это требуется ещё успеть. Когда же она взяла в руки последнюю, свою, тарелку, то невзначай бросила взгляд в окно, и невольно отшатнулась, ежесекундно впадая в оторопь: на улице стоял тот самый мужчина, что приходит сюда уже целую неделю и который так взволновал её родителей.

Они видят его лишь по утрам, однако девочка знает, что на самом деле к дому он ходит дважды в день – это, соответственно, утром и вот, в три-четыре часа дня. Но так как является к их жилищу он лишь с этого понедельника, то ни мама, ни папа не могли его застать по вечерам, так как, просмотрев за окнами около часа, мужчина всегда уходил, а только лишь потом приезжали с работы родственники Инны. Но сегодня всё может сложиться иначе... И вот именно возможная встреча данного человека да её отца почему-то более, чем серьёзно беспокоила детский организм.

С утра они так и не поговорили. Во-первых: сам глава семейства не сильно желал этого, а во-вторых: мужчина ушёл со своего “поста” примерно за тридцать минут до выхода пары.

Он стоял и как обычно смотрел на дом, а точнее на пресловутые округлые окна. В плетью свисающих вдоль туловища руках, то бишь в одной, левой, он сжимал ключ от автомобиля, вторая же кисть, правая, сильно дрожала, словно на нервной почве. Даже отсюда под глазами виднелись мешки, а удобу не мог скрыть обширный тёплый свитер, который было довольно странно наблюдать на человеке летом. В сменяющемся свете разномастной рекламы, исходящем словно отовсюду – всё же почти центр города, – его лицо выглядело как-то зловеще и неестественно бледно, почему девочке становилось ещё больше не по себе. Но всё-таки она решила взять данную проблему в свои маленькие, но уже, как ей казалось, способные на многое руки, которыми она расставила предварительно домытую посуду.

Сразу после она принялась собираться к походу на улицу: надела синее платье да довольно органичные с ним красные сандалии.

Она не первый день видела его, незнакомца, днём у дома. Раньше просто этот тип не сильно волновал девочку, а сегодняшний инцидент заставил пересмотреть отношение, и из-за этого ей было довольно жутко осознавать, что придётся не просто к нему подойти, но и поговорить. Но она верила, что так поможет маме с папой и те уж точно больше не будут так всклокочены по разному поводу: ведь именно ввиду тревоги, поселившейся в сердцах отца и матери, она стремилась их так обрадовать при приходе домой. “А это будет главным подарком,” – думала девочка, предвкушая увидеть лица родителей завтра с утра, когда они не обнаружат сего мужчину на его необычном “посту”.

Оставался примерно час и десять минут до прихода родителей, когда Инна, взяв деньги, что она копила неделю с карманных сбережений, вышла с дома.

Незнакомец, увидев её, лишь окинул ребёнка мимолётным взглядом, тут же вернувшись к созерцанию верхнего этажа. Это проявление полной

безынтересности к её персоне чуть поддело девочку, что лишь придало сил и она, уже уверенней стоя на ногах, быстрым шагом подошла к высокому мужчине, который всё отказывался её замечать, да сказала, смотря на него снизу вверх:

– Прекратите, – прозвучало, как ей показалось, твёрдо, но в контексте детского девичьего голоса нисколько не пугающе или сурово – лишь смешно.

Но человек даже не улыбнулся. Он бесцветными, скучающими глазами посмотрел на ребёнка, затем также медленно поглядел по сторонам, словно убедился, что никого вокруг ещё нет, и лишь после этого, проявив во взгляде толику некоего любопытства, вновь обратился к Инне, теперь спросив, указывая на себя:

– *Ты... Мянэ?

*(перевод) Ты... Меня?

– Да, вас.

Человек ещё раз осмотрелся. Он явно считал себя чистокровным белорусом, или просто всем сердцем любил эту страну, которая, вполне возможно, и является его родиной, в любом случае – он говорил на белорусском. Но девочке, которую подобно и другим детям с детсада обучают трём языкам, дабы в будущем они сделали для себя выбор, на каком им говорить, на это было наплевать: пониманию между ними это никак не помешает.

– *А-а-а... Што спыніць? – абсолютно искренне поинтересовался человек, теперь согнувшись, дабы быть ближе к собеседнице.

*(перевод) А-а-а... Что прекратить?

Инна выложила всё, как есть. Притом сделала это на белорусском, чтобы подчеркнуть своё уважение к культуре мужчины – это считается хорошим тоном:

– *Вы кожны дзень прыходзіце сюды і палохаете сваёй прысутнасцю маіх бацькоў. Я не ведаю, што вам трэба, але я спачуваю вам, бо ведаю пра вашу бяду, і паверце - гэта праўда. Але ведаецца, з-за вас турбуюцца і тата і мама, а калі яны хваляюцца, турбуюся і я - гэта не выносіцца, і проста тады становіцца не па сабе ... І .. і ... – она не знала, что ещё сказать, ей было просто страшно, а как это объяснить.

*(перевод) Вы каждый день приходите сюда и пугаете своим присутствием моих родителей. Я не знаю, что вам надо, но я сочувствую вам, так как знаю о вашей беде, и поверьте - это правда. Но знаете, из-за вас беспокоится и папа и мама, а когда они беспокоятся, беспокоюсь и я - это не выносимо, и просто тогда становится не по себе... И.. и...

Но человек спас ситуацию.

– * Цішэй-цішэй, малая. Прабач, калі напалохаў цябе і тваіх тату з мамай. Ты мне даруеш? ... Выдатна. Давай зробім наступным чынам: ты зараз кудысьці збіраешся, дакладна ... О, ну вось выдатна. Ты цяпер ідзеш па сваіх справах, а я знікаю з вашага жыцця. Дамовіліся? Ну ўсё тады. Яшчэ раз прабач, – отступив на шаг назад, мужчина, добродушно улыбаясь, развернулся и пошёл во двор.

*(перевод) Тише-тише, малышка. Извини, если напугал тебя и твоих папу с мамой. Ты меня простишь?... Прекрасно. Давай поступим так: ты сейчас куда-то собираешься, верно... О, ну вот отлично. Ты сейчас идёшь по своим делам, а я исчезаю из вашей жизни. По рукам? Ну всё тогда. Ещё раз извини.

“К своей машине, наверное,” – подумала Инна, которой данный несчастный тип теперь не казался таким уж страшным.

И она, переполненная радости и гордости за себя, отправилась дальше: в магазин, что находился за десять минут от дома. Благо, ей разрешали так далеко гулять, опять же основываясь на её ответственности, которую, в некотором роде, она вновь продемонстрировала... По крайней мере, так казалось ей.

Глава 3:

Довольно резво двигаясь по начавшейся рекламной дороге, что своим светом, включаемым по вечерам и ночам, просто завораживала жителей и гостей города, девочка думала о продуктах на покупку, притом не поднимая головы и изредка пробегая глазами по предложениям, буквально лежащим у её ног. Кто-то продавал авто, кто открывал новый магазин одежды и обуви, кто-то сообщал, что через месяц начнёт работу новый торговый центр и многое-многое иное слабо подсвеченными буквами формировало сплошным ковром путь к центру Первого уровня. Конечно, ничто из вышеперечисленного её не интересовало, – разве что где-то она заприметила сообщение об открытии детского аквапарка, – но даже так её мысли сейчас плутали совершенно в иных реалиях.

Вера в то, что теперь всё будет хорошо, как раньше крепилась внутри с каждой секундой. Ей хотелось улыбаться и кричать о счастье, что она принесла своей семье, лишь бы все это услышали. Однако этикет, воспитанный в Инне с ранних лет, не позволял сделать второе деяние, посему она вершила лишь первое, и этим была довольна.

Пусть солнце крайне слабо проникало своим светом на Первый уровень, а множественные билборды и экранные вывески лишь создавали некий фон из мельтешащих цветов, зеркала, установленные на “потолке” нижнего “этажа”, по совместительству являющегося полом Второго уровня, неплохо размножали попадающие на них редкие лучи небесного светила. Делясь ими с людьми, давая необходимый обществу витамин и словно в довесок прибавляя радость, которая, связываясь с внутренним ощущением людей, могло или их немного лишь заставить улыбнуться, или переполниться счастьем, чуть ли не заставляя танцевать. Сосудом, полнящимся искренней отрадой, сейчас

ощущала себя Инна. И вот так, в припрыжку, она дошла до гипермаркета, находящегося на расстоянии примерно в полкилометра от её дома.

Зайдя внутрь, ей открылся зал, в плане разнообразия содержащегося здесь товара являющийся полным антиподом полкам магазинов времён ³²“**эпохи застоя**”, про которые она крайне любила читать отдельно от школьной программы: она часто посвящала себя самообразованию, опять же основываясь на принципе своей многозначности, и на стремлении поддерживать данную уникальность, которую сама со временем начала признать лишь иллюзорной.

Не удивительно, что сразу на входе её обнаружил отслеживающий дрон и, не выявив поблизости потенциальных родителей, подлетел к малолетнему ребёнку, дабы узнать, в чём дело:

– Прошу прощения. Представьтесь, пожалуйста, – озвучил динамик давно озвученный, и вставленный в память прибора текст, ввиду чего никакой механизации в нём слышно не было.

– Алутьева Инна, – абсолютно спокойно отнеслась к данному девочка, понимая, что если бы прошла весь магазин, так и не заполучив внимание охраны, то, возможно, не только бы расстроилось за работу блюстителей порядка, но и попросила родителей написать жалобу на такой беспорядок: дети без присмотра быть не должны.

– Где твои родители, Инна? Ты потерялась?

– Нет. Я не далеко живу, потому меня отпустили одну. Если вам не трудно, проследуйте за мной, чтобы убедиться в моей безопасности, – последнее ребёнок сказал, дабы избежать аналогичного предложения, которое обязано было последовать после того, как дрон узнавал, что всё в порядке: не в первой она ходит одна, задерживаясь у дверей для разговора с роботом из системы слежения.

– Так точно, – квадрокоптер отлетел в сторону, пропуская девочку вперёд.

Как только та пошла, он полетел, поднявшись чуть выше, следом.

Присутствие кого-то ещё, а подобные приспособления никак теперь не считаются за обычные предметы интерьера, Инну не смущало. Наоборот. Под чутким, пусть и неодушевленным, взором она чувствовала себя спокойней и уверенней. В конце концов, вокруг людей много, все они разные, кто-то со вживлёнными модулями, кто-то без, кто-то толстый, кто-то худой, кто-то обозначил себя множеством флуоресцентных тату-хамелеонов, кто-то любит классику и обыкновенные татуировки, а кто-то вовсе чист в плане перманентных рисунков на теле. В любом случае, в данном разнообразии народа нет-нет да могут найтись те, чьи помыслы не чисты, касательно случайно примеченной одинокой девочки: человечество в последние полторы сотни лет переживает, так сказать, пубертатный период, в котором иногда само не знает, чего хочет, почему вдаётся в крайности, или, наоборот, зажимает себя в некие рамки то мыслей, то дел, то ещё чего-либо. Из-за любви к истории, Инна уже начала понимать, что с момента своего развития

именно в промышленном плане, повысив свой уровень жизни до необыкновенных высот, человек, как выражается изредка её отец, “зажрался”. Ему, бывает, наскучивает что-то постоянное, и он всё чаще и чаще ищет нечто, что способно ещё удивить и преподнести новые ощущения, причём в разных, абсолютно разных планах. Так, например, во время особого “воспаления” проблемы сит-ванитанской депрессии люди просто с крыш скидывались потому, что разуверились в жизни и прочем – они не находили больше ничего, что радовало или даровало непознанные ощущения, почему и более не зрели смысла в своём существовании. Сейчас же человек начал сам создавать эти смыслы и ставить их, как основные. Так, например, с редиумом, который в своей идеологии более чем сильно нравится Инне, почему она и хочет после пятнадцати лет (ей кажется, что тогда она сумеет быть уже действительно полезной для социума) вступить в ряды его приверженцев. Однако не все люди однобоки в решениях, принципах и прочем. Посему и по сей день, который девочка, после долгого общения с учителем психологии и истории, назвала про себя чуть ли не окончанием “подросткового” периода человечества, есть люди, которые также создали для себя смысл собственного бытия, но только является он крайне аморальным и на расценку обществу его лучше не выявлять. И подобные личности могут быть где угодно, так что в любом случае следует быть как можно более осторожней, особенно когда тебе лишь десять лет – это девочка поняла для себя давно, года полтора назад, и полностью пытается данного правила придерживаться, а родители всегда помогают ей в этом, полностью поддерживая её стремление к порядку.

Лишь сегодня, по случаю такого дня, она позволила себе чуть отойти от собственного порядка, быстро дойдя до магазина, где теперь, слушая тихий рокот множества пропеллеров за спиной, чувствовала себя спокойней, чем даже на улице: там она не ощущала дискомфорта просто ввиду настроения, который вобрала в себя из-за решённой ею же проблемы.

Выбрав быстро необходимые продукты, девочка примостилась у более-менее внушающей доверие толпы у кассы. Смотря на рядки с шоколадам, она слюной заливалась: так ей хотелось приобрести данное лакомство. Но стоит оно, после “Бобового кризиса”, довольно дорого, почему девочка беспокоилась, что на иное может не хватить... Однако желание взяло своё: всё-таки взяв небольшую пятидесятиграммовую плитку, она пристроила её в дистанционной корзинке с прочим товаром, для себя решив, что это – ей за сегодня награда.

Вокруг было шумно, и внутри данной какофонии звуков, где смешивались слова разных тонов, голосовые тембры не похожие друг на друга, а иногда и вовсе различные языки, внутри сего гама и человеческой городской жизни, очередь, являющаяся лишь каплей в море людей, продвигалась довольно быстро.

Рядом о чём-то спорила молодая пара, а их ребёнок, ровесник Инны, стоял рядом, держа маму за руку и слушая музыку в кинестетических модулях, почему его тело то и дело одолевала мурашки – даже с расстояния было заметно.

– Да чего ты? Что не так? **³³У тебя явно менструации**, – говорил с откровенным непониманием некой обиды со стороны жены молодой отец, выявляя улыбку.

– **³³Почему, когда мне что-то не нравится, ты сразу говоришь, что у меня менструации?** – немного обиделась девушка.

Инна не смутилась данного слова – оно ей знакомо опять же благодаря самообразованию, которое она распространяла и на другие, кроме истории, предметы. Биология в их числе. Однако то, чего при ней никто из семьи сказать не решается, и вызвало у неё смех: зажав рукой рот и отведя взгляд, девочка выпустила чувство от данной сцены из себя. Как же эти двое напомнили ей её родителей. Они также могли говорить о подобном, лишь когда дочь либо не слышит, либо вовсе не присутствует при разговоре... Тут ребёнок понял, что прошло лишь пару часов с их встречи, а она уже соскучилась.

Посему факт, что уже в следующую секунду она оплачивала покупки, сильно её порадовал.

Не в силах больше пребывать вдали от квартиры, в которую уже явно вернулись отец с мамой (что не сильно расстраивало, потому как воспрепятствовать приготовлению еды это никак не сумеет: в данный момент ничто не сумеет воспрепятствовать десятилетней особе с пакетом в руках), она, оставив свой номер телефона дрону, чтобы тот осведомился через десять минут о её прибытии домой, побежала к выходу.

Пакет, будучи не совсем тяжелым, но ощутимым для десятилетней девочки, в данный момент возвышения духовного настроения, совершенно не отягощал собой. Шоколадка уютно расположилась в маленьком кармашке сбоку платица, дожидаясь своего часа, который обещалось провести в компании горячего чая.

Но момент сей был прерван, как только Инна вышла на улицу, где большая масса людей, явно привлечённая чем-то, бежала вглубь улицы, прочь от центра: туда, где был её дом, и откуда исходила ввысь струя тёмного дыма...

Глава 4:

Дыхание перехватило, сердце изначально пропустило ход, а теперь и вовсе словно замерло – девочка не слышала его, ибо единственное, что сейчас отыгрывало на её внутреннем ухе, это звуки трескучего пожара, медленно пожирающего её дом.

Смертельный танец пленил взор своими ярившимися красками багряного оттенка, которые, сливаясь с общей канонадой цветов, дарили зрителю нечто новое, притягательно необузданное и до ужаса опасное. Нечто, что приковывало, и грозило.

И Инну обуяла эта неестественная краса, в которую вовсе было крайне тяжело поверить не только из-за её необычности, а и из-за того, что в подобное не хотелось верить.

Мысли путешествовали под черепной коробкой в огромных хаотичных потоках. Изредка некая из них являла себя основной и самой важной, однако тут же заменялась иной. Ребёнок, одиноко стоявший среди кутерьмы скопившегося у пожара народа, никак не мог определиться, о чём мыслить, какую из миллиона проблем попытаться решить первой, какие вопросы задавать и как теперь вообще быть...

Зеваки, напolzшие на сие зрелище, то нечто выкрикивали, то что-то вопрошали у окружающих, которые также ничего не понимали, то глупо снимали всё на камеры электронных устройств. Но девочку это не волновало: всё это не было ей видно, так как происходило за спиной, а она сама стояла по ту сторону загородительного противопожарного поля, то есть там же, где в данный момент, словно муравьи, в беспорядке носились дроны МЧС. Их оператор, человек, и пустил сюда маленькую девочку, что прибежала на место общего резонанса и сообщила свою фамилию, которая была приписана к данному строению – мужчине это было известно. Он попытался её успокоить, мол, никого из жильцов ни в каком состоянии пока не нашли, так что вполне вероятно всё обошлось... Но надежды потерпели крах через минуту, когда квадрокоптеры вылетели из беснующегося пламени, неся на тросах шесть обгорелых до неузнаваемости тел.

Дабы не тревожить детскую психику, которая теперь и так претерпевала неопиcуемые измены, мёртвые были накрыты с ног до головы противовозгараемыми брезентами ещё будучи в доме, а сам оператор, как только жертв вытащили на улицу, поспешил отвести ребёнка куда-нибудь подальше от места сего ужасающего спектакля. Он напористо настоял, чтобы она пошла в пожарный автомобиль, но Инна его словно не слышала. Вместо этого она медленно подняла обгоревшего львёнка – её старую игрушку, с которой она не возилась с лет пяти, и который теперь показался ей единственным доказательством того, что дом у неё всё ещё есть, ибо верить глазам не хотелось до неопиcуемого сильно. Также не хотелось и потому, что очи заприметили на руке одного из мёртвых людей, что обгоревшей культёй вылезла из-под брезента: флюоресцирующий причудливыми цветами вычурный узор она узнает из тысячи...

Ноги ослабли, к горлу подкатил неприятный ком, пот выступил по всему телу, тамтамом забило сердце, будто злорадно отыгрываясь за прежнюю тишину. Это был момент непостижимого страха и печали, а также истинной невозможности принятия решения и конкретного отношения к ситуации: она была до истерии растеряна, она не знала как быть и что делать, она была готова кричать, рвать волосы и одежду, убивать или умереть сама, но всё это уже переживалось – внутри, так как снаружи она оставалась недвижимым изваянием, в чьих глазах читалось всё и ничего одновременно.

Наконец одно действие она выполнить смогла.

– Девочка, ты меня слышишь? – немного тряся Инну за плечи, раз десятый повторил оператор, и в этот момент девочка, резко извернувшись к его не шибко сильным объятиям, побежала назад, проскальзывая низенькой, хрупкой фигурой среди неповоротливой толпы, взывая к которой, пожарный просил остановить беглянку.

Но не удалось: девочка вырвалась из сей массы и мигом скрылась в дворах, приближаясь к центру. За ней погнались пару людей, но спрятаться для столь юной особы не было делом трудным. Зато трудным оказалось иное: вытерпеть психологическое давление, оказанное только что случившимся...

Ей хотелось нечто делать, но она не могла. Она всем сердцем желала проснуться, но не выходило. Непостижимым вождением являлось прерогатива, как маленькой и беззащитной, поплакать, разреветься – сделать то, что никогда она себе не позволяла... А сейчас просто не получалось.

На ватных ногах выйдя из небольшой выемки в стене дома, где должен был располагаться проводник энергии из-под асфальта в жилые квартиры, она побрела дальше, поняв вдруг, что всё ещё сжимает за лапу льва. Ничего иного в руках у неё не было: пакет с покупками она выпустила сразу, как только увидела возгорание, к которому опрометью бросилась.

Пребывая в полной апатии, Инна не знала кто она, не знала куда идёт и зачем это делает. Не было мыслей, не было осознания реальности, не было теперь и её.

³⁴**“Большой Брат не будет следить за тобой: ему наплевать!”** – прочла про себя девочка красивую надпись на стене, что была написана словно мхом, и ничего из неё не поняла, почему без какого-либо интереса пошла дальше: всё ближе и ближе к центру, где уже также собиралась толпа. Которую привлёк чем-то невероятно недовольный человек, стоявший посреди площади, прямо рядом с главной из девяти несущих колонн, поддерживающих Второй и Третий уровни.

На нём почти не было одежды. Лишь брюки покрывали его ноги, всё остальное тело облепили листы, явно специально нацепленные непонятным сумасбродом, что яростно махал руками, притом крича нечто на белорусском.

Голос-то и услышала с расстояния Инна. Сцена, которая в сей момент из-за скопища людей, была ей не видна, всё-таки привлекла внимание хотя бы потому, что её наблюдало большинство. Посему нельзя сказать, что девушка осмысленно пошла к колонне, она сделала это рефлекторно, ибо на иное в данный момент способна не была.

Медленно, лениво проходя к главному действующему лицу, сокрытому от неё множеством представителей общественности, она слышала его взывания к толпе, даже не пытаясь понять, что они значат. Ей просто казалась, что здесь, где кругом столько народа, она сможет придумать, что делать дальше, или ей помогут. Главное, чтобы её заметили, а потому надо двигаться к свободной ото всех площадке, где скакал из стороны в стороны крайне странный индивид:

– ... * скажыце, што робіцца! Што робіцца ?! – кричал неистово, сверх сил, неведомый глашатай. – Чаму Чаму мы павінны пакутаваць ?! Мы – адна сям'я. Усе Мы! Усе мы – Людзі! Чаму мы не пагаджаемся адзін з адным і ўвесь час прымушаем блізкага ставіцца да сябе дрэнна, проста з-за таго, што нашы погляды не супадаюць ?! Чаму мы не пакідаем сваё меркаванне пры сабе, чаму не дзелімся ім мірным спосабам, а не распальваючы забойствы і

нянавісьць?! Навошта?! Навошта мы так паступаем? Бо мы забіваем ... – на мгновение прервался: сглотнул нервно. – Забіваем блізкіх людзей! Чаму з-за нас павінен хтосьці пакутаваць?! Чаму з-за чужых інтарэсаў павінен пакутаваць Я?! Чаму так?! Чаму? ! Скажыце!... – Голос сквозил разочарованием и бессилием, с которым он, человек, смотрел на бестолково смотрящую на него толпу, для которой это было лишь очередным примечательным представлением. Утвердил спустя секунду: – Не можаце. І я не магу! У гэтым увесь чалавек ... Мы ж заб'ем ў канцы і сваіх блізкіх, і незнаёмцаў, нават не разумеючы, што жыццё не мае кошту! Спыніцеся! Прашу! Хопіць ... – Он бесспорно устал, хрип слабыми протуберанцами выходил из его хилой груди, продолжая, когда девочка уже различила разлетающиеся в стороны листовки, почти добравшись до инстинктивной цели: – Мяне не паслухаюцца, ніхто не паслухаецца. Але я прашу вас: зараз – Пачуйце! Я не заслугоўваю жыцця, але мой сын яго заслугоўвае! Дык чаму ўсё так выйшла, а браты мае, сёстры. О! Мой ³⁵**родны край. Я грэшны! Я бязмежна грэшны**, і кара мая жорсткая!...

*(перевод) ... скажите, что делается! Что делается?! Почему... Почему мы должны страдать?! Мы – одна семья. Все Мы! Все мы – Люди! Почему мы не соглашаемся друг с другом и всё время вынуждаем ближнего относится к себе плохо, просто из-за того, что наши взгляды не совпадают?! Почему мы не оставляем своё мнение при себе, делись им мирным способом, а не навязывая его?! Зачем?! Зачем мы так поступаем? Ведь мы убиваем... Убиваем тех, кто нам дорог, или дорог кому-то ещё! Почему из-за нас должен кто-то страдать?! Почему из-за чужих интересов должен страдать я?! Почему так?! Почему?! Скажите!... Не можете. И я не могу! В этом весь человек... Мы ведь убьём в конце и своих близких, и незнакомцев, даже не понимая, что жизнь – бесценна! Остановитесь! Прошу! Хватит... Меня не послушают, никто не слушает. Но я умоляю вас: сейчас – Услышьте! Я не заслуживаю жизни, но мой сын её заслуживал! Так почему всё так вышло, а братья мои, сёстры. О! Мой родной край. Я грешник! Я лютый грешник, и кара моя жестока!...

Как незнакомец подымает сосуд со спиртом и обливает им себя, девочка уже видела, находясь рядом с шепчущейся о чём-то, снимающей происходящее на разномастные девайсы, полуживой толпой, которая была и взволнована, и словно неживой: люди не проявляли интереса к этому, как к чему-то реально происходящему, глупо снимая всё на телефоны и наблюдая, будто за неким шоу... Шоу, которое, после малой искры, созданной самим незнакомцем, превратилось в кошмар и канонаду криков неверия и ужаса, обуявшего людей. Отдельным соло в этом слышался вой мужчины, что продолжал скакать, будучи объятим внушающим страх пламенем, которое из своих пут выпускало лишь всё ещё слетающие с тела сумасшедшего обгорелые рисунки некоего круглого красного символа, что посреди себя имел словно центр из неких трёх волнистых лопастей. Подобные располагались и у краёв окружности, также три, а разделяли их волны, исходившие с середины – и чем дальше летели эти непонятные рисунки с умирающего в страшной агонии, тем меньше удавалось разобрать их орнамент и вообще картину.

Но иное интересовало Инну: она успела увидеть лицо человека. Это был тот самый незнакомец, которого с утра она прогнала от дома. Он мог нечто знать,

или вовсе быть виновным, в любом случае – он нужен ей. И девочка, востепенувшись словно от крайне долгого сна, устремилась прочь от неотреагировавших почти никак на неё зевак к полыхающему мужчине, страшно вопящему от боли.

Она не знала, что делает, хоть где-то очень далеко внутри сознания понимала, что подобное сотворить нельзя: огонь. Но данные мысли скрывал барьер из чувств утраты родителей, дома, прошлой жизни... И спасла её только чья-то жёсткая рука, что, схватив железно за руку, потащила прочь от сего места, в то время, как девочка всё стремилась выпутаться из хватки да сделать некие действия, в которых сама себе не отдавала отчёт. Также, как не отдавала себе отчёта она и в том, что кричала в тот момент, ибо своих же слов Инна не слышала.

OPEN 5...

Повесть 2

Часть Первая:

По своей природе люди подвержены чувствам. Зачастую под воздействием этого неотъемлемого механизма людской природы, человек способен на необдуманные и стихийные действия. Они пронизывают нашу жизнь сплошь и рядом и совершенно не часто являются причиной культовых, крупномасштабных событий – здесь всё зависит не столько от статуса самого человека, сколько от ситуации, в которой он находится. И вот коль ситуация имеет огромный “вес” в социальной среде, то действия, выполненные кем-то, кто был выбран народом, могут иметь лишь два пути финала: фатальный для общества, либо ещё один шанс...

Глава 1:

– Звони всем! Скажи, чтобы спускались вниз и ждали под участками, я обо всём договарюсь! – кричал Казимир Мише, вместе с тем набирая что-то по телефону.

– Казимир! Они ведь ничего не поймут!... Они не согласятся! – пытался облагородить его Михаил, также заходя в соседнюю комнату за Коликовым, который уже приложил гаджет к уху и словно не хотел слышать напарника.

Алина тоже их не слышала, причем обоих, но по совершенно иной причине. И пусть репортаж уже закончился, всё равно оставалось впечатление некоего недопонимания, неверия в то, что видится глазам. А перед очами всё также стояла картина кричащего, нечто верещащего человека, что пытается дозваться до толпы, окружившей его. После ещё некая девочка со слезами и мужчина, быстро схвативший ребёнка... Человек с огнетушителем... Сильный толчок сапогом бегущего по кругу, объятых пламенем человека, словно это была неживая, опасная для всего вокруг механическая или инородная субстанция... Долгое тушение конвульсирующего тела, чья изуродованная телеса до самого конца репортажа, использующего кадры любительской съёмки, была скрыта под пластами белёсой суспензии...

“Та девочка... Может, это его дочь... Она видела смерть отца... Она плакала... Или просто кричала?... Или кричала и плакала?” – мысли ленивой анфиладой прокатывались в голове девушки. Но отчего-то ей казалось, что сей медленнотекущий каскад столь неподъёмен, столь объёмен, что всю данную информацию она не сумеет переварить и за годы... Может, потому она отказывалась верить в это, глупо и как-то совершенно по-детски твердя себе, своему волевому характеру, который был под угрозой излома, своей вере в людей, что тоже словно доживала последние секунды: “Нет... Нет...Нет... Нет...”. Но это не помогало.

Она понимала сей факт, но никак не могла признаться, что больше ничего не может сделать. В то время, как Миша уже понял бесполезность отговорок Казимира и начал звонить знакомым, тогда как Коликов о чём-то договаривался в соседней комнате, Алина пыталась устоять на своих прошлых идеалах, сохранить ясность мысли и остаться тем человеком,

который не сдастся пред препятствием в несении более светлого будущего... Но понимание бесполезности подобного деяния всё больше и больше пронизывало её.

Зато никак не “трогал” её клич Михаила, который пытался попросить Алину, чтобы и она звонила всем знакомым деятелям редирума – требовалось собрать как можно больше людей.

Но девушка осознавала, готова ли она и дальше стоять за свои идеалы и какими методами она может позволить себе сотворение их в физическом, а не только её, иллюзорном, мире.

Поняв безуспешность своих возгласов и некоторое замешательство напарницы Миша, снизив голос, начал подходить к девушке, собираясь вывести ту из ступора и, может быть даже, как-либо утешить. Но она сумела пересилить себя быстрее: “Казимир ведь... Но иначе никак... Нельзя... Нельзя такого ещё допустить... Да нельзя же так!” – в следующее мгновение она, приобретя вновь некоторую ясность во взгляде, сразу поняла, что, дабы окончательно заставить не только мозг, но и тело работать, следует сделать нечто резкое, неожиданное даже для себя.

Быстрый, неожиданный удар по рядом стоявшему журнальному столу и тут же последовавший за ним краткий, но громкий крик, в котором смешались и боль, и ненависть, и решимость, и принуждение, повергли Мишу в шок.

Взявшись за мигом заболевшую руку, Алина, стиснув зубы и встав с дивана, быстрым шагом пошла к окну, уже пред ним доставая телефон и, рассматривая повреждённую кисть, на нижней части которой рдела немалая гематома, со сдерживаемым чувством боли да злобы, сохраняя достоинство, не поворачиваясь к с интересом на неё смотрящему Мише, прошептала, зная, что тот услышит:

– Знакомые у нас с тобой почти все одинаковые. Я звоню с конца списка, ты с начала, – и перелистнув пальцем контакты, набрала первого единомышленника.

Поняв всё без лишних слов, Михаил, немного прочистив горло и вновь приобретя серьёзный вид, последовал совету товарища, непонятно кому, будто спине партнёрши, легко кивнув да также в телефоне выбрав необходимого ему человека.

Хоть, будучи повернутой к нему спиной, Алина и не могла видеть парня, однако она всё равно прямо-таки затылком ощущала то напряжение, что повисло не только над ней, но заполонило собой всё близлежащее пространство. И через него уже ощущалось и недовольство Миши, и недовольство самой Алины: она была сильно возбуждена и дала волю чувствам, почему теперь корила себя не столько за проявления слабых характеристик, в некотором понимании, а за проявление чуждой ей злобы, что теперь тупой, пульсирующей болью отзывалась в довольно небольшой руке девушки...

– Алло?... – первый необходимый человек ответил на вызов и Алина, – стараясь сильно не терять времени да уверенности в голосе, что предательски ускользала с речевых связок под воздействием всё того же репортажа и осознания происходящего хаоса, столь не привычного для юной особы, – быстро рассказала, не вдаваясь в детали, где и во сколько необходимо быть со всеми знакомыми сторонниками редирума и кто на том месте должен встретить, – сию информацию предоставлял Казимир, чуть ранее выглянувший из комнаты да назвавший имена людей, берущих под свою ответственность собирающиеся группы, – успев также обозначить особую важность сего действия именем того, кто всё это затеял.

То есть самого Казимира, который в данный момент, чуть успокаиваясь и явно договариваясь о последней “сделке”, выходил с кухни, глядя на молодых товарищей да заканчивая телефонный диалог.

– ... Ну всё, отлично. Да, в это время. Давай, ещё раз спасибо, – отключив вызов, Коликов, всё ещё находясь не в самом лучшем расположении духа, всё-таки немного успокоившись, обратился к единомышленникам, которые, несмотря на занятость, всё равно заметили его появление в футуристичной, малообустроенной гостиной: – Ну, как оно?...

Смысл фразы был ясен и понятен, однако в ней всё равно, несмотря на довольную самостоятельность, словно не было окончания. Будто тот, кто её произносил не договорил. И это ощутили те, к которым относился вопрос: Алина и Миша, повернувшись да не заканчивая разговор, жестикуляций уже было ответили Казимиру, – девушка показала большой палец, а парень кивнул, – как их возвращение в полноценный диалог оказалось не столь однозначным. Смотря на вдруг прекратившего обращать на них внимание Коликова, Алина неуверенно тянула руку с вытянутым пальцем обратно к себе, тогда как Миша просто вперил предостерегающий, вопросительный взгляд в своего коллегу. Который уже взаправду не думал о двух находившихся рядом с ним молодых людях, он не слышал их медленных ответов и бормотанию подобных реплик прощания, он вперил свой взгляд в экран визуализатора, который всё ещё был включен:

– ... Насколько нормальна подобная ситуация, мы решили узнать у признанного психолога... – это был живой, не модулируемый программой репортаж, а точнее выпуск новостей, где освещались всё видные события недели, дня, последних часов. И понятно, что вопрос с актом самосожжения стоял здесь основным столпом. Но Казимира, услышавшего данные новости буквально краем уха, привлекло иное – вопрос о нормальности ситуации, который, по его мнению, никак не должен был иметь место быть в подобном происшествии, ибо это словно пропагандировало идею... – NN? Что вы можете сказать касательно.. вот данного случая.

– Ну-у... Понимаете ли, – начал немолодой, обыкновенный с виду мужчина старой школы с морщинами на лице, сидя рядом с ведущей в кресле да немного большем ему, неопрятном пиджаке. – ³⁶**На фундаментальном уровне, люди – всего лишь временные существа**, посему чего-то сверхъестественного в это искать не стоит...

Визуализатор, будучи прикрепленным к огромному окну с привлекательной панорамой на город, находился почти на уровне глаз Казимира, чье лицо во время этих слов меняло своё выражение более чем быстрыми темпами, притом в очень обширном диапазоне резкого настроения: от неверия и отрицания, мимика сменила построение мышц на злобу и неподдельный гнев. Которым всё и кончилось, когда Коликов, неожиданно для всех вокруг, буквально за долю секунды рассвирепев, выдав громогласный рык отчаяния, боли и ненависти, наотмашь, напряженной рукой, словно дубинкой, вдоль “разрубил” экран визуализатора, отключив нежеланный ему репортаж самым простым и действенным, – единственным, как ему казалось в этот момент, – способом, навсегда...

Ошеломление, удивление, страх пред своим другом и товарищем – нельзя сказать, что какое-либо одно из этих чувств вспыхнуло тут же в душе не только Михаила, но и Алины, которая тоже никак подобного не ожидала и ввиду такого резонансного потрясения чувств полноценно пришла в нормальное расположение духа уже через пару секунд. Виной тому послужила целая плеяда, непередаваемо яркий сонм, хаотичный тандем всех ранее перечисленных эмоций: он вдруг загорелся в двух молодых людях, остудив угли ещё тлеющего костра негодования девушки спустя небольшой промежуток времени. Да заставив Мишу крайне резко отреагировать на такое проявление эмоций от более старшего коллеги – всё-таки он более всех был эмоционально уравновешен в тот момент, и сотрясение такого характера повлияло на парня пуще всех иных находящихся рядом людей:

– А!... А... А.. ты что творишь?! – сперва не мог поверить в только что увиденное, Миша пару секунд просто пытался сформировать фразу, после чего громогласно озвучил её.

Но отвечать пока что было некому: сам деятель подобного беспредела, расширившимися от ужаса собственного поступка глазами наблюдая, как мелким бисером ковёр перед стеклом покрыли мириады мелких, явно не стеклянных, не пластмассовых, не жидкокристаллических осколков визуализатора, тут же буквально бухнулся на пол. Сразу после он, отползая к дивану и, уперевшись в его футуристические тонкие ножки-дуги спиной, схватился за голову, уткнув взор в колени и начав нечто крайне тихо причитать...

– Это что только что было?! Это... Ты чего?! – не мог успокоиться Миша.

Тогда как Алина как раз полностью теперь “пришла в себя” да, поняв, что её молодой напарник лишь усугубляет ситуацию, тут же ринулась к нему, успокаивающим голосом приговаривая, притом вытянув руки вперёд перед собой, словно пытаясь отстранить Михаила от Казимира:

– Миша-Миша, погоди, Миша, пожалуйста...

– Нет, – тотчас отреагировал парень на неё, повернувшись всем корпусом к девушке и твёрдым взором заставив её замереть. – Нет. Это ты подожди. Стой на месте и слушай.. вы оба слушайте, – его взгляд “скакал” с одного собеседника на другого, не в силах остановиться на ком-то одном, так как

парень был уверен в тот момент, что не в себе оба, хотя спокойствие Алины он узрел и уразумел, всё равно подспудный голос разума просил предостеречься, почему тот и продолжал ставить ультиматум: – Сейчас мы, никуда не идём. Мы остаёмся здесь и неважно, сколько времени, но ждём, пока вы оба, слышите, вы вдвоём не прекратите выкидывать подобные выкрутасы. Мне лично не важно, с какими вами идти на.. задание, но в том состоянии, в котором вы сейчас, не мне, вы себе навредите и иным людям вокруг вас, а этого я не хочу. Так что говорите, что пожелаете, но, черт вас дери, я никуда не пойду, пока не пойму, что с вами...

– Да они же дураки просто... – вдруг спокойный, уравновешенный, но глубокий и пронзительный голос Коликова прервал затянувшиеся изречения Миши, заставив обоих молодых людей обернуться на сидящего к ним спиной немолодого мужчину, который продолжал, чуть ли не плача: – Ты, Мишка, не волнуйся особо. Всё в порядке, правда... Просто. Просто они же.. ты слышал вообще, что они говорили?! Они *этому* ещё некие отговорки придумывали, объяснить пытались... Словно.. словно это нормально... Нормально! О! О-о!

Протянув последние звуки Казимир откинул голову назад и словно в изнеможении двигаясь телом покрыл своё лицо ладонями, вздыхая чуть ли не навзрыд. Это показание искренней горечи, понимания несправедливости вновь заставило молодых людей вспомнить их главную цель того мероприятия, что было на сегодня запланировано – изменение, изменение сегодняшнего положения вещей. И стремление к тем желанным переменам вновь возбудилось внутри.

Казимир же снова успокоил свои муки да, украдкой поглядев через плечо жалостливыми глазами на своих подопечных, смиренно, тихо сказал, однозначно пребывая в печали:

– Извините...

Миша успокоился. Алина, поняв, что Коликову требуется поддержка, тут же приблизилась к нему и, сев на корточки, по-дружески, с робкой улыбкой, приобняла немалую фигуру за плечи да зашептала как можно скромнее и естественнее ласково, то есть так, как она делала очень редко, почему у неё это получалось не совсем женственно:

– Ну же... Ну. Мы всё пониманием... Всё нормально. Мы обязательно это исправим... – и всё-таки эти невнятные фразы возымели свой успех, урегулировав внутренний настрой не только Казимира, но и Миши.

Который решил собственную лепту, в свойственном ему стиле шутки над той глупостью, которую совершил либо он, либо кто-то ещё:

– Хах. А видел, как распался?

Два лица у дивана посмотрели на него с небольшим недопониманием, Алина даже с неодобрением.

– Визуализатор, что ли? – удостоверился Казимир, переводя взгляд с осколков на соратника и обратно.

– Ну а что ж ещё? Так мелко-мелко, – с непонимающей и в то же время некой торжествующей ухмылкой Миша подошёл к месту на ковре, где была “клякса” невероятно мелких частей визуализатора. Посмотрел на сидящих: – И ты не ранен... – вновь бросил взор под ноги. – Это ж из чего он сделан, интересно, такого?...

Улыбка не сходила с его лицами шутливость да несерьезность сего вопроса стала ясна друзьям, почему Казимир, заразившись настроением, благодарственно взглянув на Алину и начав вставать, тут же и ответил в свойственной теперь уже ему манере:

– ³⁷**Из того же, из чего сделаны мечты**, – едва-едва проследив реакцию на лицах, мужчина, помогая притом подняться Алине, как и ожидал встретил улыбки непонимания и забавного замешательства. – Хех, ну, вы всё равно не поймёте. Ну да ладно... Ну так что, нас скоро уже ждать начнут. Можем идти?

Вопрос относился именно к Мише, чьё обещание уже явно не имело силы над всеми присутствующими, но у которого, ради поддержания дружеской атмосферы, Коликов решил удостовериться в возможности выхода наружу. Ответ ни Алину, ни Казимира ждать не заставил: утвердительный кивок с мелкой, приятной ухмылкой последовал спустя пару секунд конечного принятия факта нормализации внутри командного “климата”.

Время пришло.

Глава 2:

Место сбора было выбрано характерное для сего сегмента социума – разные участки канализационной системы, петляющие под городом. Преимущественные массы собрались в местах, находящихся под зданиями сил правопорядка – на этом настоял сам Казимир, о чём-то договорившийся с некими “необходимыми” людьми, хотя явно не он один: групп было около дюжину, по, примерно, десятку человек в каждой. Столько удалось собрать за столь невеликий промежуток времени, но даже этого, как казалось в период такого эмоционального воодушевления, должно было хватить. Однако ясно, что сей дух требуется поддерживать, и потому у каждой людской плеяды был главенствующий, признанный лидер, которых ввиду первичной осведомлённости выбрал сам Коликов. С ними он, как поняла Алина из его быстрого рассказа по пути под землю, договорился о всеобщем объединении под зданием университета в определённый промежуток времени. И они же сейчас отвечали за то, что их отряд поймёт основную задачу всего сего действия, которую кинокритик явно не мог не рассказать одним из основных лиц в “возрождении”, а также будет экипирован как следует – потому и необходимо местоположение под кулуарами правоохранительных органов, с которыми заключил своеобразный договор не один только Казимир, но и некоторые иные влиятельные в социуме люди, примкнувшие к редируму...

Если говорить прямо и откровенно, у Алины в голове была полная путаница. Они втроём торопились к месту сбора, выбранному старшим из них, так сказать, для себя. Петляя узкими коридорами довольно чистой очистительной системы города, девушка то и дело поглядывала на Мишу – у него на лице

также читалось не полное понимание сложившейся ситуации и дальнейших действий. Потому особенно возвышались чувства чего-то необратимого, но в то же время опасного в душе Алины. Ей хотел удостовериться о своих догадках, узнать, правда ли они собираются напасть на институт, что именно они там будут делать и как, а главное чем, будут бороться. Но отчего-то стеснялась данных вопросов не потому, что таков был её характер – наоборот, прямота её зачастую выделяла. А просто ввиду авторитета Казимира девушка не хотела волновать его столь, для него, как ей казалось, низменными и не достойными внимания деталями. Хотя в то же время разум однозначно понимал, что и рядом быстрым шагом идущий Михаил подобным образом запутался и также жаждет узнать аналогичные факты... Но всё равно лишь редкие быстрые взоры то от юной особы, то от молодого человека, “кидались” на широкую спину мужчины, петляющего по системе и проговаривающего редко повороты, словно самому себе напоминая путь.

Эти самые слова, несмотря на их дезинформативность в данной ситуации, отчего-то настраивали на то, что в конечном итоге Казимир всё объяснит, расскажет, растолкует и пояснит – он всегда так делал, не мог он, так твёрдо придерживающийся редирума человек, работать без какого-либо плана. Но для этого требуется время, ибо осознание необходимой цели и пути к её исполнению, как казалось Алине, требует некоторых минут или более, так сказать, передышки, и полностью воспринять в столь энергичном пути они с Мишей эту информацию не смогут, потому-то Коликов и держит её в себе это время: терпит до прибытия на место, где и им, и ещё где-то трём-четырёх парам приверженцев их культуры он ответит на все сложившиеся в душе вопросы.

– Почти на месте, – с некоторым предвкушением, которым явно был пленён и он, сказал Казимир, когда повернул направо на очередном повороте кирпичного помоста, находящего над потоком жидкости должного запаха, в шум “хода” которой, как ощутила Алина, “вплелись” свойственные черты гомона небольшой, но взволнованной толпы.

И взаправду: как только свернула за должный угол и она, то взгляду сразу открылась небольшая площадка, на которой свободно уместились несколько пар людей, собравшихся посередине и потому ещё более представившие собой группу крайне малой численности, ввиду чего что-то даже подернулось в груди, ибо не вселяло доверия такое число народа при таком мероприятии... Но разум сразу вспомнил и об иных группах, которых, правда, ещё девушка не видела, только договаривалась с людьми из них, которые должны прийти, но ведь может случиться всё, что угодно.. в общем, возвышенность угасала, настрой пропадавал. И как бы Алина не силилась ей всё больше становилось не по себе от понимания того факта, что придется идти против института, причём придется явно двигаться не с мирной демонстрацией, а это полностью претит её мировоззрению, и вообще, почему они именно так собираются поступить, и, собственно, *как* они собираются поступить?

В животе словно пусто стало, нехорошо и неудобно. Посмотрев на лицо Миши она узрела подобный неоднозначный взор, направленный в спину приветствующего молодых товарищей Казимира, к которому тут же

подбежали из небольшой толчеи три человека, о чём-то расспрашивая, на что Коликов лишь отмахивался, пытаясь пройти к дальней стене и вместе с тем обещая, что сейчас всё объяснит.

К Алине, когда она с Михаилом приблизились к бездвижно смотрящим на старшего людям, подошёл старательно прячущий волнение Арсений да тихо заговорил чуть подрагивающим голосом, тогда в глазах его, направленных на кинокритика, яростно пылала возбуждение, готовность к чему угодно и полное согласие с любыми будущими предложениями от человека,двигающегося к дальней стене – это девушка заметила сразу же, как только обратила внимание на его бледное лицо и вместе с тем ярко выделяющиеся очи:

– *Не ведаешь, чаго гэта ён такое задумаў?

*(перевод) Не знаешь, чего это он такое задумал?

Начав медленно крутить головой в знак отрицания, девушка неспешно, нехотя словно, сводила взгляд с общепризнанно главного их отряда и направляла его на собеседника, также выговаривая не спеша:

– Не-е... – тут она узрела недобрые отклики в глазах оппонента и посему на секунду прервалась, но после сразу закончила, чуть напрягшись от буквально чувствующейся злости, источаемой молодым человеком. – Т...

– *А думкі якія ёсць? – не унимался Арсений.

*(перевод) А мысли какие есть?

Он немного вздрагивал, причём явно не от холода. Ему было и страшно и в то же время доставляло удовольствие то, что в ближайшее время должно было случиться нечто, чей размах он ощущал как ранее не виданный да не ощущаемый, однако потому и крайне таинственное это было *нечто*. От него веяло опасностью. Все это чувствовали, но все сейчас были немного не в себе. Некоторые, как Сеня, ещё только косвенно осознавали масштаб и полностью отдавали себя самоотверженности. Другие же, которых было меньше, подобных Алине, то есть, - они начинали “остывать”. Им становилось наоборот не страшно, они не смелели – нет. Они начали недоумевать о том, что сейчас разворачивалось вокруг.

И потому довольно вовремя Казимир начал свою речь.

Алина только начала отвечать молодому человеку, на ходу отыскивая достойный предлог:

– Не.. нет. Не зна... – и тут её прервал мужчина, наконец дошедший до крайней стены и став под люком, выходящем прямо к обиталищу стражей правопорядка сего района Города.

Даже начал он как-то не в ему свойственной манере, а карикатурно, словно играя на публику – неестественность была в его словах, но тембр их, властный и призывающий, тон, с которым они произносились вселяли некое

доверие. Нет, даже веру. Веру в то, что так должно быть, и что то, ³⁸**что должно - то будет:**

– Друзья, прошу вас, тише. Я рад, что вы сейчас здесь и со мной. Я извиняюсь, что позвал вас к себе на помощь в такой момент. В то время, которое для нас не приемлемо. Но на такие уступки есть причина. Она более чем веская и поверьте, она стоит таких жертв: мне стали известны причины всех этих дикарских событий, что имеют место быть в нашей жизни последнее время! Это не просто течение масс и народов, это даже не желание социума: это – обыкновенная эксплуатация людских жизней! – особенно чувственно сказав это, Казимир дождался, пока молодые люди обдумают услышанное и, чуть возвысив гомон, тут же его прекратят.

Алина же всё так же следила за своим примером для подражания и в ней в одно время боролись два лагеря понимания, то есть тот, что осознал всю демагогию слов Коликова и вместе с тем не принимавший их смысл, и тот, что с осознанием правоты Казимира лишь вновь возвышал чувственность, боевой дух и жажду восстановления справедливости, притом не до конца понятно какой, и какими методами. И второй взор на сию ситуацию всё больше креп и становился значительней, ибо Коликов не умолкал:

– Нас и наших близких обманывают, водят за нос, навязывая против воли ложные идеалы, полностью изменяя нашу же личность. Мы прекращаем быть сами собой! И это всё кому-то нужно, но не нам! Ведь так?! Но нас никто не спрашивает. Мы – лишь расходный материал для них. Масса, которая должна неуступно повиноваться, и потому нами пользуются, как вещами жизненного быта, – он говорил витиевато, словно писал некую рецензию, но это оказывало своё влияние в данном обществе, где подобные качества грамотности да разнообразия речи ценились, и потому всё больше и больше внутри молодых людей усиливалась вера в правильность близ предстоящих событий, которые были уготованы не ими, но им. – Я знаю ваш вопрос. Кто это? Что за Они? Так вот, это отдельная тема, ибо, как оказалось, долгое время под масками овец скрывались волки... Да, вековая мудрость не устареет, зато люди меняются, они перестают чаще смотреть по сторонам и наблюдать за теми, кто крайне недоверчиво относится к окружающим, “спуская” всё на веру.

“Недоверчив к окружающим?” – Алина внутри себя повторила данную фразу, но только с вопросительным акцентом, словно задавая самой себе вопрос и раньше Казимира пытаясь разъяснить самой себе, кого он имеет в виду. И догадка не заставила себя ждать, ведь было не так много в Городе каких-либо организаций, представляющих из себя довольно скрытное предприятие, наружу источающее лишь благие цели, которые девушке всегда казались чистой монетой, и почему так грустно было осознавать, что поступить в сие заведение не удалось, а теперь было почти невозможно для себя принять факт, о котором догадалась почти половина здесь находившихся ещё за секунду до того, как Коликов произнёс:

– И.И.Н.И.М.П... – дав время для смирения и перебарывания внутреннего дисбаланса касательно только что разрушившегося восприятия мира, как места, где благодаря сему заведению растёт прогресс и поднимается

экономическое, культурное да иные уровни государства, кинокритик, словно сам “переварив” то, что озвучил, продолжил, вновь преобразая свой голос во властный клич к победе над врагом, в чью враждебность было трудно поверить. – Я сам был изумлён этой информацией, но я доверяю больше, чем себе, тем людям, от которых я её получил! – он преувеличивал, ибо информатор был всего один, но для поднятия настроения требовалось нечто более убедительное, и он просто, откровенно играл на публику, чей взор вновь, как с самого начала, начал разгораться решительным пламенем. – И язываю к вам, друзья! Коль вы доверяйте мне, коль вы готовы идти до конца с теми жизненными принципами, с той позицией мировоззрения, которую вы для себя избрали, то идёте же со мной! Нам требуется добраться до кабинетов Института на Третьем уровне, я и ваши товарищи, которые согласились возглавить иные подобные группы, договорились о необходимом оборудовании, а также об открытом доступе на Второй этаж. Да! Мы не одни! Нас много. Но сразу объединяться нет смысла, ибо сделаем мы это лишь уже в самом центре, у цели нашего мероприятия, ибо она так и осталась загадкой для меня, но не является таковой для тех, кто выдал мне всю подноготную сего цирка уродов, как Институт, – тут “напульсник” на руке оратора коротко, но громко засвистел. Он кинул на него быстрый взор и, продолжая стоять раскинув плечи, громогласно закончил речь: – Вот и время, друзья! Итак, выбор за вами! Вы со мной, ну же, я жду!

И каждый представитель редирума подал свой настроенный решительно голос, давая понять и так ясную истину.

– Спасибо вам, – тихо, словно в качестве окончательного аккорда, ответил Казимир, что-то набирая на эластичном экране.

Через секунду крышка люка в двух метрах над ним приподнялась и в кольце, тут же обузданном светом рекламных щитов да солнечного светила, отраженного зеркалами, показалось взволнованное молодое лицо. На голове не было никаких уборов, но вот плечи рубашки всё равно говорили о должной профессии сего человека, а также об удивительно немалом чине, который смотрелся особенно неестественно ввиду возраста сего парня, который быстрыми, торопящимися, даже нервными, движениями на карабине спускал вниз некий немалый мешок.

Пока сие происходило, Алина пыталась понять, что она только что сделала: подобно иным однозначно согласилась на авантюру, которой не понимала, но к которой, как ей казалось в сей момент, была готова. И она понимала, чем вызван сей внутренний обман, хоть в то же время воспринимать это, как обман, она отказывалась: чувственность, с которой говорил Казимир, была столь же сильной, как и более века назад у ³⁹**человека с мечтой в Вашингтоне**, однако в то же время сама речь не была такой же содержательной. Он буквально просил поверить в него, в окружающих, в себя, в удачу, но не в факты, которых он предоставил крайне мало. Но всё равно душу пробирала страсть перемен, жажда борьбы с несправедливостью. И тому была причина – сама энергетика Коликова, которая сейчас заставляла молодых людей идти на полузагадочное дело с таким же остервенением, с которым ⁴⁰**польские уланы топились в Нёмане**,

дабы показать Наполеону свой настрой, ибо великий полководец тогда также лишь своим присутствием зажжёт этот таинственный духовный костер. И пусть Алина на самых задворках сознания сопротивлялась этому, но отчего-то ей казалось, что так взаправду нужно, а после того, как её взор заприметил решительность на лице Миши, – учащегося И.И.Н.И.М.П., – который принял сию правду пусть и с сожалением и болью, но достойно, да теперь был готов идти за свои взоры на мир до конца... И вопросы девушки отступили, дав место замотивированной решимости.

Быстро подняв обратно отстёгнутый карабин, молодой человек немалого ранга в охранительных службах нервно кивнул покрывшейся потом головой Коликову, быстро, опять, осмотрелся по сторонам и закрыл люк.

Казимир же в то время поднёс, судя по всему, среднего веса мешок к подопечным да, раскрыв его во всеобщее обозрение, запросил:

– А теперь самое трудное... Разбирайте, – внутри лежало множество чисто черных ремней, на которых висели три чехла: один с дистанционным шокером, другой с электро-дубинкой и третий с парой батареек к ним.

Первым таковой комплект резко, словно боясь передумать, взял главный группы. Его примеру тут же последовали и остальные, отодвинув на задний план главную идею своей культуры...

Глава 3:

Движение началось тут же, незамедлительно и в какой-то степени даже неожиданно. Точнее, следует сказать, разум этого не предвидел, в тот момент, когда тело уже начало действовать: рука схватила черный ремень, взгляд прикинул его расположение на талии, а после всё свершилось словно в автоматическом режиме. Разум же осознал, что некоторые принципы только что были преданы лишь тогда, когда электро-дубинка расположилась под левой рукой, а батарейки да шокер под правой – так Алина разместила принадлежности у себя, ради удобства.

И пусть осознание некоего предательства мигом поглотило душу, начав “пожирать” собственное достоинство, девушка в сей же момент отодвинула все иные мысли на самый край разума. А причина была проста: неслыханно для девушки, Казимир призвал своих подопечных, что уже одели главный атрибут сего процесса, к дальнейшему движению и сам в тот же час трусцой побежал по коридорам канализации, всем своим естеством сообщая, что время никак терять нельзя.

Разгорячённые, воодушевлённые люди бросились в вдогонку, наблюдая лишь за крупной фигурой впереди и изредка периферийным зрением замечая проносящиеся мимо повороты, углы, чередующиеся отрезки пути во мраке и недолгого пребывания в слабом свете экономных ламп. До сознания доносился голос Города. Он был вверху, он жил своей жизнью, он интересовал и интриговал какими-то волнениями, непрекращающимся движением, огромным информационным потомком, который будто бы не мог прекратиться никогда. Но сейчас он так и не сумел занять собою умы тех, кто

чётко двигался к цели, имеющей вполне явное очертание, но крайне призрачное содержание.

Алина слышала округу. Она слышала и поток воды чуть ниже, она слышала людей, чуть натужно дышащих, вокруг. Она ощущала в себе силу, которая исходила от их небольшого отряда. И, казалось, все её прошлые страхи уже вовсе были необъяснимы, ибо в данный момент тот факт, что она не одна, что данная дюжина людей – тоже не одна. Что их, приверженцев редирума, сейчас меняющих историю, довольно много в подобном темпе стремится к зданию Института – приличное количество. И то, что у них всё выйдет, всё получится – для неё в данный момент данная правда была неопровержимой истиной, как и для иных её товарищей, что сейчас пребывали рядом с ней, или же далеко от неё.

В голове метались разные мысли, но главенствующих было две: слова Казимира о правильности сего действия, да её думы касательно родственников, к “освобождению” которых она, как ей казалось, в данный момент была ближе всего. Этот обман, эта мнимая, выдуманная и полноценно воспринятая правда подталкивала её на ускорение своего бега, на некоторое торопление всего тела, на ещё большее разгорячение наружности лишь ради того, чтобы наконец сделать что-то... Что-то, что, как обещал Казимир, изменит сегодняшний, завтрашний и иные дни. Она не могла больше ждать, желая, словно ⁴¹**Андрей Болконский со знаменем в бою**, свершить нечто великое, что представляло из себя это движение. И подобно ей, содержа в своей голове некие свои идеи да направления мыслей, также не могли больше ждать и иные молодые люди.

Коликов чувствовал это, и потому время от времени кричал на ходу, оборачиваясь, что они скоро выйдут, что вот они близко к переходу на Второй уровень и тому подобное. В конце концов, он взаправду остановился у необходимого люка и, первым поднявшись по лестнице, открыл нужный лаз да сразу же пригласил и иных людей последовать за ним, вместе с тем мигом скрывшись из виду.

Алина, в силу характера и теперешнего состояния, полезла на верх первой и раньше других увидела, как некий молодой человек в должной защите быстрыми, волнующимися движениями открывает дверь в подсобные помещения туннеля, ведущего от Первого уровня ко Второму. Он нервничал, неуклюже, ввиду находившегося на голове шлема, озирался по сторонам и что-то повторял Казимиру, который словно и не слушал его, лишь слегка поторапливая да наблюдая, как из люка показываются всё новые люди.

Подбежав к данной парочке, девушка уловила лишь окончание причитаний охранника, которого она узнала. Точнее, имени его она не помнила, но вот лицо видела пару раз на общих обсуждениях и заседаниях культурного течения, которого и она, и он придерживались. А что.. это вдруг поставило для неё некоторые события на свои должные логические помосты: редирум повсеместен, и всех его приверженцев она никак не знает, посему не удивительно, что ей не ведомы люди, что всей душой прильнули к “Возрождению”, в то же время являясь по профессии стражами порядка – они явно и снабдили снаряжением, они же теперь пропускают на Второй

этаж, полностью доверяясь коллегам, но также торопливо, недовольно сообщая:

– ... не нравится. Уже скоро смена придёт, так что вы уж быстрее. Эти помещения только для обслуживающих компаний и охраны предназначены, так что, если вас заметят, мне конец... – Замок отворился и дверь отперлась. Казимир быстрыми жестами приказал пройти в открывшуюся дверь, сам собираясь войти последним. Это и позволило молодому парню сказать ему кое-что на прощанье: – Но это не важно, цель ведь важнее... Ох, я верю в вас, всё должно получиться, в любом...

Дальше Алина уже не слышала: подгоняемая внутренним возбуждением как и раньше, притом теперь прекрасно понимая, что она далеко, отнюдь не одна и при такой-то поддержке из “вне” всё должно получиться, обязано...

Сзади хлопнула дверь. Спустя минуту Казимир нагнал девушку – где-то четверть тоннеля была уже пройдена в данном пустом, скудно освещённом коридоре, где по сторонам от бегущих людей мерно искрились человеческим гением разношерстные приборы обеспечения кислородом, слежения, освещения и прочее-прочее техническое чудо разных размеров, которое в данный момент никого из стремящейся дюжины людей не интересовало: упорство перебарывало усталость, заставляло не воспринимать время и просто толкало вперёд, дальше. Мысли вновь отошли на второй план. Логические вопросы касательно уловок Коликова и иных главенствующих представителей редирума снова нисколько не интересовали ни девушку, ни самого Казимира, ни, наверняка, кого-либо вокруг. В голову лично Алины в эти моменты даже не приходила мысль о том, что, возможно, об сим мероприятии ею уважаемый человек договаривался по отнюдь не защищённой волне или же совершенно не используя какой-либо шифр, почему наверняка к Институту уже стянулись силы правопорядка. Это было ей не свойственно, но даже очередная догадка теплящегося ранее вопроса, а именно как Казимир организовал подобное поведение спецслужб, не заставила девушку более вникнуть в тернистые дали сей загадки, которая была довольно проста, но была способна и остудить пыл, коль добаться до ответа...

Когда конец бетонной клоаки уже был виден, Казимир вдруг свернул налево, упёршись в сию же секунду в стену, в которой красовался прямоугольник однотипной на весь путь тёмно-синей двери, на которой ещё по старинке был обыкновенный замок, открывающийся ключом, подобный которому сегодня уже мало где встретишь...

Молодые люди еле-еле успели затормозить перед таким неожиданным поведением общепризнанного лидера, что довольно скоро справился с давнишней техникой открывания да, первым вбежав в открывшийся проём, сразу кинулся к намагниченному асфальту посреди крайней правой линии движения. Автомобилей было немного с левой стороны, зато на Второй уровень отчего-то людей стало ехать побольше, нежели раньше. И сейчас, ввиду некоторой перегрузки движения, образовался затор, что позволило Коликову никак не опасаясь за себя открыть люк в туннеле и запустить туда всю немалую группу. Ни его, ни иных “возрожденцев” не волновало то, что

делали они это посреди тоннеля, наполненного скучающими водителями, которые однозначно приметят их лица даже в той полутьме, что царила здесь. Им было наплевать на то, какое впечатление они произведут, ибо цель являла собой тот апогей всего мироздания, после преодоления которого всё словно аннулируется, нечто перевернётся и каждое зло, что чудилось им таковым, перестанет существовать. Потому они шли на уступки, на губительные для своего зрения на мир уступки, всё дальше отдаляясь от собственного догматического мнения, касательно сей жизни и её протекания на этом свете.

“Второй уровень! Второй уровень!” – в статично мыслящей голове Алины в сей момент мимоходом промчалась данная мысль, на секунду вызвав целый спектр ранее желанных эмоций, но после тут же угасших ввиду их несвоевременного появления. Однако всё равно этот момент был переломным для жизни девушки, как, собственно, и для большей части иных молодых людей, потому как они никогда ещё не находилась на данном этаже Города.

Хотелось ли им сюда попасть? Конечно, да. Почему? А вот это не до конца ясно, ибо ничего особенного в обществе не говорят ни о Первом, ни о Втором, ни о Третьем уровнях, просто так сложилось, что когда кого-то куда-то пускают, а другому позволяют за этим лишь пронаблюдать из окна “идущего” по монорельсовой дороге вагона, то сразу хочется к этому прикоснуться, причём не только визуально...

И вот “прикосновение” было совершено, но лишь частичное, так как она до сих пор бежала по канализационным лабиринтам, просто отдавая себе отчёт, что это – лабиринты платформы Города, что обычно находится над её головой.

Казимир вновь бежал впереди дюжины молодых людей, несколько не сбавляя темпа. Наоборот, он лишь увеличил свои усилия в данном плане и теперь за ним угнаться вовсе казалось почти непосильным трудом, что лишь убеждало его единомышленников: он знает, что делает, ему следует доверять и за ним надобно идти, чтобы добиться поставленных целей. Сейчас он был более всего подобен неуёмному ⁴²**Кандиду, который всю жизнь искал счастья, почти всегда сопровождаемый неудачей.** И также здесь: Казимиру чудилось, словно спустя долгое время одних лишь ошибок, он наконец вплотную подобрался ⁴³**к своему Эльдорадо.**

И кульминацией сего чувства послужило полное оцепенение организма, когда мужчина, сверяющийся с картой на своём “напульснике”, внезапно замер перед появившейся пред ним лестницей наверх, да еле выговорил:

– Вот оно...

Глава 4:

Он остановился буквально на секунду. В глазах проснулось нечто неизбежно восторженное, чрезмерно ожидаемое и желанное – именно такое состояние вызвало в Казимире понимание того, что вскоре, уже совсем близко по времени, он наконец сумеет достичь того, к чему так долго и

упорно стремился. Что все тайны будут разгаданы и зло искоренено... Это блаженное чувство заставляло и забыть обо всём, и сосредоточиться лишь на одной цели, о которой он спросил у своих подопечных, обернувшись к дюжине молодых людей да задав единственный возможный сейчас вопрос, ответ на который Коликова на самом деле в данный момент уже несильно волновал, ибо коль что дальше он готов был идти и один:

– Все помнят, что делать? – утвердительные кивки были ему знаком, сообщаящим, что одиноким он в сие тайны “проникать” не станет.

Его очи, буквально моментом “скользнувшие” по лицам молодых людей, ещё больше воодушевили их, возвысив и так поднятый до неопишуемых высот настрой на те уровни целеустремлённости, что, казалось, более двигаться в этом плане уже некуда. Их мировоззрение и “играло” сейчас в них всеми своими главенствующими целями, которые стояли как основополагающие догмы данного мероприятия, и в то же время были удалены от разума, ибо призыв к сопротивлению силам из вне, коль они будут противопоставлять себя движению вперёд, к необузданному нечто, также был на самом пике своей мощи в податливом организме податливых людей. Людей, к которым причислялась и Алина, что уже сейчас была готова и расплакаться, так на неё действовал каскад фактов: она впервые на Втором уровне, она вскоре узнает, что стряслось с родителями, она уже почти избавила общество от пороков современности, что были навязаны социуму отнюдь не по его вине и прочее-прочее. Но в то же время она была готова остервенело сражаться, и опять же ввиду тех же фактов, что вызывали и противоположные, более чувственные эмоции...

Ответ был получен. И не медля более Казимир тут же схватился за лестницу и начал подъём.

Открыв люк он первым оказался снаружи, глаза устремив ввысь, на теряющийся в “потолке” Второго этажа верх здания Института, представляющего из себя здесь, снизу, огромное по радиусу, круглое строение, имеющее по входу на каждые тридцать градусов окружности своего низа, что оставалась таковой вплоть до Третьего уровня Города, где края резко начинали сужаться в конечном и тоге образуя конус, увенчанный длинной антенной, устремлённой в небеса и оканчивающейся лишь на шестистах метрах над уровнем моря.

На данное грандиозное, пусть и монотонное в своём окрасе здание, чья серость словно отливала серебром в глазах людей просто ввиду самого величия строения, Казимир смотрел глазами, полными маниакальности ⁴⁴**Джефферсона Хоупа**. Причём взгляд его был нацелен именно на невидимый отсюда, но уже столь яростно облюбленный общим вожделением Третий уровень, в котором для всех этих людей, представляющих из себя в эти моменты чистейшего ⁴⁵**Джонатана Смолла**, пусть и не совсем-то и посвящённых в предмет своей страсти, там находились свои ⁴⁵**сокровища Агры**.

Как только некоторая часть народа поднялась на поверхность, Казимир, в нетерпении, ринулся внутрь здания через двери, которые по понятным

причинам не были закрыты: политика И.И.Н.И.М.П. всегда отличалась некоторой чрезмерной лояльностью к молодым гражданам, как к возможным универсам, радушным приёмом новых учащихся, для которых организовывались регулярные дни “открытых дверей” и прочее, а также обыденная “жизнь” Института в эти дни тоже не была приостановлена, так как оставались и студенты, всё ещё сдающие сессию, и нескончаемые приготовления к очередному учебному сезону.

Оказавшись в пустом монохромном холле обширных размеров, Казимир осмотрелся, полностью обернувшись корпусом тела по кругу и соизнав, что со своей группой является здесь первым из “Возрождения”, а также единственным из людей: никого ни внутри, ни снаружи здания мужчина не заметил... И это заставило его пыл чуть поутихнуть.

Также данную неурядицу приметилa и Алина, ещё на улице отметив, что как-то совершенно немногoлюдно. Она даже осмотрелась по сторонам, пытаясь вычлeнить из узких проходов строений вокруг хоть какой люд... Но так и не удалось. Тоже получилось и с авто – ни единой машины не было в радиусе по крайней мере двухсот метров так точно, лишь редкие гудки слышались вдали из-за безликих домов.

И вот теперь тревога по этому поводу наконец остудила разум, освободив не только инстинкты, но и мышление...

Страх заброшенности сего огромного пространства резко пронзил людей. Они были готовы, будто, к чему угодно. Их дух уже был нацелен на сопротивление, на некую не свойственное им действие... Но ничего не произошло. Они просто оказались внутри и.. и всё.

Внутри, стоя около входной двери, смотря на неимоверных размеров холл, группа людей приняла тот факт, что она одна здесь. Здесь, среди этих серых стен. Здесь, где посреди круглого пространства вверх подымался огромная по радиусу несущая колонна, что не только в конечном итоге укрепляла здание, но и содержала в себе учебные аудитории, коридоры, закусочные и прочее. Здесь, где на каждых девяноста градусах сего опорного гиганта также ввысь стремились широкие лестницы, каждая из которых словно была вымощена из гранита, но являлась предсказуемо металлической и, более того, обыкновенным эскалатором, разделённым посередине минималистичной железной трубкой – перилами. Одна половина сей конструкции в учебные будни двигалась наверх, другая, соответственно, вниз. Эти “лестницы” были винтовыми, почему, словно протыкая эту конструкцию, посередине их также к потолку уходили по ещё одной немалой в обхвате колонне, в которой находился обыкновенный лифт. Сейчас эскалаторы были остановлены, и это только больше дополняло антураж безжизненности этого места, что обычно так к себе влекло. Потолок словно начал давить своими полами верхних этажей, где также располагались всяческие кабинеты для разнообразных нужд – ко всем этим действиям вели обыкновенные, как всегда бесконечные коридоры, имеющие своё начало у пролётов столь же бесконечных “подвижных” лестниц.

И от этого некоего не окончательного соотношения размеров дозволимых глазу пространств становилось ещё более неловко: вперёд можно было разглядеть многое, крайне многое, вплоть до стоявшей посреди основной колонны, перекрывающей собой около половины простора за ней. А вот при взгляде на верх сразу становилось понятно, что здесь очам “зацепиться” не за что, ибо буквально в трёх метрах над головой уже на сознание наседавал серый, теперь кажущийся таким безвкусным потолок.

Казимир сомневался. Это ощущали и остальные, невольно пялись к выходу и наблюдая за будто бы омертвевшими просторами, что так недавно влекли. Но они и влекли как раз тем, что здесь ожидает нечто ранее не испробованное, нечто не виданное и не испытанное... Но всё вышло совершенно не так, а как-то... Фальшиво. Так, как быть не должно или должно быть только в том случае, в котором всё однозначно закончиться нехорошо.

Первым от внезапного оцепенения избавился Сеня, шепотом, про себя, словно задавая вопрос лишь своему нутру, пробурчав:

– *Гэй... Стоп, а чаго гэта вы?... – данное возражение собственного внутреннего голоса краем уха уловила Алина, также “сорвав” с себя пелену оторопи.

(*перевод) Эй... Стоп, а чего это вы?...

– Казимир! – смело позвала она мужчину, тут же вздрогнувшего от такой неожиданности.

Её голос, в необходимый момент зазвеневший сталью, отразился от стен, “загулял” между пролётов, раскатистым эхом распространился по пустынному строению. От неожиданности люди, что окружали девушку, сразу же чуть пригнулись и чуть было не потянулись к ремням, но успели одуматься, лишь удивлённо уставившись на девичью фигуру в черном одеянии, которая продолжила, твёрдо смотря на Коликова, который уже выпрямился и будто осознал всё необходимое по одному лишь решительному взору ясных карих глаз:

– Насколько я помню, мы сюда пришли, чтобы попасть на Третий уровень... Так какого чёрта мы ещё у дверей? – она напирала на Казимира специально, лишь бы передать ему то чувство вины за данную неурядицу, которая, по её мнению, лежала на нём, как на главном.

И он не сопротивлялся, тут же осознав да приняв свою оплошность, вновь зарождая в первую очередь в себе былую пылкость, унаследованную в данный момент от девушки, пышущей желанием добраться до неведомого, но влекущего конца. Коликов посмотрел, как и раньше твёрдым взором, на подопечных, после чего обернулся и, вновь осмотрев подвластный ему отряд да за приметив в голове, что никого из “Возрождения” так и не появилось вблизи, призвал к движению вперёд, поворачиваясь всем корпусом в направлении к обесточенным эскалаторам, в данном обездвиживании которые, особенно при вездесущем здесь мертвенно-бледном свете,

исходящем словно из стен, казались истинно мраморными, некими монолитными, как и все нутро да наружность сего здания.

И тут сзади крайне отчетливо в данной тиши, которую на мгновение нарушили вновь решительные вздохи да выдохи двенадцати целеустремлённых людей, послышался звук отворяющихся дверей, а точнее ветер, “вошедший” внутрь сквозь открывшийся, причём, судя по всему, на довольно длительный период времени, лаз.

Молодые люди, во главе с Казимиром, вновь чуть подавшись страху, но уже собравшись обороняться от любой напасти, в тот же миг резко развернулись на сто восемьдесят градусов, оказавшись лицом к предполагаемому врагу.

Который оказался совершенно противоположным по настрою к ним явлением: внутрь здания вошёл, понятное дело, торопясь, Алесь Дмитриевич – старый друг Казимира, с которым тот “внутри” редирума по важным и не очень вопросам советовался в первую очередь, ввиду чего данный человек, что был немного старше Коликова да являлся по профессии обычным надзирателем за безопасностью электросистемы Города, был частым гостем в группе бородатого кинокритика. Посему его Алина и узнала, сразу просияв радостью.

За Алесем внутрь медленно, словно чего-то остерегаясь, вошла группа людей, по численности сопоставимая с их сборищем.

Не ожидавший такого резкого движения со стороны некой толпы людей, которую в секунду признать не удалось, Алесь Дмитриевич также остановился и слегка затравленно уставился на толпу, нащупывая на ремне средства для обороны. Но уже в следующий миг, когда позади него собрался его же отряд, мужчина осознал, кто пред ним находится и его на удивление свежее для подобного возраста лицо, почти напрочь лишённое морщин, подверглось гримасе счастья, которая тут же на тонких сухих губах отразилась широкой улыбкой, а в зелёных ярких глазах блеснул лучик неподдельного расслабления, которое испытываешь, когда понимаешь, что нечто, что ты так хотел где-то обнаружить или найти, действительно там присутствует.

– А-а! А я уже подозревать неладное начал! – радостно вышел к очередным представителям редирума Казимир, направившись чётко к Алесю с распростёртыми объятиями.

Тот, будучи на голову ниже своего приятеля, да притом ещё и гораздо уже в плечах, выразил подобные чувства надвигающейся на него немалой, по сравнению с ним же, фигуре, которую принял в свои вытянутые в лево и в право руки.

– Вообще-то, по плану, так и должно было быть, – заметил он, когда друзья сблизилась в крепком объятии, которое отображало не столько долгую разлуку, сколько простое облегчение. – Наше место встречи выше, насколько я помню.

– Ну, так-то оно так, но только, сам понимаешь, как-то не по себе становится, когда вбегаешь вот в такое.. место, а тут ни единой души, ведь, всё-таки, внутри себя всегда желаешь, чтобы кто-то успел быстрее тебя в таком-то деле, – раскрыл тайну своего подспудного страха Казимир, держа товарища за плечи на вытянутых от себя руках.

– Ха! Это уж точно! – понимающе кивнул пожилой человек и двинулся вперёд, изучая вольготно расположившийся, подавшийся некоторому расслаблению, отряд Казимира, когда тот наконец отпустил его, да притом приговаривая: – А кстати, касательно “дела”. Что там с окончательной частью? Я так толком и не понял...

Добрые глаза его приветливо “проходили” по лицам молодых “возрожденцев” группы Коликова, тогда как их негласный командир спокойно ответил на поставленный вопрос, что был задан таким тоном, будто Алесю просто хотелось поговорить. И ведь так оно по большей части и было, ибо данный мужчина крайне внимателен к деталям и людей, которым не доверяет, не слушает, посему коль он здесь и до сего переговаривался с Казимиром, то значит ему он уже полностью доверил свою жизнь, и не шибко ему важно, что там с окончанием мероприятия, так как уверенность в том, что Коликов со всем разберётся, не покидала ум данного человека, а вот потребность поговорить с давним другом, “разгрузившись” таким способом с содержательной на физическую нагрузку дороги, прямо-таки “рвалась” наружу.

– Когда окажемся на месте, я просто связываюсь с нужным человеком, и он уже со всем разбирается, – довольно туманно вымолвил кинокритик, смотря то на своих ребят, то на людей Алеся.

– Кратко и не понятно, – констатировал другой мужчина без сожаления. Затем повернулся к своему товарищу и спросил: – А ты в этом инкогнито хотя бы уверен?

Казимир чуть призадумался, думая о теперешнем небольшом “недуге” Совранова, однако потом утвердительно ответил:

– ... Да... Уверен.

– Ну тогда нам не следует здесь терять время, - Алесь Дмитриевич вновь оживился и, увлекая за собой своих подопечных, с небольшой улыбкой, устремившись к лестнице наверх, посмотрел на Казимира.

Тот понял намёк без слов и также заспешил к ранее оговоренному, “истинному” месту встречи.

Тут позади, с левой стороны, вновь раздался звук “вошедшего” в сие просторы наружного ветра. Но теперь людей, численность которых заметно возросла, это не беспокоило: вся толпа, на удивление довольно грамотно расположившись по широкому подъёму, торопилась ввысь.

Алина заметила в иной группе Илью и сейчас, наконец, дождалась, когда он поравняется с ней: видимо он жил ближе к точке сбора Алеся

Дмитриевича, почему и оказался в его отряде, ведь это только Алине с Мишей повезло, что они были рядом с Коликовым, иные получали координаты двенадцати точек сбора лично от девушки или Михаила, после чего сами добирались до туда, до куда им было удобней всего.

Хакер заметил и свою давнюю знакомую, и бежавшего рядом с ней студента сего загадочного, как оказалось, заведения, да на ходу поприветствовал их кивком с приятной небольшой улыбкой, на что Алина ответила тем же – что в данный момент делал Миша, она не видела. Но зато видела иное: модули Ильи были обесточены и сейчас абсолютно никак не обозначали себя, то есть не обыденного для них мигания и так далее не было, даже бы на минимальной яркости, которая обычно применялась в ночных операциях, они были бы заметны девушке.. но нет. Илья отключил их, дабы его не отследили – это Алина поняла однозначно.

Но тогда же в голову вновь пришла пугающая догадка, давно где-то на задворках дербенившая мысли: они-то, то есть Миша, она да Казимир, созванивались с людьми и решали вопрос касательно сего действия без какой-либо конспирации...

DEVELOPMENT 1...

Часть Вторая:

На полтора часа ранее

Глава 1:

– Максим Карпович, постойте! Максим... Погодите! Нам в другую сторону! – пытался донести до меня поспевающий сзади Аркадий.

Честно сказать, не думаю, что он особо стремился меня нагнать, ибо коль бы он этого хотел, то давно бы уже сделал: он явно понимал мою раздосадованность и злость да препятствовать сим эмоциям не очень-то хотел. А они не собирались задерживаться внутри моего тела: всё словно пылало, создавалось такое чувство, что одновременно под ребрами развернулись арктические холода, а в районе сердце разверзся вулкан. Я чувствовал себя обманутым, хоть и не до конца понимал, что произошло, но отчего-то невыносимая обида поразила меня в сей момент.

Да, я не до конца осознал действия горящего человека, также, как и его слова, но главенствующую их тему я уловил, и вот она-то мне совершенно не понравилась, хоть сперва показалась абсолютно загадочной. Лишь когда Аркадий тащил меня вверх, к посадочной площадке, я медленно начал обрабатывать полученную информацию выявляя вывод, который никоим образом не сходился с теми данными, что с таким благочестивым видом “давал” мне старший из Алмыковых.

Ну а дальше уже подействовали обыкновенные эмоция: моя природная неприязнь к этому человеку, его вечно прищуренные глаза и заострённые скулы на исхудалом лице – всё это никогда не связывало его с образом хоть

мало-мальски честного да благородного человека. И вот сейчас, когда мною были услышаны слова, взывающие к толпе от человека, потерявшего надежду, тогда как я эту самую надежду пытаюсь даровать людям, притом мирным путём, я понял, что Алмыков-то честной “игры” и не ведёт, явно переиначивая мои просьбы под свои, мне не понятные нужды. Ведь, коль речь идёт о толпе и её разрозненности во взглядах, притом в довольно масштабном плане, коль посмотреть на деяние сего несчастливца, то что ещё может прийти на ум, как не догадка о демонстрациях, о стремлении одних людей к старому строю власти, а других к поддержанию теперешнего.

Вот только как эти стремления выражены – это важнее всего. И я всегда пытался в своих целях Алмыкову выразить их как минималистично милитаристические, даже нет, не так: совершенно не связанные хоть с какими-то военными действиями либо агрессией, неважно какого локального размаха. Но почему тогда так произошло, и что вообще происходит на самом деле, и происходит ли это по моей вине либо по вине Алмыкова, и может ли быть, что это совершенно иное народное движение, что мне не ведомо? Меня раздирали изнутри эти вопросы, ответов на которые жаждало само моё естество в данный момент.

То бишь момент, когда я уже успел заглянуть в кабинет для переговоров и, не найдя там Алмыкова, направился теперь вниз в главный деканат университета – он либо там, либо в актовом зале, до которого спускаться гораздо дольше и мы бы с Аркадием, когда подымались вверх, в таком случае его бы явно встретили. Посему выбор не большой... Хотя, по сути, на самом деле он может быть сейчас где угодно, мне просто так казалось, что он именно в деканате: я знал архитектуру Института, что возвышается на Третьем уровне, довольно хорошо, посему коль что, обратиться к кому-либо с вопросом касательно главы И.И.Н.И.М.П., а затем самостоятельно найти его труда не составит.

Однако в следующее мгновения я понял, что это не обязательно: дверь в необходимый мне кабинет была отворена, и в проёме я сразу разглядел две фигуры, одна из которых была мне необходима для объяснения (справа) а другая облачена в охранную форму – слева.

– Откуда такая информация? – я услышал именно начало очередной фразы Алмыкова, выражающей вопрос к человеку, с которым тот вёл диалог уже явно какое-то время, ибо взгляд бал напряжен и сам властный его силуэт выражал некую нетерпимость.

– От компаний мобильной связи. Все они передают, что на разных частот были услышаны разговоры, темой которых было скорое нападение на Институт, – ответил человек в форме.

– Вот так вот. Без прикрытия и прочего?

– Ну... Свидетели выделяют особенно торопливую речь и...

– Ладно, это понятно. Ну, тогда что именно вы хотели предложить?

Я не понял толком темы данного разговора, лишь фраза касательно нападения на Институт ненадолго сбила с меня спесь. Но уже в следующее мгновения я вспомнил свою цель и с громким возгласом, не доходя до открытого кабинета, обратился к своему, как мне тогда казалось, однозначному неприятелю:

– Алмыков! – да, это было проявлением чистого не уважения к более старшему и явно опытному в общем по жизни человеку, но злость раздирала меня и данные чувства требовали выхода, потому я не стал себя сдерживать.

Не привыкший к такому тону в свой адрес, да и к такому обращению к себе, глава учебного заведения повернулся ко мне и глазами своими сообщил мне, что крайне сильно желал, чтобы именно меня здесь не было:

– Инаев?... Что вы себе позволяете и что вообще тут...?! – начал было он, полностью развернувшись ко мне всем телом.

Но я не дал кончить фразу:

– Вы мне сейчас всё объясните! Слышите! Всё! – я подошёл вплотную к нему и, заведя данное “сухое” лицо прямо перед собой вновь, ещё более расплылся в злобе.

– О чём вы?! Я ничего не собираюсь вам рас... – охранник сзади спешил, он явно не знал что делать, ибо разговор с Алмыковым был прерван, а судя по тому, как он смотрел на меня, мой профиль ему был знаком, как и статус, посему вторгаться в новую образовавшуюся беседу на повышенных тонах он не решался.

Я расслышал, как сзади подоспел Аркадий и, более не проявляя себя, кроме как отдышкой, просто начал выслушивать сей разговор, дожидаясь... Пока я освобожусь?

– Что здесь происходит?! Что происходит на Первом уровне Города?! Какого черта люди жгут сами себя, списывая вину на разделение во взглядах?! И не то ли это “разделение”, о котором я думаю?! А, Алмыков, скажите мне, что вы тут наворотили?!

– Я?! Вы в своём уме?! – это его крайне сильно задело: в глазах блеснуло безумие, мне даже стало на секунду страшно от его и так постоянно холодного, а теперь ещё и лишённого рационализма взгляда. – Я наворотил?! – изначально жестикулируя в свою сторону, чуть ли не барабанил по груди, он тут же отставил палец на меня и ощутимо ткнул его в солнечное сплетение. – Это вы, молодой человек, наворотили! Я лишь делаю то, что вы.. нет, не так, ты мне сказал, парень. И попрошу больше уважения, не с ⁴⁶**Афней** разговариваешь.

Он начал было уже поворачиваться обратно к охраннику, явно намереваясь продолжить разговор.

– Но я такого не говорил. Я говорил... – вновь начал я, уже менее раздосадованный и обвиняющий во всех смертных грехах одного человека,

который одним лишь взором как раз-таки и сумел мой пыл немного утихомирить.

– То, что вы говорили, останется между нами. Мы ещё всё обсудим, Максим Карпович, а сейчас возвращайтесь домой, тут и без вас дел хватает, – жестко сказал Алмыков, не смотря на меня и сразу после обращаясь к охраннику: – Так что вы хотели сказать, Дмитрий Степанович?

– Ну-у... Во-первых надо срочно всех гражданских вывести из здания. Также мы уже связались с...

Я оборвал статного, пусть и немолодого, охранника на полуслове, четко обозначив, как мне казалось, своё требование:

– ⁴⁷**Сергей Пантелеевич**, – как можно спокойней и жёстче сказал я, твердо вознамерившись всё-таки получить требуемые ответы. – Я хочу получить доступ ко всей информации, касающейся деятельности Института с начала нашего сотрудничества.

Повернувшись ко мне, лишь одной головой, с таким видом, словно ему послышалось, Алмыков-старший сказал, впоследствии оборачиваясь полностью и словно надвигаясь на меня:

– Уважаемый Максим Карпович, я ещё раз повторю: убирайтесь домой. Вы сейчас ничего не получите, а всю информацию касательно деятельности И.И.Н.И.М.П. вы и вовсе никогда не получите, чьим бы сыном вы не являлись, понимаете. Это – частные данные, доступные лишь определённому кругу людей, в который вы не входите. И на вашем бы месте я благодарил управителей этого заведения уже хотя бы за то, что вам открыт доступ почти ко всем дверям Института. И коль вы не желаете лишиться уже хотя бы этой власти, то я настоятельно советую вам покинуть это здание... – в этот момент он будто снова отстранился и, так и не достав руки из-за спины, вернулся к своему бывшему собеседнику, вместе с тем говоря: – Тем более, судя по всему, вскоре это сделают все гражданские лица. Так ведь, Дмитрий Степанович?

– А?... Да. Да, также я хотел сказать, что мы связались с правоохранительными органами, с целью вызова дополнительных подразделений на защиту Института, но у них там почти все отряды высланы на Первый этаж из-за какой-то шумихи, потому к нам уже прислали только пару человек. Но этого хватит, если мы окружим в суммарном количестве здание только по периметру.

– То есть внутри, кроме персонала, никого не будет?

– Ну, от персонала, если честно, желательно тоже избавиться, Сергей Пантелеевич... – охранник словно был неуверен.

– Хо-хо. Так, Дмитрий Степанович, давайте приказ касательно эвакуации и слушайте, у меня есть идея получше окружения... – подойдя к, явно, начальнику охраны, Алмыков-старший повёл его из парадной сего клуара в свой кабинет, дверь в который была тут же сбоку.

Он явно не хотел покидать Институт... Но почему? И что это вообще такое ему грозило?

Я так и остался на пороге, думая, с потеренным взором и разрозненными мыслями, что делать дальше.

– Максим Карпович?... – чуть тихо и будто предлагая мне продолжить, сказал немного приблизившийся ко мне Аркадий.

Я протестующее поднял палец кверху, тем самым требуя тишины, пытаюсь разобраться в том кавалькаде мыслей, что сейчас бурлил в голове. И первой на очереди была та, в которой предстояло решить, оставаться ли здесь или же всё бросить и покинуть это место... Нет, отчего-то так я поступить себя заставить не мог. Точнее, мог, но не так просто: я хотел более чем сильно, основательно, конструктивно и действительно серьёзно, безо всяких угроз и повышения голоса (стратегия агрессии была не лучшей с моей стороны) поговорить с Алмыковым. Посему первое, что пришло мне в голову касательно своего друга и родственника, я решился озвучить ему, медленно опуская согнутую в локте руку с поднятым указательным пальцем:

– Знаешь что, Аркадий... Подожди меня в машине, договорились? – я обернулся к нему и, дыба ещё более уверить в своей искренности, смотря в глаза пообещал: – Я скоро приду, хорошо?

Пожилой человек презрительно поглядел на меня, затем на дверь за моей спиной, и словно безразличным кивком, мол, “ну как желаете”, дал мне полную свободу касательно данной своей прихоти, когда сам отправился на площадку, дожидаться конца ещё не состоявшегося разговора.

Когда спина Аркадия скрылась в глубине коридора среди редко снующих в разные стороны людей, я вновь с интересом посмотрел на запертый прямоугольный проём, за которым находилась комната с требуемым мне человеком, да затем, поняв, насколько устал от беготни, неких переживаний да и вовсе излишнего избытка чувств, сел на стул секретаря, которого в данный момент на своём рабочем месте не было, как и любых иных его вещей, кроме рабочей утвари, то есть некоторого количества электронных договоров и прочего, возглавляла весь этот хаос табличка с должностью, именем, фамилией и отчеством работницы. Как-то рефлексивно я прочел: “Истаева Алана Сергеевна” далее её местом в данной иерархии абсолютно как-то не заинтересовавшись, наверняка потому, что о нём догадывался...

“Что ли чай с тортом где-нибудь пьёт?” – сразу отчего-то в голову забрался единственное известное мне свойство подобных людей, которое вполне возможно могло быть безосновательным стереотипом. Но всё-таки... Торты захотелось сразу же после сего безответного вопроса.

Глава 2:

Отсюда, с места работы не самого лучшего кадра, я слушал некое бубнение за дверью, которую мне очень хотелось открыть, но некоторые или страх, или уважение, на которое я всё и списывал, не желая признавать боязнь, не

позволяли мне этого сделать да оборвать устроившуюся там дискуссию явно по довольно важным вопросам.

Спустя минуту послышался более громкий тон начальника охраны. Он наверняка обращался не к Алмыкову. И данная догадка лишь подтвердилась через секунду, когда из всех громкоговорителей Института хладнокровно раздалось:

“Просьба ко всему гражданскому персоналу Института: срочно покинуть здание! Повторяю! Просим Вас срочно покинуть здание! Это – не учения! Не надо паниковать, ситуацию полностью под контролем охранных органов! Просим: срочно покиньте здание!...”

Сообщение не умолкало. Они ещё что-то говорили о некоем строе, в котором надо идти к выходу, ещё о других правилах безопасной эвакуации и прочее-прочее, что лишь ещё более усугубляло ситуацию, в которой большую роль играла обыденная, и в то же время столь сложная вещь, как людская психика. Рабочий класс недоумевал, что вокруг происходит. От громкого безынтесного голоса, монотонно повторяющего по сути одно и то же, становилось не по себе. Сразу просыпались инстинкты самосохранения, почему люди в коридоре да в кабинетах, которых было немного в сегодняшний летний день, засуетились, стали повышать беспричинно голос, создавая иллюзию массовости, из которой уже создавалась отнюдь не иллюзия настоящей толчеи.

Приход охранников был лишь вопросом времени. И вот, когда я поднялся со стула да подошёл к порогу, в тот же момент некий мужчина в форме промчался быстрым шагом около проёма и поманил за собой молодую девушку со специальными встроенными модулями, которая однозначно направлялась сюда, в данный кабинет, ибо даже после того, как её повели в обратную сторону, смотрела в сторону сего кулуара да что-то с растерянным видом и возвышенным обескураженным чувством, чуть ли не переходя в паническую манеру поведения, объясняла несговорчивому охраннику. Я узнал её: это она встречала меня и Аркадия у выхода с посадочной площадки, и она же, судя по всему, была секретарём Алмыкова, то есть той, на чьём рабочем месте я только что располагался.

– Молодой человек, вы чего стоите? – ко мне прикоснулось нечто грубое: перчатка, в которую была облачена рука каждого охранника заведения. – Вы требования не слышали? Пойдёмте.

Я не успел даже толком ответить, лишь невнятно что-то промычал, удивлённо уставившись на молодого мужчину, примерно тридцати лет, в должной форме, который сразу же подхватил меня под локоть и повёл к выходу.

– Погодите... – оторопь медленно стала спадать с меня. Разум вновь взбунтовался и требовал остаться в здании, потому я не мог позволить, чтобы меня увели хотя бы ещё на сколько-то метров дальше от треклятого кабинета. – Погодите, вы всё не так поняли.

Пытаясь объяснить какими-то эфемерными, лишёнными логики высказываниями, не значащими ровным счетом ничего, я старался заглянуть в прикрытое защитным щитком лицо охранника, что лишь ровным, спокойным голос, не ослабевая хватки и не сбавляя хода, монотонно отвечал на мои возгласы лишь одним повторяющимся словом “да”, будто успокаивая меня, пытаясь заставить поверить в его соучастие и понимание.

– Да погодите вы! – наконец не выдержал я и резко рванул руку назад, к себе, тут же остановившись и чуть озлобленно смотря на своего провожатого.

Вокруг творился некий род хаоса: был беспорядок, шум, но отвечающие за безопасность сего здания люди справлялись со своей работой, намеренно продолжая вести неумолкающих, но довольно сговорчивых к движению сотрудников комплекса к выходу. И моя деятельность, выраженная в сопротивлении, была довольно странной на фоне сего почти четкого, множественного ряда людей, торопящихся последовать указанию тревоги.

– Молодой человек, я буду вынужден применить силу, – в голосе охранника послышалась сталь, рука его потянулась к поясу: он не шутил, приняв настороженную стойку напротив меня и явно вознамерившись продолжить путь со мной, притом в любом состоянии.. моём состоянии.

“То, что здесь твориться – действительно чрезвычайно важно,” – это было понятно с самого начала, просто как такового “размаха” сей важности я не понимал.

Человек напротив рьяно не желал смотреть мне в глаза, причём эту особенность его я заметил ещё с самого начала, когда его взор был чётко направлен на конец коридора. Сейчас всё было точно также, но только смотрел он мне в живот – явно туда, куда собирался вскоре ударить. Потому я постарался исправить данное недопонимание:

– Подождите, – я умиротворяющее выставил перед собой руки, требуя паузы. – Вы знаете, кто я?

И сам чуть согнулся, заглядывая под неудобный для меня козырёк шлема, пытаясь встретить узнающий взор из-за той стороны оборонительного щитка. И я его встретил, спустя пару секунд после того, как и этот человек взглянул всё же на меня: изначально он оставался всё также взволнованным и осторожным (это явно его первый боевой “переполох” – новенький), но после глаза приобрели осмысленность. Тот лик, что он иногда видел с экранов множества агитационных медиа-плакатов гуманистических кампаний, а также из новостей и прочего некоторого массового продукта, где я старался хоть иногда показываться, сейчас смотрел на него. И тут же наше общение переменялось, так же, как изменился и тон охранника, и его поведение со мной.

– О... Оу... Максим.. Карпович. Я извиняюсь. Не узнал вас сразу, я бы, – человек чуть растерялся, изначально некоторое время силясь вспомнить моё имя-отчество.

Я же поступил хитрее. А именно сразу же ознакомившись с его интерактивным бейджем, впаянным в костюм, прознал имя да, чуть шевеля пятерней от себя и к себе, словно прося тишины, начал говорить то, что давно хотел сказать:

– Александр... Александр, погодите. Всё в порядке. Я хочу сказать, что меня вы ведёте не туда, куда...

– Но у меня приказ... – начал было охранник.

Однако я, вновь запротестовав той же рукой да ненадолго повысив голос, никак не ради агрессии, продолжил говорить ту речь, что уже начал и чьё содержание уже как можно более доверительнее определил в голове:

– Я не один... Не один, слышите? Меня ждут на посадочной площадке, мой компаньон. Думаю, если я пойду туда, то окажусь на улице подобно иным находящимся здесь людям. Так ведь?

Секундное раздумье охранника и он тут же оживился, поняв, чего я от него требовал.

Вообще мой план был довольно прост и ясен: как-то отстранить от себя этого человека да тут же направится к Алмыкову, вновь наплевав на все правила этикета, ибо теперь уже ситуация была не та.

Но своего оппонента я явно недооценил: я нечасто общаюсь с людьми кроме Аркадия, посему в подобном не было чего-то сверхъестественного, кроме моей некоторой наивности, которую я и понимаю, но определить её границы не могу просто ввиду отсутствия большей практики и общения с обыкновенными людьми, и своего присутствия в обыденном социуме.

– А-а! То есть... Вы это имеете в виду. Нет, ну конечно, тогда да, – он поднёс рукав правой руки ко рту и коротко проговорил: – Кирилл?... Это ⁴⁸**11811**... Всё в порядке, особый случай, веду наверх. Да, на площадку... – обернулся ко мне. – Ну. чего вы ждёте, Максим Карпович, идёте.

– Но-о я... – чуть замявшись, я словно глазами выразил своё первоначальное желание, которое охранник явно понял.

– Извините. Но я не могу допустить, чтобы вы пошли один. Теперь уж тем более, – улыбка, что возникла на его хорошо видимых мне, в отличие от глаз, устах в последний момент особого энтузиазма не прибавила, а лишь заставила мозг сперва в растерянности, а потом в сосредоточенном состоянии искать новые выходы из сложившейся ситуации.

Но действовать требовалось как можно быстрее, ибо чем выше мы поднимались по лестнице, тем меньше времени у меня оставалось.

– А-а... – Я догнал охранника, что всё это время шёл чуть впереди меня, постоянно поглядывая через плечо назад, да задал единственный интересующий меня вопрос: он не давал сосредоточиться на основной задаче, всё время смещая внимание на себя и я всё-таки решил, что

изначально надо попробовать хотя бы управиться с ним. – Александр, разрешите узнать, а почему вообще поднята тревога?

– Максим Карпович, я прошу прощения, но эту информацию я вам дать не могу, – чуть улыбнувшись, словно извиняясь, ответил мне провожатый, вместе с тем погодя добавив: – Мне моя работа ещё дорога...

– Ха-ха, нет Александр, вы не поняли. Сергей Пантелеевич меня как раз и позвал к себе для решения этого вопроса... Я пытался вам сказать, но вы меня уже отлучили от его кабинета. Так что будьте добры хотя бы сами пояснить, в чём дело, и волноваться за ваше рабочее место вам не следует, – схитрил я.

Моя ставка была по большей мере основана на том, что я надеялся, быть может, он меня отведёт обратно, как только услышит, что у меня были некоторые дела с его начальством, а вместе с тем я решил прознать и про сей переполох – вообще данная деталь была основной целью, просто уже в самом диалоге как-то получилось “перенаправить” тематику ещё на одно русло.

И это сработало, судя по всему, ибо сразу же услышав о некоторых незавершённых моих делах с Алмыковым, Саша остановился да, удивлённо, будто осознавая свою вину, посмотрел на меня. В его глазах мелькал немой вопрос: “Так вы были там не просто так?...” – и медленное осознание того, что, конечно же, “не просто так”, ибо перед данным кабинетом такому человеку, как я, делать более нечего, как только не дожидаться чего-либо по действительно важному делу...

– То есть подождите, Сергей Пантелеевич лично вас пригласил? – некий страх теперь послышался в его голосе, видимо реальное волнение да опасения за свою должность.

– Ну да, – я решил не сбавлять темпа своей лжи, приняв как можно более расслабленный вид, словно пытаюсь самому себе доказать свою истинность и правдивость.

Но паршивой актёрской игры Александр не заметил: ему с этого момента было не до того. Видимо, место в охранной системе Института было довольно хорошо оплачиваемым и почётным, почему мой собеседник теперь, чуть ли не обливаясь потом, поднялся немного наверх, что-то щёлкнув на своём рукаве да вместе с тем будто успокоив меня, пробубнев:

– Сейчас-сейчас подождите... – Конечно более он успокаивал сам себя. И это не шибко хорошо у него получалось судя по тому, что неразборчивый бубнёж продолжался и далее. Я различил лишь несколько фраз: – ... как же... никто не сказал... списках не было... да что ж это?... – Тут голос его повысился и он начал говорить нормально, лишь чуть заикаясь, ибо, видимо, с того места, с которым он связывался, ему ответили: – Кирилл?... Ки-кирилл? Слушай, это снова я...

Видимо, это был тот самый человек, с которым охранник говорил немного раньше.

Я приблизился к взволнованному мужчине и услышал, как из его шлема доносится голос. Конечно, гарнитура не позволила мне расслышать хотя бы часть вменяемых предложений, но некоторые быстро и громко сказанные слова я всё-таки уловил: судя по всему, и этот самый Кирилл сейчас находился не в самых лучших рабочих условиях, почему будто бы никак не мог понять, что ему сообщает Александр.

– Да 11811 это! Кирилл! 11811!... – призвавшийся защищать меня молодой человек кричал прямо в микрофон на запястье, но ничем это не помогало.

Из его наушника лишь громче доносилось:

– ... Это?! Кто?! **49Ваш боевой номер?!**

Наконец Саша сдался и, раздражённо да разочарованно ударив по рукаву около кисти (“микрофон не сломал slučajем” – подумал я), обернулся ко мне, зло смотря вниз, мимо меня.

– **49Мне надоел этот разговор**, – сухая констатация из уст сего разочаровавшегося в чём-то важном для него человека была довольно типична, посему я никак ей не мешал, лишь дожидаясь его решения.

Когда Александр мимолётно посмотрел на меня, я лишь глазами отобразил вопрос, но этого хватило:

– Уф... Максим Карпович, извините, но я не могу вести вас обратно, – ему было трудно говорить, но я уже понял, к чему он клонит, и провал моего плана мне не сказать, что понравился. – У меня приказ и я должен его исполнить. Вы сможете поговорить с Сергеем Пантилеевичем после, но сейчас я должен вывести вас на посадочную площадку...

– А вы уверены, что это хорошая идея. Всё-таки, просьба ко мне была направлена со стороны вашего начальства, так что... – Я предпринял ещё попытку.

И это чуть ли не разорвало моего собеседника изнутри: он совсем тихо завыл и, направив свой взгляд на секунду вниз, затем на меня, а после мне за спину, взявшись за голову сказал:

– У-у-у... Максим Карпович, я... Я... Нет. Извините, но у меня есть первоначальный приказ, и ему я обязан следовать, – охранник всё-таки взял себя в руки, полностью похоронив мои старания.. что ж, в профессиональной компетенции он нечто смыслит – это точно, несмотря на свою молодость и явную неопытность. – Так, всё! Идёмте, идёмте! – он вновь взял меня за предплечье и чуть ли не поволок с удвоенной скоростью наверх, я даже ничего сообразить толком не успел. Вместе с тем со стороны Александра послышалось: – Ох, времени мало совсем...

И только сейчас я понял, что ниоткуда более не было слышно людской толпы, а громкоговоритель перестал твердить однотипные указания довольно давно.

Глава 3:

– Ну, так, а почему всё-таки переполох? – восхождение продолжилось, но тащить чуть ли не силком Александр меня вновь-таки перестал.

Я решил, пока есть хоть какая-то надежда, не сдаваться и всё-таки попытаться нечто сотворить со сложившейся ситуацией, дабы повернуть её в обратную сторону. Однако на разработку очередной аферы требовалось время, которого с каждым моментом становилось всё меньше, и потому в голове всё чаще и настырнее проскакивала мысль об обыкновенном побеге. Да, это глупо и это несурезно, но это – единственное, что может сработать в моём случае. Правда, обязательно будет погоня, и коль я буду пойман, то отвязаться в очередной раз точно уже не выйдет ни при каких уговорах и хитростях... Посему некоторую часть мысли заняла ещё дополнительная идея к данному несбыточному, заведомо, плану, который меня всё более привлекал и ужасал: как-нибудь подстроить падение моего провожатого вниз, с лестницы, чтобы тот потерял сознание и я смог однозначно уйти от него. Но это – нечто непростительное. Ибо всё, что угодно, может пойти не так и в конечном итоге я могу устроить не обыкновенный несчастный случай, а убийство, или же Александр просто сумеет перетерпеть это падение и обязательно поймёт, кто в чём виноват и по какой причине – это уже вред репутации и прочие сложности, которые опять же никак не нужны. Нет, на такое я пойти не могу и не хочу... Но нечто требуется делать, посему я принял идею вновь “завести” разговор в былое русло и опять-таки попытаться уговорить охранника отвести меня к своему начальнику. Потому я начал с незавершенного вопроса.

– А... Ну, тут вообще что-то неясное, знаете ли... Сообщили... – Он явно сперва ещё раздумывал, говорить мне или нет. Однако пару раз посмотрев вниз на меня, не останавливаясь, всё-таки будто совладал с внутренней перипетией и продолжил, решил ввиду былого общения, что я могу быть гражданским, кто будет знать сию информацию: – Что, будто бы, представители редирума собираются напасть на Институт... Нет. Ну вы только послушайте: “Приверженцы редирума, хотят напасть”...

– Вы считаете, что что-то не так? – я буквально “ткнул пальцем в небо”, ибо в жизни социума современности, да и былых лет, разбирался плохо, однако Александр этого не знал, посему приходилось импровизировать.

– А вы разве нет? – мужчина взаправду сильно удивился.

Я понял, что сделал некоторую оплошность, да поспешил исправиться, не переставая подыматься и дыша через раз – подъём затянулся, а следовательно, конец его был близок... Требовалось действовать:

– Согласен. Как-то странно...

– Ничего себе “странно”! – на секунду Александр, и так трудно дыша, повысил голос и всплеснул руками, судя по всему эта тема была для него в некотором роде личной. Но после он вспомнил, с кем говорил и извинился: – Прошу прощения, Максим Карпович, но вы ведь понимаете, что это просто какой-то бред. Я не могу поверить, что приверженцы *этой* культуры способны

массово, только подумайте, массово идти на кого-то с агрессией... Да это же немыслимо.

– А с чего вы взяли, что “массово”?

– Операторы связи передали, что звонки были множественные и разным людям... Вот, ещё одна странность: они даже не скрывались. Нет, ну не верю я в это. Понимаете, Максим Карпович, просто я сам когда-то придерживался культуры редиума и их принципы касательно ⁵⁰**прощания с оружием** понимаю отлично.

– А чего же перестали? – времени было всё меньше, но на некоторые его отрезок я буквально забылся и перестал воспринимать свою цель, ибо рассказ Александра и раскрытие тайны нападавших взаправду меня заинтересовали. – Ну, я имею в виду, почему вы сейчас не придерживаетесь редиума?

– Ха, Максим Карпович, вы видите, кем я работаю? Моя профессия никак не сходится с догмами того общества, потому мне пришлось покинуть... И главное, я-то не хотел, да до сих пор иногда жалею. Дело просто в том, что вырос я не в самой благополучной семье, мы были бедны, только я и мама, а здесь платят хорошо, да обучение этому “ремеслу” нетрудное. Потому я и пошёл сперва в нужный колледж, а потом вот сумел сюда устроиться...

– То есть, вы отреклись от своих идей, только из-за денег?...

– Только из-за денег, – с очередным тяжелым выдохом подтвердил Александр, но теперь из его лёгких вырвался не просто углекислый газ, но и грусть вместе с тоской по утерянному и несбыточному. – Но тут я не могу себя винить, хотя часто это делаю. Сейчас я довольно неплохо живу, опять же с мамой, но всё-таки. Это лучше, чем раньше. Но это не то, как я хотел бы жить... Понимаете? Мне мама говорит, что так произошло не из-за меня, а из-за ситуации вокруг, мол, “так получилось”... Но как-то ещё хуже становится от понимания того, что так “получилось” со мной сейчас, а в будущем может “получиться” с кем-то другим, – во время этих размышлений видимо сам Александр “потонул” в своих измышлениях, почему его ход даже стал медленнее.

Как и мой, ибо я также впитывал его слова и с грустью воспринимал их как нечто то, что должно быть искоренено. И, видимо, сам охранник понял, что в какой-то мере я могу на это повлиять. Обернувшись ко мне, он с некоторой надеждой в глазах сказал:

– И ведь знаете что, Максим Карпович, вы ведь можете на это повлиять... Я извиняюсь, если слишком много прошу, но ведь действительно. Неблагополучные семьи и целые районы всегда были и будут, но ведь можно же как-то хотя бы уменьшить их количество. Да, я понимаю, сегодня их куда меньше, чем было несколько лет назад, но ведь вы, человек который обладает такими финансами и властью, если вы самолично займётесь этой проблемой, как же это поспособствует окончательному её решению... Максим Карпович, поймите, я бы не обращался с такой просьбой, если бы сам не знал, что это такое. Я ещё раз извиняюсь, но я прошу Вас обдумать мои слова...

И тут я понял, смотря в глаза этому человеку, что ему нужна помощь, которую я действительно могу дать, причём не только ему, но и многим иным. И более того, я уже это пытался сделать, однако следовало решить некоторые проблемы, связанные с Алмыковым... Посему я осознал, что вот он, тот самый поворотный момент диалога, который я ждал и непременно решил им воспользоваться:

– Александр, я уверяю Вас, что уже думаю об этой проблеме, причём довольно давно. И более того, как раз это я хотел обсудить с...

Прервав меня, передатчик внутри шлема Александра вдруг заговорил голосом диспетчера: я лишь услышал невнятные звуки и то благодаря тому, что стоял довольно близко к своему собеседнику. Однако охранник услышал всё четко да ясно и в первое же мгновение встrepенулcя. Он, отпустив мои плечи, повернулся обратно вперёд да, выслушав пару слов, вместе с тем стоя на месте, приблизив рукав, вступил в напряжённую полемику.

– Куда-куда?!... Зачем на низ Третьего уровня?... Где я? Я направляюсь к посадочной площадке! Что?!... Того! Ты знаешь, что в Институте сейчас Инаев Максим... Ты вообще умом тронулся? Вот именно! Да! И он со мной, я его из здания вывести пытаюсь! Как-как? Я же сказал: иду к посадочной площадке! То есть закрыли?... Так откройте, дебилы! – понятно, что ввиду малого срока службы мой провожатый ещё сильным авторитетом у коллег не пользовался, посему подобные переговоры на повышенных тонах и со множеством переспросов выглядели довольно обыденно.

Но меня они интересовать не должны, ибо сейчас я понял: вот он – шанс. Терять его было нельзя, посему я медленно, пытаюсь никак не обратить на себя внимание отвлекшегося охранника, начал спускаться вниз. Видимо по тому, о чём говорил Александр, дислокация основных действий уже сместилась и теперь была довольно близко: представители редирума, или кто бы это ни был, всё-таки с успехом преодолевали кордоны охраны и стражей правопорядка... Но почему же они сюда бегут? Что им надо?

Ответы на эти вопросы вновь-таки явно знал Алмыков, который теперь мог быть где угодно. Но всё же первым делом я опять решил проверить его кабинет, хотя и понимал, что данная попытка может быть последней: сейчас царит явная неразбериха, но обо мне уже оповещены люди, отвечающие за видеокамеры слежения, и коль доселе они наблюдали за теми участками, где происходят главные события разворачивающегося конфликта, ибо как ещё объяснить то, что о моём здешнем присутствии они ещё не знали, то теперь, когда Александр обнаружит пропажу, вездесущие видеокамеры однозначно запечатлят и меня...

Я спустился примерно на пролётов шесть, когда из громкоговорителей прозвучало: “Максим Карпович! Инаев Максим Карпович! От лица руководства Института, просим Вас в срочном порядке покинуть здание! Инаев Максим Карпович, с уважением, просим Вас...” – голос оратора чуть дрожал от волнения.

А уж как дрожал от этого же чувства сейчас всем телом Александр, я даже не мог себе представить, ибо жалость к нему сразу же подстегнула меня вернуться обратно... Но сдаваться было рано, тем более в противном случае могут возникнуть вопросы, потому следовало идти до конца, как я и планировал ранее.

При спуске, соблюдая конспирацию, я слышал, как где-то внизу, на чуть более низких этажах сего заведения, происходит нечто ⁵¹**противоестественное человеческой природе**. И от этого становилось ещё более не по себе, ибо такая какофония звуков там, и неописуемое безлюдье здесь не могли “связаться” в единую картину у меня в голове, дабы быть осознанными... Но столь сюрреалистичная картина как раз и предстала теперь передо мной. Отчего-то казалось, что вот-вот, совсем скоро, некто злой, а мне чудилось, что одна из сторон конфликта – обязательно злая, доберётся и до этих уровней да изничтожит меня. Лишь понимание того факта, что Алмыков сам своего детища ни за что не покинет, предавало мне сил: я обязательно его найду, даже коль здесь останется лишь пепелище, так как в И.И.Н.И.М.П. он лично будет находится до самого конца.. каким бы он ни был.

Камеры заприметили меня, когда я только-только добрался до того этажа, где находился треклятый кабинет. Чувство того, что я попал в мир художественного мастерства ⁵²**Стивена Сиколлы** увеличилось в тот момент, когда наперекор нескончаемому требованию изо всех динамиков раздался противный звук повторяющейся, не прекращаемо свистящей сигнализации, а на самих камерах загорелись красные диоды.

“Объект найден! Вход на...” – бывшее сообщение сменилось ещё более худшим для меня образчиком.

Поняв, что скрываться и как-то медлить более смысла нет, я ринулся по коридору к необходимой двери.

Издали увидев её запертой, я понял, что всё, далее бежать некуда, да и незачем. Однако, продолжая сохранять должное хладнокровие, всё равно пытался сосредоточить мысли на думе о том, куда мог ещё деться Алмыков-старший.

Потому я крайне поздно заметил, сколь громко в динамиках прозвучала некая сумятица, что вдруг воцарилась в диспетчерской.. или откуда шёл весь звук... А после голоса и вовсе более не скрываясь стали гомонить на разные лады, предвкусывая некие события явно не самого благоприятного характера. Окончательным аккордом нецензурной брани и всевозможных проклятий послужил момент, сотворившийся отнюдь не в том помещении, где находился микрофон: я безуспешно дёргал ручку двери, дабы вновь и вновь с полной горечью удостоверится, что она заперта, как вдруг сзади меня, чуть ниже этажом, послышался одиночный выстрел...

Я в ужасе осел на пол, страшась, что этот неизвестный стрелок поднимется сейчас выше и моё ⁵³**хвалёное хладнокровие прольётся наружу**, хотя где-то глубоко внутри однозначно и чувствовал то, что этому *некто* до меня вряд

ли есть какое-то дело... Однако ещё трижды повторившиеся выстрелы всё более увеличили страх, ибо просто само понятие применения огнестрельного оружия было не только для меня, но для многих людей, как я думал, чем-то звериным, неправильным, не оправдываемым и непростительным...

Но это было лишь начало кульминации, так как развязкой её стал совершенно неожиданный взрыв опять там же, чуть ниже этажа, где был я. Он произошёл, когда я, пересиливая резкую немоготу и рвоту попытался подняться. В конце коридора “забрезжила” знакомая фигура в охранной форме – Александр. Он бежал ко мне, но для меня его словно не существовало: я пытался понять, кто же это стрелял и что же теперь делать, вместе с тем обливаясь холодным потом. И тут пол из-под ног будто швырнуло в сторону, что-то сверху обвалилось, подобным образом нечто явно разрушилось и снизу: громоподобный вой железного каркаса я вряд ли когда забуду, так же, как и скрежет измельчающегося бетона.

Я распластался на мигом покрывшемся пылью полу, мыслями заиклившись лишь на одном моменте: я вдруг понял, где произошёл сей инцидент, ибо там, ниже этажом, буквально посередине всего здания Института, находилась лишь одна вещь, которая однозначно могла заинтересовать и нападающих, и обороняющихся – машина передачи мыслей в ноосферу.

Глава 4:

Перед глазами всё плыло. Что только что произошло я, понятное дело, никоим образом не знал, но отчего-то четко осознавал вдруг явно явившуюся предо мной цель – ползти туда, в комнату к главному детищу И.И.Н.И.М.П.

Медленно перебирая руками по шершавому полу, я очень неторопливо, не по собственному желанию, продвигался вперёд. Руки скользили из-за обильно выделяющегося пота. Внутри меня мутило, всё вокруг не имело однозначных очертаний и лишь расплывалось, когда я пытался хоть как-то сфокусироваться, а голова начинала нещадно болеть. Но цель, неведомо откуда взявшаяся в моём мозгу, стала посреди неспешных, эфемерных дум догматическим клином... После я думал, почему так произошло. И так к должному ответу не пришел. Взрыв повлиял на такой выбор? Или на задворках сознания я знал, что единственное место, где ещё могу повидать Алмыкова в такой момент – это там, рядом с гением его разума, которое создал, понятно, не он один, но присудил лишь себе? Или может что иное... Но факт остаётся фактом: я стремился туда и с каждой секундой, как мир наполняли вновь звуки, с каждым мгновением, как я вновь начинал чувствовать некоторый жар слабого, но распространяющегося пламени, исходящего снизу, с каждым новым моментом, как я приходил в себя, я всё быстрее и быстрее начинал продвигаться к образовавшемуся в полу проёму, который как раз-таки и вёл на тот самый этаж.

Долго продолжаться мои мучения на полу не могли и потому спустя минуту, когда обвалившийся кусок железобетона был уже близко, я попытался встать. Получилось лишь на половину, но и этого хватило, чтобы продвинуть своё тело куда дальше, чем ранее, и за куда меньший временной срок. Однако уже прямо у самого ската я вновь упал и чуть было снова не

распластался: в последний момент всё-таки удалось удержаться на четвереньках.

Обретая былые чувства соития с внешним миром, я медленно оглянулся по сторонам. Вокруг меня сплошным туманным столпом стояла пыль, почему ничего конкретного увидеть я, понятное дело, не смог. А хотел ли? Ну, с одной стороны – да: я пытался понять, куда делся Александр, чья полуразличимая фигура уже виднелась мне в последний момент перед взрывом. Уже успевшей стать привычной фигуры невольного раба своей жизни я не заметил в данном столь медленно оседающем сплошном сонме. Мысли же касательно того, куда мог подеваться данный человек, что уже успел стать мне товарищем, приходили мелкими обрывками на ум самые разные, но они скоро вытеснялись той единственной, казавшейся однозначной и сплошной, целью, что поселилась в моей голове в данный момент. Потому даже самые страшные и, что уж таить, вероятные думы я тут же отверг, посвятив все силы эгоизму и преследованию уже не такой ясной, как ранее, идеи: она потеряла свои черты, я не знал впредь, зачем мне Алмыков и что от него я узнаю, мне просто было бесспорно известно, что именно он мне нужен, а для чего – это уже не имело значения. Так рождается фанатизм, так погибает человек – после думал я.

Обвалившийся пласт своим окончанием “пришёлся” прямо на одну из четырёх винтовых лестниц, что “пронзали” собой весь Институт. Немного не достигая колонны, что содержала в себе лифт, отвалившаяся конструкция задевала лишь погнувшиеся под её весом ступени. Удачное обстоятельство – иначе не скажешь. На которое, впрочем, я в тот момент не обратил внимания, ибо интересовало меня иное: пытаюсь как можно эффективней тормозить руками, почему и ободрав ладони, я как можно более безболезненной для себя спустил по образовавшемуся скату. На лестнице потребовалось спуститься вниз, дабы добраться до необходимого перехода на этаж: буквально три ступени, но даже от них меня замутило. В полный рост встать у меня не выходило, да я и не пытался – начинала голова кружиться и болеть уже на “середине пути”. Потому я, пригибаясь и сильно медля из-за ещё не до конца вернувшегося восприятия мира, обошёл необходимую колонну и лишь спустя ещё пару долгих метров сумел различить не прекращающуюся потасовку где-то этажами ниже... Не могу сказать, что меня это поразило, ибо тогда я не воспринял это как должно: невразумительное восприятие окружение взяло своё. Но в обыкновенной бы ситуации я даже не знаю, как бы отреагировал, ибо само понимание того факта, что после произошедшего в здании взрыва (взрыва!) люди продолжают некую борьбу – это не нонсенс, это нечто, во что я отказываюсь верить даже после того, как сам это слышал, просто “списывая” сие звуки на вполне вероятные тогда галлюцинации.

Но вот два людских силуэта, что вскоре показались мне в наполненном пылью воздухе на фоне слабого, но обширного и быстро множащегося в площади огня, я воспринимать как галлюцинации не привык не только по тому, что именно к ним я стремился впоследствии того, как их заметил, но и потому, что вскоре они сами доказали мне свою реальность, дав знать таким образом свою личность.

Мелкими, нескладными обрывками до меня доносился “голос” окружения. Однако понимать и осознавать его я начал уже гораздо быстрее, так же, как и передвигаться. Потому от момента, когда я полусогнутым стоял у колонны и до момента, когда я смотрел на двух взрослых мужчин, стоявших друг на против друга, прошло не так уж много времени. Зато сил моих наоборот ушло на данное перемещение довольно много, почему в проходе, образованном мною невиданным взрывом, я просто привалился на колено, пытаюсь отдышаться, а после желая крикнуть лишь одно слово, хоть сам понимал, что его не услышу, так же, как и не слышал того, что говорили уже упомянутые мною два человека средних лет – фон мира вокруг “заглушал” в моей голове всё иное.

Высота сего помещения была невероятной, ибо оно тянулось, по понятным причинам, до самого шпиля Института.. да, собственно, самим этим шпилем оно и продолжалось, то есть, машина: невероятных размеров антенна была как раз её частью. Однако самого неопишуемого механизма, который на самом-то деле не очень отличался какой-то фантазмагорической фантастичной составляющей внешнего вида и скорее вызывал уважение именно своими размерами, видно не было по обыкновенной причине: всё внутри, а так же и главные управляющие панели, скрывал металлический, обшитый изнутри охлаждающими панелями, цилиндр, предназначенный как раз для таких случаев, как этот, дабы огонь, даже столь небольшой, не мог причинить вреда детищу Института.

Вбирая в себя новые силы, я медленно начал приобретать и нормальный слух. И какое моё удивление было осознать, что здесь, кроме меня и видимых пред собой людей, были ещё субъекты:

– Заткнись, говорю тебе! – выкрикнул совсем рядом некий яростный, но будто девичий, голос.

Я обернулся на звук: слева от меня, уставившись удивлёнными глазами, стояла действительно девушка примерно двадцати лет. В глазах её, кроме недопонимания моего нахождения здесь, также была и целая смесь из иных чувств: страх, гнев и жалость к себе – всё там я увидел за мгновение. Но больше всего выделялась решительность, непоколебимая и словно физически ощущаемая. Полностью всё тело этой на вид хрупкой особы испускало данное чувство. Но вместе с тем оно вытягивало её последние силы в моральном плане – это было видно. Физическое же могущество также почти теперь отсутствовало в ней: будучи сама почти изнеможенной, она буквально на себе тащила некоего парня примерно её возраста, он медленно двигал губами, лицо покрывала гримаса неосознанности, которую прикрыл слой пота и крови – он был ранен и судя по всему доживал последние минуты...

Завидев меня, незнакомка остановилась и, словно этого делать было никак нельзя, поменяв удивление на некую обиду, в конечном счёте не спустила с меня взор, да так и рухнула у стены. Её друг упал бездейственным, неживым мешком...

Эта картина разразила моё нутро... Не знаю, ранее чувства просто бурлили, как-то упивались догадками и потому переполняли меня. Но теперь нечто зверское, нечто уничтожающее человека я увидел воочию. И описать то, что почувствовал – я не сумею: это было всё, всё и сразу или ничто. Это была пустота, наполненная адским пламенем и вызывающая в теле любые его действия, даже коль само тело на эти самые действия не способно. Это было то, что вскоре, спустя буквально пару секунд, когда придёт осознание, сменится неопишущим страхом... Но сейчас это была ярость, которую я знал, на кого “выплеснуть”.

– Ты кто такой?! – со злостью громко спросил Алмыков у бородатого, уставшего мужчины, стоявшего напротив, чья лысая голова переливалась ввиду пота бликами от огня.

– Вас это не должно тревожить, ⁵⁴**мистер Фредерсен**, – на удивление спокойно и даже с насмешкой ответил мужчина, пристально наблюдая за главой Института и вместе с тем явно продумывая некий план действий.

Но я прервал его мысли, так же, как и уже вырывающийся из груди непонимающий возглас обезумевшего человека науки, что сейчас был готов вновь спустить курок на револьвере, направленном на человека в чёрных одеяниях... Да, в последний момент я также необъяснимо почему решил, что за выстрелы тоже ответственность нёс он:

– Алмыков! – чуть ли не зарычал я, улаживаясь всеми накопленными и эфемерными силами в одно слово.

Мужчина, всегда подтянутый, самоуверенный, в чистой одежде, мигом обернулся на голос, который услышать никак не ожидал и посмотрел на его хозяина, то бишь на меня, обезумевшими, красными глазами, что особенно контрастировали с мертвенно бледным цветом его лица, чью белизну не мог скрыть даже слой налипшей на потную кожу пыли, также опутавшей и весь халат, ботинки, всю одежду... А для меня теперь ещё и последние крупницы уважения к нему.

– Что... Что вы здесь делаете? – завидев меня, он раздражился, кажется, ещё пуще прежнего.

Рука с пистолетом повернулась ко мне ещё в тот момент, как это сделала и голова, что заставило меня чуть остудить свой гнев: дуло револьвера, что смотрело одиноким пустым зрачком сейчас на меня, вмиг растворило всю злобу, уступив место страху, который и так должен был вскоре прийти... Но я не ожидал, что настолько скоро.

Позже я часто ругал себя за этот отнюдь не мужественный поступок, когда все стремления прекратились на корню и я, страшась безумства Алмыкова, просто остался сидеть на одном колене, смотря в черноту ствола огнестрельного оружия давнишних времён. Но тогда мне это казалось не признаком трусости, а единственным нормальным решением, выходом из которого могло послужить только бегство: я буквально в следующее мгновение взмолился, чтобы человек с оружием хоть как-то отвлёкся, и я смог сохранить свою жизнь, просто убежав...

Но Алмыков не собирался отвлекаться: смотря на меня с маниакальностью ⁵⁵**Ахава, смотрящего на Моби Дика** из ⁵⁶**“Фантазии моря”**, он вселял не столько ужас, сколько омерзение к себе. Его руки дрожали, почему действительно боязно становилось лишь оттого, что осознавалось однозначно: этот ополоумевший может выстрелить, причём не столько по своему желанию, сколько по случайности.

Благо, я был не один: мужчина в черной одежде, пока Алмыков не смотрел на него, сумел подкрасться поближе и, задействуя последние силы, кинулся с поднятой вверх электро-дубинкой на бывшего учёного, который в последний момент рывок всё-таки заметил и успел вывернуть ствол пистолета так, чтобы выпущенная тут же пуля вошла в людскую плоть. Однако инерцию было не остановить: с прерванным выдохом бородатый мужчина опустил заряженное электричеством оружие. Оно ударило почти в шею, разве что чуть ниже, ближе к плечу, но я в этом не уверен, ибо как только мозг понял ситуацию, телу сразу была дана команда уходить как можно скорее из этого места.

Я поднялся и побежал, слыша за спиной невнятное рычание Алмыкова, парализованного током, но ещё непонятным образом сражающегося с неведомым противником: он пытался нечто кричать, вместе с тем без устали стреляя куда-то... Я не видел ничего, но пуль рядом со мной не пролетало, посему не знаю, в кого он мог выпустить столько патронов. Да тогда меня это не волновало: разум твердил, что угрожает опасность, а звуки выстрелов лишь больше усложняли ситуацию с самоконтролем и нервной системой, потому я бежал из последних сил, чуть не рыдая и не прося о помощи неведомо кого.

Ввиду такого состояния и не удивительно, что я совершенно не заметил, как прямо передо мной из только-только осевшей пыли выскочил с решительным лицом сын Алмыкова. Он не был зол, он не был встревожен, он был.. нормален, хоть и довольно грязен, но всё равно... Лишь глаза шустрее привычного рассматривали окружение.

Возможно, столь нестандартная для сего действия картина и заставила меня притормозить, чем парень воспользовался: заметив меня, он резко подскочил, оказавшись совсем близко, и буквально спас моё тело от падения, схватив мёртвой хваткой за плечи да, смотря прямо в глаза, требуя ответа крайне громко вопрошал:

– Где мой отец?! – это не была злоба, он просто видел моё состояние и старался, чтобы я понял суть его слов.

Но повышенный голос не помогал. И он это быстро понял, почему тут же отпустил мученика, то есть меня, да побежал дальше. Туда, откуда я пытался убежать, но более не мог: я слишком устал и вообще не понимал ничего, что творилось вокруг.

Последней каплей послужил грохот недалеко упавшей на этаж ниже части железобетонной конструкции: пласт наверняка был небольшой, но толчка от

него вполне хватило, чтобы свалить меня с ног и замертво “приковать” к грязному, шершавому полу, который сам грозился вот-вот рухнуть вниз.

THE END 1...

Часть Третья:

На следующий день. Четыре часа утра

Глава 1:

Было темно, не только за окном или в комнате, но у меня в душе... А есть ли вообще такая вещь в человеке, как душа? Интересно. Не помню, чтобы я конкретно именно о данной детали людей задумывался хоть когда-либо особенно основательно.

А что же я тогда думаю, вот если искренне, каким образом я характеризую для себя “душу”... Нет. Никак не характеризую. Скорее сказал, просто потому, что слышал не раз и не два о ней. А верю ли сам? Вряд ли. Нет её в нас, есть лишь разум, есть органы, мы состоим из фантазий, которые воспринимаем за эфемерную человечность, совесть и прочее... Всё это лишь бред.

Но почему тогда так хреново?...

Я мучился этим вопросом уже который час. Поддержкой мне служила тишина, сперва, а не так давно к ней присоединился звук сильного дождя. Но за окном его не было – он шёл лишь на Третьем уровне, сюда же доходил лишь его “голос”. Мерный, такой притягательный и успокаивающий. Даже в какой-то степени уютный, ибо особенно хорошо становилось в моменты, когда сознание полностью отдавало себя мысли о том, что сейчас за окном мокро и холодно, сейчас там туман, сошедший со страниц повести ⁵⁷**Стивена Кинга**, стелется непроглядной пеленой по улицам, по которым ходят беспокойные ввиду сегодняшнего дня люди... А ты здесь, в тепле. И тебе хорошо. И даже из-за резко “накинувшегося” полного одиночества – хорошо. Просто от того становится приятно, что ты не под дождём, не “опутан” молочной суспензией.

Но ведь это всё самообман. Туман может и есть, но не такой непроглядный, каким он представляется. А дождь.. я уже говорил.

Слегка повернув голову, я с удивлением обнаружил капли на выпуклом окне.

“Ого. Всё-таки открыли,” – подумал тут же. Для меня это действительно было чем-то довольно необычным, ибо после всего того сумбура, что произошёл сегодня, я никак не ожидал, что службы обслуживания Города всё же раскроют сточные фильтрующие люки на Третьем уровне, дабы жители и иных этажей получили небесную влагу – это, зачастую, мало кому нужно, но когда раннее утро, как сейчас, например, и народа мало снаружи домов, то

почему бы и нет, ведь запах асфальта после ливня нравится многим; а вообще невозможность скрыть Третий уровень от свергающейся сверху время от времени воды стало довольно приличной проблемой в рабочее время, которую заметили уже только после того, как отстроили главный рабочий район выше всех иных, потому теперь даже думали насчёт дополнительного брезента, дабы трудовые будни проходили без вмешательств погоды.

А что насчёт обслуживающих Город служб – им сейчас хватало дел: какие-то пожары снизу, разрушения в Институте, восстание поклонников редирума – всё это дела экстраординарные и вообще повергающие в панику, особенно последняя деталь, и работы обслуживающим организациям было немало. Но они, видимо, решили тут хоть как-то порадовать людей. Показать, что, мол, всё нормально, жизнь продолжается и ничего необычного не произошло, не волнуйтесь, всё нормально... Какая же противная издёвка, выполненная с гримасой простодушия и добра – всё это ложь. Хотя и приятная, потому как взаправду куда больше нравится человеку почувствовать среди железобетона и стекла хоть каплю, в прямом и переносном смысле, истинной природы, которую мы своим эго всё равно когда-нибудь уничтожим, ибо много делать и не умеем...

Сидеть на месте более сил не было. Я встал и подошел к окну, отворил верхнюю часть, – половина выпуклой “линзы” скрылась в верхней выемке в стене, – и, благо рост позволяет, высунул голову на свежий воздух.

Конечно, я утрирую и никаким здесь “свежим” он не был. Но этот, опять же, самообман был столь приятен, как и приятны были истинные покалывания капель дождя по темечку. Ветер “гулял” по комнате, тихо насвистывая свои песни. Тело, что уже довольно долго спало на моей кровати укутавшись в шерстяное одеяло, немного завозилось... Но не проснулась. Тогда я пытался найти отца. Нашел. Но вместе с ним нашел человека, которого найти не ожидал – Мишу. Оба были мертвы. Но рядом с моим другом, будто в рудиментарных объятьях, находилась ещё одна особа – живая. Выбор был быстрым и странным.

Где-то далеко было слышно, как обширными скатами по множественной системе водоотводов стекает с верхнего уровня огромный каскад дождевой воды, что теперь была предназначена для орошения полей рядом с Городом... Хоть что-то мы умели делать с пользой и для себя, и для природы.

Хотя, конечно, я просто занимаюсь самобичеванием и банально “дуюсь” на весь мир вокруг, ибо делать кое-что люди взаправду могут, притом могут это делать так, чтобы и им хорошо было, и месту, без которого они жить не могут, то есть Земле.

Но сейчас мой разум однозначно твердил мне, что всё плохо, что я должен чувствовать себя самым несчастным и вообще все вокруг – предатели и сумасшедшие, радостные кретины, никоим образом не понимающие моей боли. Но.. я не считал себя таковым. То есть, я не чувствовал в себе некой боли, или не чувствовал обширной обиды. Я вообще сейчас ничего не чувствовал. Это была сплошная апатия, которая лишь изредка прерывалась

кратковременной заинтересованностью – когда гидроматрас чуть подрагивал под движениями тела незнакомой мне девушки.

Закрыв окно, я усмехнулся про себя: я так давно не показывал своих искренних чувств, что уже почти забыл, каково это, взаправду испытывать сильные, мощные порывы.. не знаю, той же иллюзорной души, сердца. В общем, я был настолько далёк от такового всего, что прямо грустно немного от этого стало. Тогда я попытался вызвать в себе некую скорбь. Понять, в чём моя горечь и есть ли она вообще... Как-то не особо получилось: мне было наплевать на всё, и только когда незнакомка опять чуть подвинулась к краю, проснулось пресловутое вожделение вопросов, что стремились “сорвать” у меня с языка.

“Может разбудить всё-таки?” – вновь спросил я сам себя и опять отказался от этой затеи: в моральном плане она пережила куда больше меня, хоть видели мы явно одинаково. Но, уже по одному её состоянию, когда я впервые её увидел, было ясно, что ей подобное даётся куда труднее для осознания, потому я не хотел прекращать её, так сказать, восстановление как моральное, так и физическое... Да и вообще: мне нравится, как она спит.

С головы предсказуемо стекала вода, облагораживая до сего момента сухой паркет причудливыми рисунками, имеющими вытянутую форму: эти художественные произведения, что призваны были исчезнуть спустя пару минут, следовали за мной по пятам.

В комнате стало чуть холоднее. Но девушку, что сейчас лежала в моей постели, это не беспокоило. Как, собственно, и меня: терзания разума опьянили чувства, почему сейчас я крайне мало задумывался о том, насколько комфортно себя я ощущаю с физической стороны. Куда более меня интересовало моё внутреннее равновесие, или же уже не равновесие – я пытался в этом разобраться. Но получался сплошной форменный кавардак, ибо также хотелось уделить внимание своей бестактности касательно воспоминаний об умерших, ещё не давали покоя сокрытые от меня детали жизни людей, что я знал давно и что были мне, как теперь казалось, абсолютно незнакомы. К слову, именно ввиду последней детали сейчас в моей квартире и пребывал чужой человек.

В Институте всё происходило как-то необычно быстро. Словно не по настоящему, однако крики и суэта быстро отрезвили моё отношение к происходящему, почему, как мне после казалось, когда я искал хоть кого-то степенно мыслящего человека, а встречал лишь неясных полудурков, которые словно подрабатывали массовой в фильмах ⁵⁸**Ромеро**, я был единственным, кто сохранил рассудок... Вот в такие моменты мне более всего и нравилась своя привычка не показывать чувств: это даёт волю иному “органу” восприятия, который, как я думаю, гораздо важнее – рациональному мыслительному процессу.

Но, судя по всему, мой давний друг Миша, с которым я не так давно виделся в последний раз, так не думал. А иначе я не знаю, как объяснить, что он, будучи в рядах приверженцев редирума, ринулся на охрану Института с электро-дубинкой и шокером в руках, не обладая притом никакими

умениями... Хотя, они ведь не знали, что им уготована подобная встреча. Но вообще, что это за глупость: их культура подразумевает под собой совершенно иные взоры на мир. Да и вообще, какого черта?! Я даже не знал, что Миша вообще является одним из членов редирума, что ему импонируют эти взгляды и прочее... Нет, конечно мечты, в которых грезится род людской без воинов и прочего – это хорошо. Но это нереально! А может реально, просто я ничего не делаю? Но ведь вон, уже попытались сделать, притом способами, совершенно им не присущим! Значит ли это, что они сами сделались теми, против кого боролись?... Думаю, так и следует считать.

А против кого они боролись? Против моего отца. Они точно знали, куда им стремиться и что им уничтожить: они ведь так рвались не линчевать главу Института, они пытались достичь именно П.В.Н.Н., то есть, кто-то им сообщил об этом... Но кто.

О-ох, сколько вопросов и на них все ответы у этой девушки я однозначно не получу... Но хотя бы узнать, кто ей был Миша, давно ли он был в рядах “Возрождения” и с чего вдруг началось столь масштабное нападение на И.И.Н.И.М.П. – это я узнать, надеюсь, сумею.

А после уже буду решать, что же мне делать с делами отца... Эх, да, отец. Только сейчас я вспомнил про похороны. Ведь надо будет ещё всё организовать. Я задался вопросом: а нельзя ли, чтоб эту работу выполнили приближённые к нему люди с работы... Хотя, там кроме Аланы никто особо с ним дела и не вёл. Точнее, вели, но всё только “через” неё. Ох, надеюсь, она согласится проделать эту мороку вместо меня: сейчас, как мне казалось, было куда больше иных дел.

Когда я теперь получу собственный доступ к “Антенне” – не понятно. Когда вообще хоть кто-нибудь получит к ней доступ – не понятно. Теперь там всё окружено проверяющими комиссиями и стражами правопорядка. И так будет ещё некоторое время, хотя сам Прибор им никто осмотреть не даст – государственная тайна. Но причины смерти троих мужчин рядом с этим Прибором они всё равно выяснять будут – однозначно. Явно “спишут” на какую ерунду, потому оттуда мне правды не узнать: всё-таки отчего умер Миша – это личная тема.

Насчёт того, был ли там, то есть в Институте, Инаев в момент, когда происходила вакханалия – явно тоже умолчат. Да и он будет наверняка держать рот на замке: по крайней мере от того состояния, в котором я его наблюдал пред тем, как найти отца под завалом бетонного ограждения, что до рокового момента был над ним, Максим будет “отходить” долго – это я уверен. Он трус и наивный болван, пусть и с нелёгкой судьбой, но всё же.. потому много от него ожидать и не приходится.

А вот что же я? И что же эта девушка?

Я вынес её из Института как только прибыли основные наряды блюстителей закона: от лишних вопросов избавила пара охранников и известная в Институте фамилия – сообщил, что нашёл сотрудницу заведения без сознания. Ситуацию с одеждой разрешил, надев её же пуловер задом

наперёд, благо с иной стороны он был белым – девушка в черных штанах и белой водолазке является довольно обыденной вещью среди работников. Если бы выкинул хоть одну часть гардероба, то после её бы нашли и начались бы не нужные вопросы да поиски хозяйки – мне это не требовалось. Тогда мне лишь требовалось донести её до моего дома, что я с успехом сделал под предлогом личного знакомства и знания того, где находится её квартира: этого охранникам хватило, чтобы они, ссылаясь на мой эфемерный для меня статус, сумели “вывести” нас с незнакомкой за кордон оберегающих нас организаций, то бишь МЧС и прочих, а после, полностью доверяя моим словам, довести до собственного автомобиля...

Далее дело было за малым. И это малое было выполнено, кроме последнего пункта: пусть и грязные, но всё равно привлекательные чёрные волосы сейчас неряшливым сонмом раскинулись по подушке. Худые запястья выглядывали из-под одёжки. Лежа на левом боку девушка “открыла” мне для обзора лишь правую сторону лица. Но и этого профиля мне хватало для удовлетворения: мягкие черты её лица, аккуратный нос, пыльный невысокий лоб да серые от грязи губы, что таили в себе некоторые интересные мне тайны... Я не решался разбудить её, просто потому, что не хотел. Да и спустя ещё мгновение, которое я провёл вновь в кресле под звуки прекращающегося дождя, сие желание пропало: незнакомка просыпалась.

Глава 2:

Я ждал этого, причем ждал очень долго. Но как только наконец случилось то, что призвано было утолить моё ожидание, я, как не странно, оказался не готов. Я банально не знал, как мне реагировать и что теперь делать: она медленно открывала глаза и с каждой секундой я всё больше понимал, что вот сейчас она увидит меня, может испугается, может начнёт задавать вопросы, в любом случае я произведу на неё некое первое впечатление... Но я не мог осознать столь споро: я хочу, чтоб каким было это первое впечатление. Согласно моему каждодневному поведению, я вроде бы был абсолютно спокойно настроен касательно данной детали. Но вот, что неожиданно, с каждой промежуток времени пока медленно поднимались её веки, мне всё менее становилось наплевать на первичную оценку себя со стороны незнакомки и всё более хотелось сделать нечто, чтобы показать ей свой дружелюбный настрой, не вербально сообщить о стремлении помочь и начать разговор о вещах, явно интересующих нас обоих...

Но было поздно.

Сперва она посмотрела медленно вокруг. Поняла, что находится в некоем незнакомом месте, и тут же слегка привстала на локтях. Тогда её взор встретил мою фигуру, неподвижно, а внутри ещё словно и нерешительно, расположившуюся в кресле напротив.

В глазах не было какого-либо опасения за себя, она совершенно не устрашилась меня и, казалось, была также заинтересована. Но вот только чем... Спустя секунду я понял первый пункт её озадаченности: в глазах, что смотрели на меня и иногда осматривали комнату, мелькнул понятный, но не озвученный вопрос, который она лишь собиралась задать. Я же, приструнив в

себе до селе неведомые ощущения некой стеснённости, ответил на него ещё до того момента, как девушка произнесла первые слова:

– Ты у меня дома...

Я заметил, что незнакомка явно этого не ожидала, однако какого-либо смущения по сему поводу почти не выдала, далее продолжив внимательно рассматривать место, время от времени переводя взор на меня.

– Ага... – это было единственное, что хоть как-то выдало её реакцию на мою проницательность.

Вместе с тем, изучив ещё немного место своего нахождения, она, на секунду повернувшись ко мне и подозрительно состроив взгляд, спросила:

– А ты, тогда, кто?

Я должен был это предвидеть, но не предвидел. Но ответ на сей вопрос был готов в моём сознании уже давно, хотя, признаться, в последний момент я отчего-то захотел им пренебречь и сказать этой девушке правду, всё как есть. Но сумел сдержать себя в руках:

– Позволь, моё имя пока останется в тайне, – пытаюсь держаться как можно уверенней, что для меня было странно, ибо ранее я подобного некоего внутреннего дискомфорта не ощущал, я встал со стула и вновь прошёлся в сторону окна, уже собираясь с мыслями, дабы начать разговор на интересующие меня темы.

Но не успел:

– Угу... Хорошо, тогда как я здесь оказалась? – видимо, её абсолютно не смутило отсутствие ответа на прошлый вопрос.

Зато новое вопрошание смутило меня, почему я, чуть замедлившись как действиями, так и мыслями, повернулся к ней лицом и, недолго посмотрев на неё будто впервые, сказал первое, что пришло на ум... Очень неудачно сказал:

– Э-эм. Я тебя принёс, – глупо, очень глупо, ещё эти глаза бесцельно “бегавшие” по комнате однозначно выдавали тот факт, что в сей момент я ситуацией не владел.

– Ты меня принёс?... Из Института, насколько я понимаю, так?

Я неоднозначно скосил взгляд чуть вниз, не находясь, что ответить. Но этот жест и так всё красноречиво “сказал”.

– Мгх. Значит, так... – она внимательно осмотрела на меня с ног до головы, а затем заключила: – Особо потрёпанным ты не выглядишь, значит в нападении не участвовал. А как тебе удалось пронести незнакомую девушку с Третьего уровня на Второй мимо охраны и “Возрождения” я могу представить, но не утверждать...

Я обернулся. Из окна была видна платформа Третьего этажа – нетрудно догадаться, где мы находимся, ибо на Первом уровне рекламных интерактивных вывесок в разы больше, да и здания куда меньше, а сейчас я с ней находился на немалой высоте, не присущей этажу ниже... Она была не так проста, как я подозревал.

Я вновь обернулся посмотреть на неё и встретился с вопросительным взглядом, словно узнающим, интересно ли мне продолжение. Моё же тело, как и мозг, словно заиндевели, и глупый отвод глаз девушка восприняла по-своему.. хотя и довольно точно:

– Ну, я, по крайней мере, тебя не знаю. Хотя такое чувство, что где-то видела... Но, ты точно не просто прохожий: в Институте оставались лишь спецорганы и Алмыков, – я скопил неоднозначный взгляд, – ну, видела, я только это... Ты видимо, был среди них, но не вторым... Или вторым? – я взглянул на неё удивленно, вновь не находясь, что ответить: она распознавала меня словно простейшую программу распознают “кинестеты”. И от этого было более чем не по себе. – Иначе не могу объяснить, как ты оттуда выбрался. Разве что как раз дождался, пока всё закончится и после вынес меня из здания, избавляясь от ненужных вопросов своим именем.. для которого ты как-то слишком молод... Неужели фамилия? О, погоди, тогда все сходится, у него же сын есть.

Резко переведённый на неё удивлённый взгляд всё сказал за меня. Но теперь я больше не мог терпеть этого: я такого никак не ожидал и столь быстрое, почти завершённое, точное раскрытие моей личности уже начинало меня злить.

– Хах, значит, угадала. Ну что ж, тогда...

– Так! – я резко развернулся к ней, довольно сильно возвысив голос.

Она как-то словно расслабилась: всё ещё лежала под одеялом, вольготно расположившись на кровати и с грустью да неким будто вызовом и одновременно добродушием, которое обычно проявляют к малым детям, смотрела на меня, уперев левый локоть в матрас да расположив на нём весь вес своего тела.

– Ты издеваешься надо мной? – это прозвучало более чем просто глупо, но об этом я догадался лишь через секунду после того, как сказал: к лицу прильнула краска, а девушка немного, с оттенком не пропадающей грусти, улыбнулась.

Когда началось моё смущение, она начала говорить:

– Я всего лишь выясняю твоё имя. Надо же мне как-то тебя называть.. там, Саша, Матвей.. ⁵⁹**Измаил**, – при озвучивании сих слов, она вновь прекратила улыбаться, опять уступив место горечи в глазах и некой прагматичной незаинтересованности в действиях.

– Это не смешно... – мы простояли молча лишь мгновение, и за это время я не нашёл ничего лучшего сказать, нежели то, что всё-таки вырвалось из моего рта – глупая, беспочвенная укоризна в её сторону.

– А похоже, что я шучу? – она была настроена серьёзно да и вела себя довольно уверенно.

Смотря в печальные, но жесткие и будто бы обыденно верующие в нечто возвышенное очи, я прочистил горло да, опять постаравшись взять себя в руки, сказал как можно более ровным тоном:

– Я хочу задать тебе некоторые вопросы...

– Я тоже... – вновь вызов в глазах. Но на сей раз я не смутился, однако как и ранее проиграл: – Уступишь девушке? – и, не дожидаясь ответа, свесила с кровати свои ноги, освободившись от одеяла, да продолжила, положив локти на бёдра и скрестив пальцы внизу, вместе с тем держа спину ровно и сама держась совершенно спокойно: – Алмыков-младший, я так поняла... Извини, не знаю твоего имени. В общем.. что я здесь делаю?

Мысленно похвалив её способности к дедукции, которые были у неё от природы или обузданы благодаря бессмертным стараниям фантазии ⁶⁰**Конана Дойля**, что вероятнее всего, я понял: строить здесь комедию и пытаться повернуть разговор в то русло, в коем я собирался его вести изначально – бессмысленно впредь. Потому я начал следовать течению, подозревая, что в конечном итоге наши главенствующие интересы совпадают.

– Ну-у... По сути, ты здесь, чтобы ответить на Мои вопросы, – я вновь был спокоен и теперь воспринимал девушку как однозначно стоящего компаньона в беседе, который обо мне знал недопустимо много, а я о нём – ничего...

– Это я поняла, – не оценив мой деловой тон и настрой, собеседница продолжала с нескрываемой словно на физическом уровне печалью глядеть на меня, пытаюсь будто путём внутренней борьбы выявить, какой лучше задать следующий вопрос.

Их у неё однозначно было немало, но вот ответы на некоторые она точно хотела узнать быстрее. В иных же случаях – иначе. Посему поразмышляв где-то с полминуты, что было недопустительно долго в той ситуации, в которой она находилась, притом не зная об этом, молодая особа всё-таки спросила:

– Ты меня не понял... Почему ты именно меня сюда притащил? – не было похоже, чтобы она хотела уйти отсюда: для неё я – враг, наверняка, и вот так вот разузнать всё, к чему долго стремился – удача.

О дальнейшей своей судьбе она, видимо, не беспокоилась: ей просто были нужны ответы, а то, что будет с ней после их получения, девушку не волновало – это было заметно лишь по одному её внимательному, но потерявшему всякую веру взгляду, который словно по инерции наполнился

некой фальшивой возвышенностью, которую я заметил и раньше, но вот стал воспринимать чуть иначе.

– В Институте ты лежала рядом с моим очень хорошим другом, вот я и решил узнать, что...

– Ты знаешь Мишу?! – она тут же оживилась.

Необходимая связь была найдена, и я тут же схватил “ниточку”:

– Да, только он мне никогда не говорил, что придерживается взглядов редирума.

– А мне он никогда не говорил, что его друг – сын главного человека И.И.Н.И.М.П. – она с подозрением посмотрела на меня, всё ещё не веря.

– Видимо, мы мало о нём знали, – серьёзно, но со случайно проскользнувшей искренней да неожиданной ноткой грусти, проговорил я, пытаюсь немного развеять её опасения.

– А может мы как раз знаем о нём всё, лишь в половинчатой форме? – чуть улыбнувшись и с некой будто ностальгией посмотрев вниз, произнесла девушка, уверяя меня в том, что моя попытка лучшего контакта увенчалась успехом. – А кстати, – глаза вновь поднялись на меня и занялись интересом, – как он?

– Он мёртв, – обыденная констатация факта, от которой самому было тяжело, но виду я показать не мог... не был способен.

А вот девушка способна была: глаза резко расширились, лицо побледнело, правая скула еле задергалась, губы чуть задрожали, руки тоже, её понемногу всю начинало трясти...

– О чём ты? – чувства распылялись в ней всё больше: она помнила события в Институте и последние мгновения своего пребывания там в сознании, посему подобная мысль явно где-то на краю разума буравила мозг, но получить столь холодное её подтверждение. Оно не могла поверить, а точнее – отказывалась: – Ты-ы.. что имеешь в виду? Ты врёшь, да? Ты просто врёшь! Какой ты ему друг?! Ну?! Какой ещё к чёрту друг?! – она встала с кровати и теперь, держась на расстоянии словно хищный зверь, ходила рядом с моим креслом, на котором, положив предплечья около колен, ссутулившись, сидел я, следя за бурной реакцией исподлобья. – Притащил меня сюда, хрен знает зачем! Ну, давай! Ничего ты не узнаешь, понял?! И твой отец ничего не узнает от меня! Это он всё, я знаю, он! Ну, зови его, что ты! Давай! Хватит уже в игры...

– И он тоже мёртв, – мой спокойный голос заставил её запнуться на полуслове.

Она смотрела мне в глаза и не могла обнаружить в них так желанной для неё лжи... Но в то же время она, глядя на моё спокойствие, никак не могла согласиться с тем мнением, что всё выше сказанное – правда.

Стоя на месте, сложилось на секунду такое впечатление, что она просто физически не может пошевелиться, она, сглотнув и что-то обдумав, попеременно бросая взор то на меня, то вниз, чуть волнуясь, спросила заикаясь:

– То есть?

– То и есть. Его завалило рухнувшей частью потолка...

– Но... Ведь это он.. Мишу...

– Да, я знаю, – это было понятно, ибо единственный человек, у которого в тот момент было огнестрельное оружие во всём Институте – мой отец.

А у моего друга была именно такая рана, притом не совместимая с жизнью: большой калибр, пробито лёгкое – это страшно, непривычно, очень неприятно и явно неопишимо больно, хоть и недолго. Меня передёрнуло при воспоминании о лице друга, но девушка моих еле заметных спазмов ввиду холода, пробежавшего по спине, не заметила.

Незнакомка, коей она до сих пор для меня оставалась, удивлённо, словно находясь на перепутье, смотрела на меня. А затем, решив нечто, скривилась и, начав плакать, прикрыла рот рукой и с укоризной попыталась сказать:

– И ты... Ты так это... Это... – она не закончила.

Прерываясь на резкие вдохи-выдохи, она быстро переходила на сильные, полные отчаяния рыдания, вместе с тем пятясь назад. Когда же возможности хоть что-то сказать уже не было, ввиду обилия слёз и чувств, бурлящих внутри, она инерционно сделала то, что, как я предполагал, сделает сразу, как только проснётся: пошла к первой видимой двери, ведущей из комнаты, явно чтобы найти путь вон из этой квартиры.

– Не советую тебе так реагировать. Ты ещё не в том состоянии... – по иронии судьбы, я также не сумел договорить: девушка упала лицом вниз на пол, словно подкошенная, как только обошла кровать.

Глава 3:

На сей раз я разбудил её довольно скоро: сил она набралась ранее, а этот инцидент – просто ожидаемая реакция организма на излишнее волнение и прочие детонации совмещающихся химических элементов. Так что теперь долго ждать я не стал, а сразу сходил в ванную комнату, нашёл бессмертный нашатырный спирт и подсунул его под носом незнакомке, заранее перевернув ту на спину. Действие, как и десятки лет назад, данная бытовая вещь произвела мгновенный.

Резко поднявшись половиной тела, девушка некоторое время откашливалась, пытаясь словно проветрить лёгкие и выгнать из организма пары столь неприятно пахнущего вещества. Получилось или нет – я не знаю. Но когда она подняла лицо ко мне, я увидел всё столь же грязный лик, обрамлённый в рамку из растрепавшихся, пыльных волос. И на этом фоне особенно красноречиво выглядели красные, влажные глаза, источающие не

столь просьбу, сколько мольбу сказать, что всё ранее озвученное – не правда. Она явно помнила наш разговор и до сих пор отказывалась верить.

И пусть на мгновение мне действительно захотелось её успокоить и поклясться, что я просто ошибся и ничего не было, вместо того я сунул под нос сидящей на полу девушке планшетный экран, вольготно проговорив:

– Вот, почитай, – она медленно, будто нехотя, впервые видя это нечто, взяла в руки крайне распространённую вещь и также медленно, то смотря на меня, то на экран, начала читать – аффект: – Это пока самое информативное, что я смог найти.

Последние слова я сказал, когда отошёл обратно в ванную, занести спирт. Статья **“Жыццё Сегодня”** – была взаправду пока самым содержательным чтивом, наверное, во всём интернете для тех, кто желал хоть что-то узнать об инциденте на И.И.Н.И.М.П. Конечно, там также освещалось крайне мало – не было сказано ни слова о нарядах правоохранительных органов, присланных на подмогу. Газета, стоявшая на стороне культуры редирума, понятно, умалчивала о том, что нападавшими были привержинцы сего общественного движения. Более сотни представителей “Возрождения” назвали просто небольшой кучкой вандалов, которых сейчас полно на улицах – и всё. Притом как они проникли, как на кого нападали и кто как защищался – опять же ничего не сказано. Зато об успешно проведённой эвакуации сообщили, так же, как и о жертвах, что меня лично очень удивило. Притом число назвали, опять же, действительное – трое человек. И одним из них был мой отец, двое других – неизвестные нападавшие, “чья личность устанавливается”...

Я вернулся в комнату. Девушка сидела всё в том же положение, отсутствующим взглядом смотря чуть в сторону. Но, услышав мои шаги, она тут же подняла сбоку лежащий экран и, попытавшись встать, протянула его мне... Подняться у неё не вышло, но ЭкПЭл я выхватить успел, чуть даже с грустью посмотрев на пока ещё не до конца пришедшую в себя незнакомку, которая расположилась на полу в прежней сидячей позе, вместе с тем смотря на меня в с прежней же грустью.

– А кто третий? – неожиданно для меня спросила она, хоть глаза её не предвещали вопроса...

– Что?

– Там было сказано о трёх жертвах... Кто третий?

Я попытался вспомнить, кидая экран на кровать. Я видел его: сидел, привалившись спиной к правой стене и пустым взором смотря в никуда. Довольно могучее тело, лысая голова и запоминающаяся аккуратная борода – это выдавало в нём сильного мужчину. И оттого особенно было странно, что умер он ещё до моего прихода от простреленной печени... Хотя, возможно, там нечто и серьёзней задело, но окровавленная рука безвольно лежала именно на этом повреждённом органе.

– Не знаю. Мужик какой-то... Из “ваших”, – последнее я добавил, упомнив его черную одежду.

– Как он выглядел?... – она смотрела в никуда опять же неким отсутствующим взором, и притом её лицо как-то преобразовывалось: на этих словах губы дрогнули, весь лик принял на секунду гримасу, будто в рот попало нечто нестерпимо кислое, она была на пороге очередного слезного самобичевания и к чему-то себя уже готовила, притом на надеясь на иной исход...

Я же не таился, говоря всё, как помнил:

– Ну, здоровый такой, голова лысая, борода... – я был повернут к ней боком, ибо застыл в этой позе с той секунды, как небрежно положил ЭкПЭл на матрас, а в сей момент ещё вместо того, чтобы смотреть на девушку, глядел вниз, вспоминая подробности.

Но первых слов хватило, чтобы незнакомка вдруг истошно, со всей неопишуемой сердечной болью закричала, повалившись обратно на спину – этот-то момент я пропустил.

Задёргав руками и ногами в некоем подобии агонии, она сумасшедшим криком оповещала округу о своём горе, притом вырывая себе волосы и заливаясь слезами, вперемешку с соплями – неприятное и довольно жуткое зрелище, особенно коль учесть его внезапность, но я всё равно продолжал сохранять спокойствие, просто смотря на сие безумство, вызванное вполне нормальными людскими чувствами.

⁶¹**“Мы – заложники своих чувств”** – вспомнилась вдруг мне фраза, или где-то услышанная, или прочитанная давным-давно. Само произведение я не сумел запомнить, а вот сие заключение “вгрызлось” мне в память основательно, ибо его подтверждения я наблюдал часто и в большинстве не в лучших проявлениях.

“Видимо, этот человек был ей дорог... Может, тоже отец?” – подумал я, спустя десять минут непрекращающихся горестных конвульсий и визга сядясь в кресло. Она сама уже устала, потому почти что вновь в беспмятстве немного двигала руками да ногами, вместе с тем не столько ное, сколько глупо мыча, пытаясь раз за разом выговорить неподатливое “Нет”. Опять-таки, пусть времени было мало, но я не мог и не хотел её винить, пусть и зрелище было более чем жалким.

Прошло ещё минут пятнадцать.

Я устал слушать монотонные звуки внутренней гибели и душевных терзаний. Но и они громче, благо, не становились. Я уверен, что это лишь временное, ибо через какой час, когда она вновь наберётся сил, боль опять даст о себе знать и всё начнётся с самого начала. Но также я надеялся, что уже при повторном процессе мне присутствовать не надо будет. Главное – “словить” момент, когда к ней всё-таки можно будет обратиться с просьбой, а там – будь что будет.

Хотя, кого я обманываю? Она сейчас не в состоянии мыслить... А может, это и на руку мне – точно согласится. Но ведь мне не столько согласие требуется, сколько однозначное выполнение того, так сказать, задания, которое я собирался дать сей особе женского пола.

И вот когда я уже решил, что всё – пора. Девушка вновь меня поразила неожиданным, во многом непонятным вопросом, который словно уличал меня в некоем непотребстве, особенно этой нотки ему добавлял голос, – бесконечно слабый и печальный, – которым через силу было произнесено лишь одно слово:

– Как?...

– Что?... – искренне не понял я.

– Как?... Ты можешь быть таким спокойным?... – она говорила медленно, прерываясь на вдохи и выдохи, пытаясь вновь не зарыдать.

– А что мне остаётся? – дурак, я сказал то, что первым пришло на ум и было, по сути правдой.. но правда не всегда полезна.

– Что?... Аха-а-а... – это был не смех, а некая пародия на него, выполненная в реалии слёз: наполненная безысходностью и бессмысленностью. – Ты вообще не понимаешь... Что произошло? – я молчал, понимая, что сейчас явно настало время выговориться, видимо, в очередной раз. – Трое людей мертвы, твой отец умер и вообще мир вокруг погибает из-за того, что ваша чертова организация себе на радость обманывает обычных граждан... Кто виноват в этом? Почему творится такое безумие? Почему мертвы Миша с Казимиром, а?... Я могу тебе сказать... И если этот ответ будет верен не для всех вопросов, то для двух из них – точно: в этом виноват твой отец. Да-а, Алмыков, а ты... Я не знаю... Чего ты добиваешься, чего ты хо...

Я не дал ей закончить: уже на середине сего монолога я понял, к чему она ведёт, однако дал ей закончить – зря. Редко меня удаётся разозлить, заставить испытать гнев и тому подобное... Но этим бредом полусумасшедшей, коим предстаёт каждый человек на пике своих эмоций, девушка смогла устроить себе незабываемое зрелище, в котором однозначно увидела и услышала меня, пребывающего вне себя.

Спустя некоторое время с того момента, как она начала говорить, я встал со стула. Когда заканчивала, я был у стола на кухне. Посему последнюю её фразу я оборвал зычным ударом о твёрдую поверхность, тут же “ответившей” мне болью в руке, которую я не почувствовал, ибо теперь сам представлял из себя того самого полусумасшедшего:

– Заткнись! Слышишь?! Заткнись, я тебе говорю! И даже не смей мне говорить, какой я подлец и бесчувственная тварь! Поняла?! Я в этой грёбанной херне отца и лучшего друга потерял, дура! Слышишь?! Отца и друга, у которого одна мать осталась! И если я не хнычу как ты, разлегшись по полу, то это не значит, что мне, бля*, легко! Может я уже всё принял! Или может я просто не привык всем на обозрение давать понять, как же мне, сука, плохо! А-а?! Не подумала?! Ты – великий моралист?! Кому ты будешь

говорить об этой чертовой морали, мне?! Ну давай, расскажи! Я послушаю, с удовольствием послушаю как вы, бля*ь, всей грёбанной гурьбой двинулись на чертов Институт! И все, как один, сука, моралисты! Все прославляют мир, добро и прочую херню! Но вот тут что-то не заладилось, да?! Что, другие люди по собственной воле вашу культуру принимать не захотели, ⁶²**тевтонцы** хреновы?! Так вы решили иной стратегией воспользоваться, да?! Слова и взывания к толпе дубинками и шокерами заменить?! Умно, бля*ь, пиз*ец как умно! Я бы похлопал этой грёбанной морали, если бы, сука, она была моралью! Только это ни хрена не так! Я ведь прав, да?! Это ведь круто: назвать себя поклонником, или кто вы там, редирума, а потом выкинуть из головы принципы этого мировоззрения во славу своих целей, а затем всё равно говорить, что виноват не ты, а кто-то другой, когда этот, сука, кто-то другой бы и не действовал так, как он действовал, если бы ты, бля*ь, не действовал так, как ты, сука, действовал, мать твою!!! – последнюю фразу я говорил чуть ли не подсакивая на месте, раздельно и с ударением на каждом слове.

До сего же момента я ходил вокруг неё, глупо, но явно страшно, выпучив глаза и, притом направив указательный палец на неё, гневно, громко говорил сию тираду, которую девушка слышала с действительным выражением ужаса на заплаканном лице: она подобного не ожидала, потому даже поднялась, упёршись руками в пол, и так и застыла в этой позе, с опаской и страхом следя за мной.

Я же, дав волю чувствам, начал успокаиваться и, прерывисто дыша, медленно, разделено говорил, направляясь к креслу:

– И вообще, прекращай уже.. *это*. Научно доказано, что.. “душевная боль”, длится лишь двенадцать минут, а всё остальное – самообман. Да и если ищешь.. кого обвинить, то ищи глубже, дорогуша, – я повалился в кресло, смотря в противоположную от незнакомки сторону. – То, что произошло, произошло по вине множества народа, и смерть Миши – в том числе. Справедливость – штука многогранная, и на толпу людей она может быть возложена также легко, как и на одного человека... А говорить, что я бесчувственная тварь – глупо. Хотя бы потому, что меня ты абсолютно не знаешь...

Я не поворачивался. Ждал я реакции? Нет. Скорее я просто отдыхал.

Но реакцию я всё-таки получил:

– Алина... Меня зовут Алина, – я не отвечал, прекрасно сразу же поняв, что она решила всё же наконец представиться.

Красивое имя, ничего не сказать. Мне даже стало приятно, что моя речь принесла свои плоды, производя должное впечатление: она была всё столь же грустна, но теперь хотя бы спокойна.

– Ты хотел меня о чём-то спросить...

Я решил не терять возможности, всё ещё не поворачивая головы задав вопрос:

– Почему вы это сделали... Ну, я имею ввиду, напали на Институт, – жест рукой красноречиво передал моё стремление объяснить суть своего интереса, притом голос же теперь был настроен на чистейшее сотрудничество. – Это ведь.. не в Вашем стиле.

– Казимиру кто-то передал, что необходимо захватить Третий уровень Института, мол, там как-то людей обманом заставляют всю эту революцию поддерживать... Я толком не поняла, но правда обещала открыться очень скоро... Видимо, хех, на многое надеялась.

“Вот оно, значит, что. Получается, что не только Совранов может дать информацию об “Антенне”. Видимо, у кого-то ещё “зуб” на И.И.Н.И.М.П. Но у кого? Хотя... О чём это я – таких много, но все они или в психбольницах или в тюрьмах или вовсе под землёй. Лишь Никодим сумел договориться о компромиссе из-за своего авторитета... Тогда, получается, что и он как-то связан с редирумом... Или с этим Казимиром?” – все эти мысли бурей пронесли у меня в голове, явив ещё дополнительную пищу для раздумий. Однако вслух я сказал лишь одно, понимая улыбнувшись и повернувшись к не поменявшей позу девушке:

– Хах, вот оно что, понятно... – Конечно, было трудно воздержаться от комментария касательно глупости подобной затеи, где надо пойти ⁶³“туда, не знаю куда” за тем ⁶⁴“чего на белом свете – вообще – не может быть”... Полная ересь.

Но я сумел, вместо того сказав то, что считал действительно важным, ибо времени оставалось мало, а действовать начинать надо было давно:

– Вообще, Алина, я хочу тебе кое-что предложить...

В глазах девушки, что всё ещё смотрели вниз, я заметил сверкнувшее опасение, перемежённое с интересом.

Глава 4:

Очи, всё ещё красные, медленно поднялись на меня. В них я видел и нежелание слышать то, что я скажу далее, и одновременную просьбу как раз явить ей на суд свою просьбу. Такое откровенно странное соотношение, которое можно сравнить с тем, когда в школе или в институте по списку читает преподаватель важные для дальнейшего течения учебы баллы, и тебе одновременно не хочется услышать свой результат, и крайне желается его узнать.

– Ты с какого уровня? – решил начать я немного с далека.

Секунда на понимание вопроса:

– С Первого...

Лучшего я и желать не мог:

– Отлично, – я откровенно дал понять не только голосом, но и мимикой да телодвижениями, что сие стечение обстоятельств по мне, чуть улыбнувшись

и откинувшись в кресле. – Алина, мне нужно, чтобы ты передала одному человеку мою записку. Этот человек тоже живёт на Первом уровне, но, – предвкушая её возможный вопрос, я ответил заранее, – я с ним увижусь не могу, потому как он один из противников Института, а за мной сейчас ввиду последних событий будут пристально наблюдать – в этом я уверен, да и ты должна понимать, почему...

Ей потребовалось немного времени, чтобы осознать сказанное: она крайне умная девушка, это было ясно сразу, а сейчас разум был просто затуманен горем, посему и приходилось выдерживать явно для неё, как и для меня, непривычные паузы. Но далее заинтересовалась касательно примечательной детали, по поводу которой на данный момент я был уже и не уверен, ибо слишком много времени прошло:

– Ага, поняла... Но, в таком случае, если за тобой следят, то с чего ты решил, что за нами сейчас никто не наблюдает?

– Я не решил, я только предполагаю: вы устроили слишком большой переполох и на нормализацию последствий от него понадобится некоторое время. И я лишь надеюсь, что это время ещё не вышло.

– Ух ты, то есть ты просто веришь, что Им пока что не до тебя?

– Да.

– Внушает доверие, – это была откровенная издёвка, сарказм, который я оценил, несмотря на его простоту: перенесла травму она лучше, чем я предполагал буквально недавно, и теперь явила мне ту самую непредсказуемо сильную особу, с которой я вёл диалог вначале знакомства.

– Это всё, что от меня зависит. Так ты поможешь?

Недолго думая она ответила вопросом на вопрос:

– А зачем тебе надо передать это письмо? Что это.. за человек? Что он сделал Институту?

– Он тот, кто как раз изобрёл метод обмана людей... – Я лишь мгновение подождал реакции: глаза раскрылись во всю ширь, она почувствовала, что вновь “схватила” ту ниточку, которую, как считала, уже упустила. Но нет, теперь стало ясно, что не всё потеряно, вот только моя роль ей опять казалась неясной, ибо во взоре проскользнуло недоверие, мол, а может этот человек враг, ведь он изобретатель технологии, тогда, может, и ты враг. Я поспешил продолжить, дабы всё объяснить: – И теперь он хочет всё исправить. Понимаешь, по сути мы с тобой боремся за одно дело, вот только я к нему подошёл с большим умом.

От такой наглой эгомании Алина даже ухмыльнулась и, медленно подымаясь, задала ещё вопрос:

– Почему же тогда этот Кто-то раньше всё не исправил?

– Его выгнали из Института под, так сказать, расписку о безопасности. Потому сообщать никому ничего он не мог. Но не выдержал и сообщил как-то раз мне. Потом попал впросак, как и я. Его посадили, я же “втерся” отцу в доверие и сумел отговорить от расплаты с этим человеком, кстати, его зовут Никодим Павлович. Ну, вот его недавно выпустили, но с ним увидеться я, увы, не могу. Потому и прошу тебя...

– О. А ты, оказывается, верный союзник... Никогда бы не подумала, – она села напротив, на кровать, и с секунду смотрела на меня с подозрением.

Мне, честно, это показалось странным и тогда я опять спросил напрямую:

– Так ты поможешь?

Её глаза тут же “потеряли” прищур, взор скоился вниз. Немного раздумий и потом, с подспудным взглядом лучистых и всё равно добродушных очей, она серьёзно спросила меня опять насущный вопрос, но теперь одновременно давая понять свою позицию:

– Как мне потом передать тебе ответ?

– Оставишь мне свой адрес, я завтра заеду за ним, заодно тебе пропуск передам, – я встал со стула, дабы пройти за письмом.

– Какой пропуск?

– Ты теперь – мой личный секретарь. Не против? – я обернулся на ходу, дабы узнать её реакцию.

– Не поняла, – на лице читалась искренняя неопределённость: она “разрывалась” между думами о том, что всё мною сказанное – шутка, и о том, что я сказал правду.

– Как по-твоему я сумел избежать ненужных вопросов, когда тебя из Института вынес? Ты, кстати, почти все правильно сперва сказала...

И тут она догадалась, к чему я клоню. Посмотрела на меня, требуя продолжения. Я удовлетворил недолгое ожидание, уже стоя у стола на кухне над запиской, но не торопясь её передавать, ибо следовало кое-что ещё обсудить:

– Если что, я принял тебя на работу ещё два дня назад. Просто не успел занести в список сотрудников, договорились?

– Это если будут спрашивать?

– Верно.

– Ещё мне что-нибудь нужно знать?

– Только то, что зарплата небольшая, – я попытался отшутиться, и Алина это оценила, чуть приподняв краешек губ, но это была истинная эмоция, что означало, что даже в такой час у меня получилось поднять ей настроение –

это даже меня обрадовало: – Разве что, кое-что мне нужно знать... Где ты учишься, или работаешь?

– Б.Г.И.Т.И.И. “Компьютеризированные био-системы”, третий курс, – в её очах, что всё ещё, будто изучая, смотрели на меня, на краткое время отображалось то недоверие, то чувство, ему противоположное.

– Ага, значит искусственный интеллект – неплохо. Ну, тогда, получается сейчас ты просто на подработке.

Я улыбнулся ей, она отреагировала ортодоксально моему “жесту”, опять немного усмехнувшись.

– Хотя сама этого и не ожидала.

– Ну, я же говорю, зато подзаработаешь... – Я уже собрался взяться за письмо, как Алина задала ещё вопрос.

Он был не столько важным, сколько просто вызванный любопытством:

– А пропуск, получается, ты сейчас мне сам будешь делать?

– Хах, если бы. Его уже делают: я когда тебя выносил, в суматохе это охране поручил, они там уже разберутся, что кому передать... Если что – не волнуйся. Всё равно я скоро свяжусь, узнаю, как идёт над этим работа.

– Ага... И что я смогу делать с этим пропуском?

– Попасть ко мне на Второй уровень или в Институт. В общем: быть там, где буду я.

– О как, то есть он нужен для того, чтобы мы могли чаще видеться в любой ситуации – это твоя цель?

– По сути – да, – я не стал отрицать, лишь пожав плечами рук, что сейчас были упёрты в столешницу: девушка же стояла напротив, всё ещё будучи в моей комнате, и, понимая, что вскоре пойдёт отсюда, пыталась упомянуть все вопросы, что её волновали да задать их мне.

Оно и правильно.

– О, а ты серьёзно настроен, – я вновь устало пожал плечами, так как я взаправду устал, но Алина этого не заметила, всё ещё блуждая в своих мыслях, “вылавливая” из них необходимые ей вопросы. – Но в таком случае, выходит, встреч намечается много... Так?

– Чем меньше – тем лучше, – спокойно ответил я, смотря на всё ещё не причёсанную и немытую девушку.

Она украдкой взглянула на меня и взглядом дала понять, что поняла суть моих слов, но я автоматически, не ожидая в априори, что суть моего изречения она осознает, пояснил:

– Дело быстрее будет сделано, – глупая улыбка, обнажающая мои извинения за бестактность, появилась на губах, уступая место небольшому..

стеснению, что ли: мне словно стало взаправду стыдно, что я не оценил её способностей.

Проницательная же знакомая ответила:

– Я поняла. Так, а вот что ещё: смогу ли я прочесть, что написано в письме, когда получу его?

Это был примечательный вопрос, который и стоило ожидать, но отчего-то я ему всё равно удивился и словно был не готов. Хотя нашёлся довольно быстро, просто констатировав:

– Ха, не доверяешь...

– Как же я могу доверять?

– Ну... Хотя, правильно. Нет, можно конечно, мне только важно, чтобы письмо всё-таки было доставлено и не изменено по пути, – я посмотрел Алине в глаза.

– А что в противном случае? – она поняла серьёзность моей просьбы и вопрос сей был отнюдь не игрив.

– В противном же случае мне не составит особого труда убедить охрану, что я спутал недавно принятую на работу секретаршу с одной девушкой из “Возрождения”, которая участвовала в нападении на Институт. Не веришь?

– Да ты на шутника не очень похож... – данная фраза мне даже польстила, хоть одновременно вновь словно оттолкнула от меня эту девушку, что оставило некий ранее не ощущаемый мною “отпечаток”.

Потому я попытался сразу наладить ранее уже настроенную “связь”:

– Ну, вот и отлично. Тогда, – я поискал ручку в кармане, нашёл, – оставь мне свой адрес, пожалуйста, листок сзади, у кровати, – она взяла ручку и пошла к небольшому клочку бумаги, что лежал прямо на уровне подушек на матрасе.
– Я завтра приеду.

– Во сколько? – не отрывая взгляда и выводя улицу, дом и квартиру, спросила Алина.

Я же в этот момент, взяв карандаш из другого кармана, дописывал пару строчек в письме лично для Никодима. Информации там было немного, потому сообразить и тут же ответить я сумел:

– С утра где-то... В восемь нормально?

– Да, – она взяла обрывок листа и передала мне, я же обменял его на письмо, которое она сразу схватила и, направившись к двери из комнаты, продолжила разговор: – Выходит, лучше, чтобы сегодня я обратилась к этому, Никодиму, так? А его адрес ты указал?

– Да, всё нормально. Конечно, лучше сегодня, – она свободно шла по коридору, словно была у меня дома уже не раз.

Выход из квартиры находился недалеко от моей комнаты и, на моё удивление, она быстро поняла, какая дверь – нужная. Остановившись у неё, она повернулась ко мне и, словно пытаясь понять, хочу ли я что-нибудь ещё сказать ей, всё ещё мокрыми и красными, но всё-таки добрыми глазами посмотрела на меня. После же небольшой паузы, в которой я терялся взором, “прыгая” глазами вокруг её лица, будто боясь взглянуть на саму Алину, девушка сама сказала то, что было довольно бессмысленным, но для неё, наверное, важным, а потому стало важным и для меня:

– Выходит, я теперь, как таковой, посредник?

– Ха. Выходит, что так. Ну, должно же быть что-то, ⁶⁵**между умом и сердцем**, – я немного улыбнулся.

– Не поняла, – на её же губах выступила ухмылка искреннего вопроса, вызванного не конечным осознанием сказанных мною слов.

– Ай, это я так, – решил я не объяснять, махнув рукой.

– Ясно, ну тогда до завтра, – она, надев ботинки, открыла дверь и тут же зашла в лифт, кивнув на прощание.

– До завтра, – сказал я после кивка, уже когда дверь была закрыта.

Идя к своей кровати ради того, чтобы отдохнуть впервые за довольно долгое время, я улыбнулся, вспомнив, что Алина так и не заметила, как я передел на ней свитер задом наперёд.

Посреди дня я проснулся оттого, что на телефон пришло некое сообщение. Пребывая в некоем ещё сладостном сне, который тут же забылся, я прочитал текст, что был на невероятно ярком для моих глаз в сей момент экране. Толком я не сумел разобрать все слова, лишь понял: сообщения было два, в одном меня просили завтра явиться в девять часов на похороны отца, в другом – в то же время, но на похороны Миши. Это заставило мой разум очнуться.

Куда я пойду в эти треклятые девять часов, я сам для себя понял сразу. А ещё через мгновение, когда я отключил телефон и вновь приготовился лечь спать дальше, я понял, что подушка, на которую я опирался локтём при просмотре присланного мне текста, и на которой во сне находилась моя голова, была полностью мокрой.

DEVELOPMENT 2...

Часть Четвёртая:

Тот же день. Полдень.

Глава 1:

“*Чаму Чаму мы павінны пакутаваць ?!” – стучали набатом в сознании девочки слова, недавно слышанные ею.

*(перевод) Почему... Почему мы должны страдать?!

Она лежала на кровати в чужой квартире в тёмной комнате, где пахло словно неким застоем, некой остановленной жизнью... Будто у старых людей, редко выходящих на улицу. Но обстановка вокруг была совершенно не потакаяющая такой ассоциации, строящейся благодаря запаху, создающем эти самые ассоциативные образы, ведь на самом деле и запаха-то такового в природе нет – это лишь люди придумали. Они многое придумали. И многое из придуманного им не нравится – например политика... Ведь, насколько поняла Инна уже давно, именно из-за неё сейчас вся сумятица. Из-за неё она пережила самые неприятные, жуткие и опустошающие минуты в своей жизни, которые растянулись вечностью и продолжались по сей час...

Или не из-за неё? Может, это нечто иное. Может, проблема глубже. Не в том, что некоторые люди хотят управлять так, а иные – иначе. Но тогда почему? Может, как раз в этом вожделении, в этой не стабильности людских потребностей? Получается, что в самой сущности человека и есть его беда?... Выходит, что да – так и есть.

Но коль ещё шире посмотреть на данный вопрос, немного перевести свой взор с неких эфемерных мер людских грёз и присмотреться к их источнику – самому человеку. Ведь это он – кладёшь всего того, почему случаются войны, бойни, конфликты. Ведь он правитель и он управляемый... Он – собственная беда, собственная гордость и печаль. Тогда выходит, что на вопрос того мужчины, что сгорел на глазах у многоликой и в то же время беспросветно безликой толпы, есть один ответ: потому что так хочет Человек.

Так хочешь ты сам... Или нет...

Инна спросила себя, следя за медленно исчезающей тенью от яркой рекламы, которое отображалась на потолке комнаты лишь неровными линиями, проникнувшими через жалюзи выпуклых окон, хочет ли она той боли, что чувствует сейчас... Что странно, ответа в себе она не могла найти. Пыталась, но не могла. Её чувства притупились, она впала в безэмоциональную депрессию, что захватила и внутреннее строение организма: по крайней мере, девочке так показалось, ибо на секунду ей совершенно чётко почудилось, словно сердце перестало биться в левой части груди.

Но морок касательно жизнеспособности внутренней системы очень вскоре исчез, когда вновь единственным звуком в пустой комнате Инна расслышала биение собственной мышцы, что перегоняла кровь, выпустила небольшой поток углекислого газа из лёгких и затем на мгновение вновь вернулась в прежнее состояние, в то былое, будто такое давнишнее время, когда она была действительно живой. Но вот воспоминания, чувства, голоса прожитых часов захлестнули неподготовленный разум и она снова лежала, слыша лишь

то, что шептали ей воспоминания в её голове, не ощущая потребности ни в чём, кроме одного: разобраться, что же не так с ней, с иными людьми, с миром вокруг... То, что будет дальше – её не волновало.

Кажется, кроме вопроса, столь важного для Инны в сей момент, её взаправду больше ничего не волновало. Сама того не понимая, девочка отдалась во власть абсолютнейшей, чистейшей апатии, всепоглотившей атимии, дав завладеть собой бесконечной, не имеющей итога рефлексии, которая представляет из себя лишь повторные перебирания в голове неких образов и незавершённых мыслей в поисках будто невероятно значительного ответа, который нереально найти в априори, а уж тем более для столь юной особы.

Но она этого не знала и не осознавала, продолжая бесчувственно смотреть на непривычно ровный потолок, похожий на бескрайние прерия степей, виденные ею на картинах, но только выкрашенные в монохромные тона и полностью лишённые растительности, а то есть, и своей сути: свободы, раскрепощённости и масштабности – привлекательности. Не отпускали девочку из этого мира лишь время от времени появляющиеся на огромном биллбоде снаружи рекламные ролики, что своим светом быстро проникали в комнату тонкими линиями и слишком медленно “таяли” в пустоте окружающего мира.

Несколько раз Инна почувствовала на себе чей-то взгляд. Ей даже показалось, что иногда кто-то чуть приоткрывает запертую дверь и наблюдает некоторое время за ней. Но значения этому она не придавала – её это, как и всё прочее, абсолютно не интересовало. Коль бы девочка немного “отошла” от самобичевания, пригляделась бы к окружению и вновь сравнила свои ощущения мира и того, что она видит в действительности, то поняла бы: квартира пусть и довольно старая, но органичная в плане дизайна. Подобное отображает её жителя, который явно одинок, что осознаётся ввиду лишь одной, стоящей справа от кровати, тумбочки. А также он довольно не стар, пусть и пожилой – стилистика присуща былым временам, но всё грамотно сочетается, что однозначно говорит о вкусе человека, который расставлял всю эту мебель может лет десять-пятнадцать назад... Но вот запах “говорил” о куда более великовозрастном человеке. Хотя тоже спорно, ибо ощущалось, что подобный “застой” для сего места – дело необыденное и странное. Но Инна укоренилась в своём мнении касательно места собственного нахождения, и теперь просто блуждала в этой “благовонии”, пытаясь заблудиться в ней своими мыслями.

Потонуть, как маленький ⁶⁶**ёжик** или большой мистер ⁶⁷**Бромден** тонут одинаково в плотном тумане, будь то натуральном или созданном рукотворным образом, стараниями людей, либо их дум.

И иногда ей удавалось ускользнуть из сего пространства, словно полностью отделиться от тела. Левитировать над миром, будучи вольной разбираться во всевозможных вопросах сего бытия... Но вместо этого спрашивая лишь об одном: “Почему человек вынужден страдать?”.

А после начиналась путаница и вновь она “становилась” телесной, начинала чувствовать соприкосновение окружающего с её плотью, ибо сие вопрошание для неё было ценно не столько, как всеобщее познание. А более она интересовалась именно о себе, лишь прикрываясь столь обширной тематикой, как человечество...

Так она пролежала весь день, как только некий мужчина утащил её от толпы и приволок домой, наверное, к себе. Затем – всю ночь. А теперь лежала и всё утро: не смыкая глаз, силясь понять нечто не понятное для многих величайших умов, а уж тем более для неё – как ни крути, она была лишь ребёнком.

Ребёнком, пережившем то, чего никому не пожелаешь не то что в столь нежном возрасте, а в любой временной промежуток жизни – такое не следует претерпевать ни в коем случае, и коль есть кто-то, кто создал этот мир, то он сделал большую ошибку, что создал также и возможность стечения обстоятельств в подобный каскад... Хотя, как подозревала Инна, все эти стечения обстоятельств не когерентны и однозначно не от чего не зависимы, кроме антисистематической природы людей, которые и несут ответственность, по крайней мере, должны, за сие пресловутые “стечения обстоятельств”.

И с её мыслями трудно было поспорить, так как искать виноватого в неимоверно многогранной людской натуре невозможно – не найдёшь. Коль человек бы был создан искусственно, неким всевышним ⁶⁸**Ротвангом**, то тогда бы следовало его привлечь за столь неоднозначный, откровенно говоря неудавшийся механизм, лишённый присущих этому самому механизму законов, подвластных некой систематизации.

Но в силу укрепившейся в мире моды на отступление от былых порядков различных религий, верований и прочего, Инна была в данном плане довольно бездуховна и посему не причисляла создание человека ни к чему иному, кроме стараний природы... Посему и оставалось ей только, что пытаться понять, почему столь зол ближний на ближнего своего; почему столь жаден род людской; почему не щадим мы ни младших, ни старших; почему предмет мы способны любить, а иных людей ненавидеть; почему так завистливы; почему столь неуправляемы; чем движет наше вожделение; отчего ввиду желаний одного могут страдать и умирать не только желания других, но и вовсе эти самые *другие*?

Вопросы без ответа блуждали в голове девочке, давая понять об их наличии окружающему миру лишь через безэмоциональные, недвижимые глаза, которые устали плакать и, просто налившись кровью, словно ослепли от постоянного осмотра потолка квартиры человека, который не спал весь день, ночь и утро, изредка подходя к двери в свою комнату, приоткрывая её да заглядывая внутрь. Это Никодим. И он просто волновался о ребёнке, которого ему было крайне жаль, которого он спас, от созерцания состояния которого ему искренне становилось невыносимо больно в груди, но с которым теперь не знал, что делать.

Он не спал всё то же время, что не спала и девочка. Его разум порождал разные ситуации, при которых он мог начать с ней разговор, но всё это было лишь эфемерной проекцией его мышления, которые не имели места в настоящем мире: за пределами его естества. То есть того мира, над которым он был не властен в большинстве потому, что сам так думал – страх всё ещё не отступил окончательно, и потому сражение его с самим собой продолжалось, но теперь он чувствовал, как вскоре начнёт проигрывать. Почему? Ответ он нашёл быстро: пусть он не знал толком, что делать с до сих пор безымянным для него ребёнком, то тот факт, что в ближайшее время за ним придётся ухаживать – однозначно ясен. Но как быть, когда ты сам за собой не способен “присмотреть”. Как пытаться защитить ещё кого-то, когда ты сомневаешься в том, что в случае чего будешь способен защитить самого себя. Да и иные переживания, касательно целесообразности и логичности его поступка также тревогой одолевали его мысли: это ведь не совсем нормально, что взрослый мужчина взял и неизвестного ему ребёнка унёс к себе домой потому, что посчитал, будто ему грозит опасность. Но кто теперь ту опасность подтвердит? Кто вообще заметил эту девочку тогда, когда она бежала к горящему неистовым, зловещим пламенем человеку? Никто. А вот тот факт, что девочка, имени которой он не знает, находится у него дома, абсолютно бездействуя и прибывая в некоем антиподе нирваны... Что могут подумать об этом люди? Но откуда узнают об этом люди?

“Но она ведь чья-то дочь и у неё явно есть родственники, потому её точно будут искать. Тогда они и найдут меня... И что же мне делать в таком случае?” – Никодим, отступая от двери в комнату, одолевал себя этими вопросами, которые самостоятельно “создавал” настолько быстро, что не успевал придумать ответ и потому лишь более и более вгонял себя в панику.

Он вновь пришёл на кухню, сделал себе очередную чашку чая, ел и далее продолжил заниматься почти тем же делом, которым сейчас занималась девочка. Только его вопросы были чуть иного характера, они имели в виду частное лицо, то есть его самого. Тогда как Инна одолевала себя более глобальными идеями, точнее, прикрываясь таковыми...

Но была ещё разница между мыслями этих двух. И состояла она не в том, что один был мужчиной пожилого возраста и знал о жизни куда больше, а вторая – девочкой десяти лет, просто иллюзионизирующей касательно своих знаний об этом мире. Эта разница состояла в том, что Никодим был способен ответить на те вопрошания, что витали у него в голове, тогда как Инна – не могла. Никто не мог...

Но ей казалось иначе: она будто всё подкрадывалась к чему-то важному и такому незыблемому, но спустя буквально секунду снова отстранялась не по своей воле от этого. Но попытка повторялась и вновь ей казалось, что её не получится совершить желанное, понять таинства людской печали, несовершенства самой его природы и просто обыденных мотивов, жидущихся на собственном эго, которые в сей ситуации были отнюдь не беспричинны. Но вот вновь ничего не удавалось и ⁶⁹**туманную машину** над девочкой словно отключали на небольшой промежуток времени. Который

продолжался до того момента, как она вновь не “уйдёт в себя”, растворится в собственном сознании, ⁷⁰**исчезнет в нём, как слёзы в дожде.**

Однако цикличность была беспощадной и спустя некоторый час всё повторялось для неё и не завершалось для Никодима, наливающего очередную кружку чая.

И как же только так сложились все возможные обстоятельства, что в тот самый момент, когда девочка вновь “пришла в себя”, а Никодим допил опять чай, раздался призывающий звук системы видеонаблюдения, оповещающей о том, что к ним в квартиру некто желает попасть.

Глава 2:

Этот зов, словно колокольный мотив оповещающая паству и давая ей некий смысл религиозного бытия в прошлые времена, выудил Инну из мира её раздумий, заставив прислушаться к тому, что происходило не в ней, а снаружи её, то есть в том мире, о котором она на последние пару десятков часов почти окончательно забыла...

К двери в коридоре подошёл хозяин квартиры. Он был явно слаб – это девочка поняла по невнятным, шаркающим шагам. Некоторое время он наверняка изучал гостя взглядом, после чего всё-таки задал самый банальный, но, пожалуй, правильный вопрос, из всех тех, которые только можно было задать:

– Кто вы?

Тут же, мгновенный ответ, произнесённый так, словно человек по ту сторону камеры только и ждал сего вопроса:

– Вы Никодим Павлович, – словно констатация факта, который не может быть ошибочным. А затем тут же произношение самого главного слога, заставившего хозяина квартиры сразу открыть дверь: – Здравствуйте. Я от Алексея, у меня его письмо, просил вам передать.

– Алексея? – секундное понимание некоего неведомого для “очнувшейся” девчушки факта. Резкое требование: – Покажи письмо!... Подчерк!...

Далее мужчина что-то быстро про себя прошептал.

– Он сказал, что не сумеет сам...

Из переговорного устройства ещё исходил голос девушки, – показавшийся Инне будто необычно тёплым, приятным и одновременно грустным, – как мужчина уже начал открывать замок. Поняв, что домой попасть удастся, гостя перестала говорить. А вот скорость действий Никодима удивила девочку, ибо только недавно она думала, что он очень устал, хотя она ещё не до конца осознала почему, а тут вдруг столь споро начал совершать действия, лишь слышав одно предложение и чуть подумав над ним... Это заинтересовало пытливым ум ребёнка.

Но более всего иного её заставило встать с продавленного, старого гидроматраса иная вещь, а именно гостя. Голос точно принадлежит девушке – это однозначно. Но он столь необычен, столь приветлив и нежен, что девочке просто необычайно сильно захотелось узреть его хозяйку. Она не могла себе представить, как выглядит человек с подобной природной особенностью, что ощущалась на бессознательном уровне некими эфемерными фибрами души, но почему-то ей в воображении, которое теперь занималось совершенно отличными от недавнего времени вопросами, рисовался очень красивый, но печальный человек.

Лифт поднялся быстро, и вскоре безымянная гостя прибыла на необходимый этаж. Дверь в квартиру была открыта и, почти полностью выйдя на коридор, придерживая её, стоял, дожидаясь некоего письма Никодим. Он был возбуждён и взволнован, перешагивал на месте с одной ноги на другую, словно пританцовывал и даже слегка этим смешил Инну, которая украдкой выглядывала из комнаты. Она пыталась действовать как можно более скрытно: не вышла в коридор, никак не обозначила своё бодрствование, вместо того тихо подкравшись к приоткрытой двери и буквально одним глазком следя за разворачивающимися за ней действиями.

Которые приняли свою основную завязку с того момента, как прямо к квартире из лифта вышла красивая девушка среднего роста в белой, некой странной, майке и с небрежно помытыми, отчего-то частично грязными, черными волосами. Она была очень красивой, по крайней мере, так показалось Инне, хоть на лице её виднелась грязь... “Она бедная?” – подумала девочка, решив так не только по виду, но и ввиду необычайной усталости гостя, которую та даже не пыталась скрывать, ибо ни в коем случае не получилось бы: она была измождена не столь физически, сколько морально, и данную боль девочка ощущала словно на психологическом уровне, ей казалось, что она понимает её.. эту незнакомку. И она не могла этого объяснить, также как и стремление познакомиться с ней, поделиться всем тем, что с ней случилось за последнее время: проникновенный взор её глаз, осмотревший коридор, не сумел заметить маленького ребёнка, но зато самому ребёнку впал в душу как нечто не то что красивое, а источающее веру, добродушность и понимание, которое непременно граничило с болью и истерзанием себя внутренними муками из-за неких одновременно и ведомых и неведомых Инне потерь да лишений.

Потому она не сумела остановиться: когда девушка разговаривала с Никодимом, который дознавался у неё о некоем парне по имени Алёша, узнавал его фамилию и просил рассказать ему, как он, девочка начала медленно, рефлексивно, выходить из своего убежища.

Неведомая гостю устало кивала головой и рассказывала тихо о том, как этот самый Лёша сейчас будет как можно более осторожен со своим окружением, о том, что теперь он увидится лично с хозяином квартиры не сможет. На это мужчина отреагировал прямым вопросом, что удивило девушку, и она удивлённо заинтересовалась:

– А вы не знаете?

– О чём?...

Гостя сомневалась, отвечать или нет: некоторое время она смотрела на мужчину, пытаясь понять мотивы для возможной лжи. Но после, явно их не найдя, сказала:

– Так.. на Институт.. напали...

– Кто? – это ещё более взволновало и возбудило пожилого человека.

Однако на настоящем девушка решила остановиться: она всё ещё не замечала медленно идущей по коридору Инны, стоя к ней лицом, но смотря только лишь на хозяина квартиры, от которой она как можно скорее хотела отдалиться.

– Послушайте... Это.. Ух, я не могу всё объяснить, вы сами прочтёте или посмотрите – в новостях уже везде об этом говорят и я вообще удивлена.. честно... Но, в общем, вам следует только знать, что теперь я буду передавать ваши слова Алмыкову, а вам – его слова... Ну, или письма.. вы понимаете, – она путалась по понятным причинам. – Понимаете ведь?... Так.. я буду очень признательна, если вы отпустите меня домой. Скажите только, когда мне прийти за ответным письмом и всё...

– А. Ну, это, я понимаю. Конечно, сейчас, я только, – мужчина засуетился, словно начал нечто искать.

Теребя пальцами правой руки, он посмотрел быстро по сторонам, а затем развернулся полностью, нечто выискивая то рядом с собой, то чуть дальше, словно ⁷¹**Тоби**, пытающийся “напасть” на след. И ввиду подобных телодвижений случилось то, что было совершенно ожидаемым в таковой ситуации: пожилой человек заметил вставшую впервые с его кровати девочку и удивлёнными глазами, словно впервые её увидел, уставился на неё. Вместе с ним Инну также наконец заметила и безымянная девушка, в чьих очах при взоре на ребёнка тут же одновременно “блеснул” огонек будто узнавания, а вместе с тем и озадачивающий вопрос, перемеженный с нежностью, направленной именно к маленькой девочке.

– А... – Никодим явно не ожидал подобного и посему не знал, как себя вести. Он машинально начал движение к Инне, рефлекторно положив листок, что держал аккуратно в руке, на шкафчик для обуви у входа, притом приговаривая будто необдуманные фразы: – Ой.. ты проснулась. Я не...

Словно робот-сапёр ищет путь среди мин, также и мужчина, скрупулезно и медленно, подбирая слова для разговора с ребёнком, которому до него было крайне мало дела, ибо Инна более была заинтересована, и очарованна, фигурой незнакомки. Которая в сей момент сказала, не дав Никодиму завершить его монолог:

– О... Я не знала, что у вас дочь.

Это тут же “переключило” внимание пожилого человека, который, повернувшись к девушке, уточнил:

– Нет, нет... Понимаете, всё немного не так... Сейчас, я... Давайте на секундочку выйдем в коридор, – он озирался на Инну время о времени.

Но так как разговор был краткий, то все свои движения головой он делал столь быстро, что казалось, будто шея просто не выдержит такого напряжения.

Это чувство подкреплялось тем фактом, что Никодим очень сильно волновался. Инна не могла понять, почему, как и сам пожилой человек, ибо он просто никогда не имел дело с такими маловозрастными детьми и потому для него подобное – в новинку. Тем более в такой ситуации, когда он просто-напросто не в лучшей коммуникабельной форме – ничего удивительного для нервной системы мужчины в его поведении не было, зато было для самого мужчины.

– Ты.. постой здесь. Я.. сейчас, – это он сказал девочке, смотря на неё как можно нежнее и произнося данные слова как можно более ласково.

Но убедить ребёнка не удалось: когда дверь, ведущая в малый коридор к лифту, закрылась за ним и безымянной девушкой, которая смотрела то на девочку, то на Никодима с однозначным непониманием, Инна подошла к шкафчику и взяла письмо, что было оставлено здесь по глупой невнимательности, которая, как ей казалось в силу впечатления, была присуща сему пожилому человеку.

Подчерк автора был довольно опрятен и прост, что благоволило его прочтению, но не пониманию: множество неведомых слов, редкие личностные чувственные “вставки”, догадки – это, может, и имело смысл для адресата, но вот Инне лишь служивали подобно ⁷²**сиалии Беатрис**. Всё, что она сумела понять, это были мысли автора касательно некой машины. Даже не мысли – утверждения. Он что-то однозначно утверждал, соглашался с неведомыми для девочки соображениями Никодима, притом пару раз всё-таки обозначив главный смысл: “...революция взаправду рукотворна”.

Этого Инне было достаточно, чтобы прибегнуть к некотором выводу касательно тех вопросов, что мучили её недавно. В то же время за дверью она слышала, как разговаривали два человека:

– Понимаете, это ведь не мой ребёнок?

– В смысле?...

– Ну... То сеть, я, как бы, её спас, вчера...

– Не поняла...

– Подождите, подождите... Вы ведь знаете, знаете что тут произошло, ну, на главной площади. Вчера днём? Тут, в общем, один мужчина себя...

– Да, я знаю.

– Да... Так вот, эта девочка была там. Когда мужчина горел, она к нему вдруг пошла. Ну вот, мне в голову и “дало”, что надо спасти... Понимаете, она

ещё плакала так, руки к нему тянула и что-то злобно кричала, я не слушал... По-моему, там вообще никто не слышал, что меня и удивило, ведь, ребёнок... Ну вот я и... А как бы вы поступили?!

– Нет-нет-нет. Вы не подумайте, я понимаю вас... Хотя, честно, странная ситуация.

– Да-а. Очень странная. Но она после этого целый день и ночь пролежала в моей комнате, ничего не ела, не говорила и не спала.. Вот, то есть, вообще что-то... Хотя, честно, у меня есть предположение, но всё-таки я хочу вас попросить проверить. Вы ведь от Алексея?

– Мы вроде бы с этим уже разобрались...

– Ну да, это я так. Я хотел сказать, что я могу вам доверять?... Ну, понимаете, необходимо найти родителей девочки, а это, понятно, следует обратиться в органы, однако... Вы же знаете моё теперешнее положение? Ну, с тюрьмой, или не...?

– Да, Лёша мне рассказывал.

– Вот. И тут такое дело, что я волнуюсь, как бы чего неладного не подумали, коль найдут ребёнка у меня. Ну, в смысле, даже если я сам обращусь там, мало ли что... Я знаю – это глупо. Но, у меня сейчас вообще не всё в порядке со взаимоотношением с окружающим миром. Ну, вы ведь знаете, как преступников перевоспитывают?...

– Слышала... И неужели работает?

– Индекс повторных преступлений снизился за двадцать лет на семьдесят процентов... Я раньше думал, ха, что это так, люди цивилизованней стали, а вот теперь понял... Так вот, я её сам в участок отвести не могу, да позвонить боюсь – мало ли что. Поэтому, не могли бы вы сделать одолжение?...

– Её в правоохранительные органы отвести, чтобы там дать объявление о пропавшем ребёнке?

– Да... Можно так. Можно позвонить, чтобы за ней просто поисковый отряд приехал, только, пожалуйста, подальше от моего дома – на всякий случай. Или можно, чтобы по “базе” родителей в том же участке нашли. Ну, вы сами понимаете. Ну так что вы скажите?

– Хаха... Да-а, выздоравливайте скорее с этим делом. А я... Конечно, я могу помочь.

– Ох, отлично. Вы не представляете, как я вам благодарен, – на этих словах он обратно вошёл в квартиру и до сего момента не повернул головы, одним глазом, с выражением счастья, смотря на безымянную гостью, которая с понимающим взором и измождённым лицом, на котором неровной линией сияла пусть и полустрадальская, но не притворная улыбка.

Однако почти сразу за порогом его встретила не сдвинувшаяся с места фигура маленькой девочки, о которой Никодим, судя по выражению

неожиданности, которое отобразилось в следующий миг в его очах, а именно когда он повернул голову и резко остановился прямо за порогом, успел забыть. Хотя ведь недавно говорил о ней... Нет, это было нечто иное: он понял, что Инна явно слышала весь диалог.

Девушка, стоявшая за его спиной и смотревшая, благодаря росту, поверх плеча, тоже это поняла, ожидая, что скажет ребёнок, который, сжимая и разжимая кулачки, явно собирался нечто сообщить более взрослым людям:

– Не надо меня куда-то вести и никому звонить, – утвердительно, но пряча взгляд, сказала девочка. – Дайте мне самой телефон – я бабушке позвоню. Там меня в какой-нибудь интернат отправят и только потом ей дозваниваться начнут, а тут я сама, – она словно давно не разговаривала, потому подобное давалось ей с трудом, в связи с чем создавалось впечатление, что она вот-вот заплачет, а неловкое движение рукой, благодаря которому он вытерла нос, сморкнувшись, лишь подтвердило данное подозрение: – Ей до Беларуси долго ехать, но всё равно... Её, наверное, уже и так вызвали, на опознание, моих родителей...

Глава 3:

Заявление заставило впасть Никодима в откровенный ступор. Он подозревал по состоянию девочки нечто подобное. Но теперь, когда его опасения были подтверждены, он не знал, что сказать, что сделать, вроде бы надо утешить ребёнка, но как... Чем в силах он помочь? Тем более, Инна сильно выросла в его глазах ввиду своей речи: он ни разу не слышал, чтобы дети так говорили, так рассуждали касательно своего положения и, тем более, так сообщали иным людям о том, что лишились самых близких и родных людей. Потому мужчина стоял всё ещё немного за порогом, будто не в силах сделать шаг вперёд, преодолеть этот эфемерный барьер между ним и ребёнком, при разрушении которого ему придётся о чём-то говорить с девочкой, как-то с ней контактировать, возможно, подбадривать... Но что ему сказать ей?... Из-за сложившейся ситуации пожилой человек, что многое повидал в своей жизни, сейчас буквально был загнан в угол: с раскрытым глупо ртом он возвышался над маленькой сироткой, тогда как ему казалось, будто он бесконечно мал перед ней.

Не меньше его была удивлена и ошарашена Алина, которая, всё-таки имея навык общения не то что с людьми, но и с детьми, заметила, сколь сейчас жалок Никодим, решила “выступить” вперёд. Она была столь же удивлена разговором Инны, той сдержанности и серьёзности. Она одновременно и понимала, что так и должно быть, такое отношение может сформироваться у человека, многое пережившего.... Но в то же время не могла в это поверить, слыша таковой тон от ещё не окрепшего как физически, так и психически человека, чья реакция была куда более спокойной и стойкой, нежели у самой Алины – это, по большей мере, и не давало ей волю в вере в данный факт.

Для Инны же это признание пусть и было трудным, но не невыносимым: истерика её уже кончилась. Она уже приняла для себя многое и осознала за те бессонные, долгие часы, проведённые будто в небытии. Она не тешила себя глупыми надеждами – ей казалось, что это и есть показатель её

самостоятельности, взрослости, собственной целостности как Личности, которой она себя всегда считала и чьему образу пыталась в обыденной жизни подражать. Теперь это был для нее как таковой вызов судьбы, сдаться она или нет. И пусть печаль была бесконечно сильна, а самообман невозможно привлекателен, она уже ответила на вопрос о смерти самых близких ей людей, ввиду чего внутри, где-то очень близко к сердцу, образовалась неимоверно чёрная, пустая дыра. Которую Инна знала, чем заполнить: одним лишь ответом на один лишь вопрос. Над ним она думала всё последнее время и, как ей показалось, только что приблизилась к его разгадке, благодаря тому самому письму, что лежало, словно нетронутое, справа от неё на шкафчике для обуви. И только об этом она хотела сейчас говорить:

– Я извиняюсь, – она заметила, как из-за спины мужчины вышла девушка, но решила, что останавливаться не стоит, продолжив свою речь: – Вы не думайте, я вас не подслушивала, просто... Так получилось... Вы оставили письмо и я прочитала его, – с каждым подобным признанием она чувствовала себя всё более неловко: начинала тереть ладонь об ладонь, часто опускать глаза с лица теперь серьёзно смотревшего на неё Никодима и с лица безымянной гостьи, которая секунду назад хотела нечто ей сказать, но теперь слушала монолог. – Я, не специально, знаете... Просто.. в общем... Мне было интересно и... Скажите, пожалуйста, это из-за этой *машины* вокруг столько бед?...

Она сиротливо подняла глаза на Никодима, от которого и ожидала ответа в силу его возраста, и тут же их опустила, понимая в некотором роде свою вину. Сам же пожилой человек чуть растерялся ввиду столь недетского вопроса, который следовало объяснить ребёнку. Потеряв свою серьёзность, он медленно начал:

– Ну, понимаешь, не совсем из-за *неё*.. но...

– Тут не всё так просто, дорогая, – это была Алина, которая, незаметно для опустившей глаза Инны и поднявшего очи кверху Никодима, подошла к девочке да, присев на корточки, с заботливой улыбкой “завела” выбившуюся прядь волос обратно за ухо.

Инна резко подняла глаза и её стремление отдалиться от сего человека, инстинктивно появившееся в ней, сразу же устранилось, как только ею был “пойман” её взгляд: добрый, пусть усталый и чем-то взволнованный, но обещающий тепло, уют и безопасность... К этому человеку хотелось кинуться в объятия, доверится ему своей детской, – да, под взглядом сей незнакомки Инна однозначно признавала свою ребяческую натуру и наивность, – откровенностью, тем самым расплакавшись на плече и рассказав все тайны, страхи, потаённые обиды и неизлечимые раны...

– Но, тогда, как же? – только и смогла сказать девочка, уже доверяющая этому человеку.

– Позволь, я расскажу это тебе по дороге к себе домой? Ты ведь слышала наш разговор с Никодимом Павловичем, верно?... – Инна сразу принялась

оправдываться, чуть ли не заплавав от заботливых прикосновений рук девушки, которая тут же, обняв её, притянула к себе, тихо приговаривая: – Не волнуйся, всё нормально, никто тебя ни в чём не винит, всё хорошо, – столь же ласковые поглаживая по голове, полностью нормализовали состояние девочки, которую гостя снова немного отвела от себя и, держа её за плечи, продолжила: – Просто, тогда ты понимаешь, в каком он сейчас необычном состоянии находится, ты ведь взрослая девочка, так ведь? Поэтому, ты не будешь против, пожить пока что у меня, пока не приедет твоя бабушка?

Вытирая сопли, и одновременно стесняясь этого да пряча глаза, опутив их вниз, Инна смогла только сильно кивнуть да промычать на очередном вздохе:

– Угу.

– Вот и отлично. Думаю, Никодим Павлович тоже против не будет.

– Э-эм... Нет-нет, всё нормально, я вам, всё-таки, сам только что довериться хотел, так что... Только вот, а ваши родители против не будут?

– Насчёт этого не волнуйтесь, всё будет хорошо. Да, дорогая? Кстати, тебя как зовут? – она легонько, пальчиком, подняла подбородок прекращающего плакать ребёнка вверх, дабы вновь заглянуть в её глаза да приняться столь же лёгкими движениями вытирать их от слёз.

– И-ин-н-на...

– Инна. Какое красивое имя. А меня Алина зовут, очень приятно, – девушка просунула играючи руку, которая, спустя секунду, Инна, с детской радостной улыбкой сквозь гримасу страданий, пожала. – Ну что, Инна, тогда пойдём. Но всё равно надо будет заглянуть в участок, предупредить, что с тобой всё хорошо и что ответственность за тебя на время возьму пока что я. Ну, если ты, конечно, этого хочешь?

Инна тут же сказала, порядком успокоившись:

– Да.. да, конечно. Только ведь, Алина, я вас почти не знаю...

– Ха, ну, в таком случае это – не беда. Скажем, что твоя мама меня часто просила тебя из школы забрать, договорились?

– Но.. обманывать – это нехорошо, – тут Алина всё также аккуратно притянула девочки поближе к себе.

Затем в ушко прошептала:

– Читать чужие письма – тоже нехорошо, – немного отдалила от себя и, с проказнической улыбкой подмигнув, дабы поднять Инне настроение, закончила: – Но мы всё равно иногда делаем плохие вещи потому, что надо или хочется. И когда делаем только потому, что хочется – это действительно плохо. А вот если надо – то следует делать только в том случае, если это никому не навредит.

– А это никому не навредит, – смотря на задорную улыбку Алины, которую та “выстроила” на своём изнурённом лице, Инна констатировала данный словно столь ясный и понятный факт, тем самым подтверждая своё отбытие.

Уже через минуту они с Алиной вышли за дверь квартиры Никодима, который провожал их до лифта. У него мужчина ещё парой слов “перекинулся” с явно уставшей девушкой:

– Я сейчас же начну писать ответ, так что вы...

– Скажите мне только время, когда к вам обратно зайти, и всё.

– А... Ну, через часа два. Сумеете?

– Хорошо, – двери лифта открылись. На прощание Алина сказала, заводя вместе с тем за руку Инну в кабину: – Вы только внимательно всё прочтите. Думаю, вас многое заинтересует...

– Так что получается, во всём виноваты не люди? – девушка держала Инну за руку, с некой блаженной, вымученной улыбкой на лице, двигаясь вперёд.

Сей вопрос последовал как раз от девочки, которая до сего всю половину пути, что они уже прошли, ждала, когда начнёт разговор её попечитель. Но та к спутнице обращаться не спешила и Инна это понимала: она видела, насколько та измучилась. Она не знала почему, из-за чего, но ей было жаль на неё смотреть и осознавать её положение... Однако детское любопытство и эгоизм, далеко не полезной чертой преследующий юную особу на всём её пока еще коротком жизненном пути, всё равно вынудили пытливый ум озвучить то мучавшее его вопрошание.

– Ну, с одной стороны – да, а с другой и нет. Понимаешь? – устало выдохнув, словно всё надеялась, что этот миг не наступит, Алина произнесла данную фразу.

Затем, будто пытаясь подзарядиться от отражённого зеркалами солнечного света, подставила лицо золотистым лучам, что ровными, будто нереальными сонмами распространялись по Первому уровню Города. Хмурая погода была теперь позади и единственным воспоминанием о ней служили лужи на улице да всё ещё мокрый асфальт, который до сих пор не успел просохнуть даже с помощью встроенной системы обогрева. Множество солнечных зайчиков пользовались такой вольготностью, “перескакивая” по блискучим каплям с лужицы на лужицу, сплетаясь со свечением множества реклам, которая демонстрировала себя потенциальному покупателю как сверху, так и снизу. Вместе с тем, во всей этой идиллии, что была отображена в тандеме людской идеи и природной обыденности, “просачивались” в ощущения нотки непосредственного участия самого человека: далёкие, еле слышимые шумы революционной толпы, монотонные топтания с места на место – всё это отзывалось на многие кварталы да улицы вокруг, посему встревоженность, выраженная Инной через сближение своей фигуры с рукой теперешней защитницы, было понятно для Алины.

– Не совсем... – Наконец ответила девочка.

– Машину ведь создали тоже люди, поэтому, по большей степени, это они заставляют других людей поступать так, как те не хотят. Но есть ещё и другие люди, которые сами по себе плохие, и они уже действуют без какого-либо обмана плохо...

– Просто потому, что хотят?

– К сожалению, да.

– Но зачем? Я не понимаю самой цели всего того, что творится вокруг. Ведь... Ведь мы, вроде бы, неплохо жили. Почему кому-то обманывать кого-то ради того, чтобы изменить жизнь. И зачем кому-то применять силу против кого-то, чтобы, опять же, изменить жизнь? Разве они делают не одно и то же?...

– Да. Только разными методами. И если говорить о том, какой метод хуже, то...

– Нет, – Инна, немного боязно прижимаясь к руке Алины, прервала её, собираясь задать иной вопрос и вместе с тем понимая, что теперь девушка будет отвечать, ибо сама была уже вовлечена в беседу, просто по инерции следуя по дороге к участку, также рефлекторно озираясь по сторонам в поисках возможной угрозы, которая, судя по звукам, была сосредоточена более в центре, почему и “натываясь” лишь на столь же отнюдь не умиротворённые лица многочисленных прохожих, которые с каждой неделей всё больше походили на затравленных, загнанных животных. – Тут ведь я другого не пойму... Ведь, какой метод – это понятно. Драться ведь плохо – это ясно. Но суть в другом. Ну, когда они пытаются, любыми способами, сделать что-то в жизни лучше, так получается, что делают лишь хуже... И, вот почему? Почему нельзя это что-то сделать так, чтобы лучше не становилось окончательно через боль и страх. Почему сразу нельзя сделать лучше? Просто лучше, чем было раньше?...

– Ого... Честно, я сама толком не знаю. Хотя верю, что такое возможно, – Алина с некой гордостью смотрела на девочку сверху вниз, вместе с тем понимая, что уже вскоре они доберутся до участка, а там и до её дома недалеко. Тем не менее разговор она не прекращала: – Это глупо слышать, я понимаю, но ведь, опять же, эта вера основывается на твоих же вопросах и поиске на них ответов.

– То есть, ты ищешь эти ответы?

– И не я одна...

– Ого. И как?

– Ну, пока что лично я поняла, что человек зачастую сам не знает, чего хочет, и поэтому ищет своё незнакомое ему же желание среди ошибок, которые в этих поисках он совершает... Ты прости, если непонятно, но...

– Да нет, всё понятно, – Инна призадумалась, немного ослабив хватку. Внезапно печаль обратно обуяла её очи, а лицо осунулось под гнётом страшны воспоминаний – Алину это взволновало, но она, понимая, что девочка явно нечто собирается сказать, не стала никак противостоять её внутреннему горю, собираясь выслушать: – Просто всё, что я понимаю в том, что происходит вокруг, это то, что у меня теперь нет ни папы, ни мамы...

“У меня тоже,” – с грустью подумала Алина, полностью понимая печаль девочки.

Они вошли в небольшой пешеходный подземный кулуар, который выходил как раз к участку. И Инна, на секунду вернувшись в окружающий мир, остановилась посреди пути, читая надпись на стене:

– ⁷³**“Большой Брат будет рад следить за тобой”**... Я уже много раз про этого Брата на улице читала. Кто это?

– В этом мыс тобой похожи: я тоже понятия не имею, – отозвалась Алина, читая надпись чуть ниже.

Она была написана мелом очень мелкими, неаккуратными буквами, словно сердобольный призыв на фоне триумфальной мотивации – вот как она выглядела под большими, красивыми буквами из мха, что были явно нанесены здесь сторонниками того же мировосприятия, что и сама девушка, что её радовало, конечно, несмотря на непонимание смысла.

“Неполноценный”, неведомо кем оставленный ответ же гласил: ⁷⁴**“А Старшая Сестра будет рада твоим бредням, сумасшедший!!!”**.

Глава 4:

Зайдя в квартиру Алины, Инна поняла, что в данном месте коль и бывают люди, то довольно нечасто или же на крайне не продолжительный срок: пыль витала еле видимыми крапинками в воздухе, отображая собой пусть и не полное, но частичное запустение сего обиталища. Потому девочке и стало как-то неловко: она хотела спросить свою новую знакомую, что это значит и правда ли это её дом, однако воздержалась от этого, просто вновь посмотрев на состояние теперешней попечительницы.

Этот статус, к слову, оказалось приобрести довольно не трудно: взаправду девочку уже искали и её бабушка была осведомлена и о смерти зятя да дочери, и пропаже внуки. Однако в данный момент сия деталь была улажена: Инна подтвердила, что Алина является другом семьи, а так как в силу возраста девушке ничего не мешало вступить на столь ответственную “должность”, как присмотр за ребёнком в течение пары дней – стражи правопорядка выписали все необходимые документы довольно быстро, оставив на совести девушек уже оповещение волнующейся бабушки, ибо по теперешнему нестабильному социальному состоянию в Городе было ясно: у них и без того много работы, почему и подобными делами им долго заниматься совершенно нет никакого желания и, откровенно, времени.

Дом, в котором живёт Алина, от участка находится недалеко, потому путь, пройденный в полной тишине, не показался Инне хоть сколько скучным: она

наблюдала за своей новой подругой, пыталась догадаться о том, о чём она сейчас думает, хотя и понимала, что, наверняка, ни о чём. И вот вопрос данного её состояния также интересовал девочку: почему девушка столь измученна, отчего так устала. Она буквально сейчас действовала лишь на сплошной инерции, которую ей придавали краткие моменты взаимодействия с окружающим миром, когда она чётко ставила перед собой какую-то цель или психическую, или физическую, выстраивала план её достижения, и после просто ему следовала.

У самых дверей Инне даже стало стыдно, что она заставила Алину говорить о столь трудных темах, для рассуждения над которыми она всё-таки вобрала в себя из уст Алины довольно много информации.

“Но она ведь обещала. И она выполнила обещание... Спасибо,” – с верой и доверием смотрел на Алину ребёнок, когда они вдвоём подымались в лифте к квартире. Она уже полностью определилась со своими мыслями, касательно данной девушки, и никак иначе, кроме как друга и товарища, теперь её воспринимать не могла и не хотела, пусть и признавала, что слишком мало ещё её знает. Даже внутренне немного сама себя же за ⁷⁵“**разовые очки**” винила, но ничего не могла поделать просто ввиду некоего безосновательного, но столь “твёрдого”, даже догматического понимания, что с Алиной она будет в безопасности.

– Ну, давай я тебя покормлю, – скорее утвердила, нежели предложила девушка, когда девочка разулась и ступила на пол, слой пыли на котором однозначно сообщал о том, что его уже не навещал род людской примерно с двое-трое суток. – Никодим Павлович сказал, что ты не спала всё то время, что у него была, так сейчас поедим, и ложись-ка отдохни. Хорошо?

Алина направилась на кухню, увлекая за собой Инну, с интересом и не без малого отвращения осматривающую квартиру. На ходу, после вопроса, девушка обернулась и “состроила” на своём лице вновь не совсем естественную улыбку, от которой всё равно веяло некой лаской, ибо само то старание, что она приложила для её создания – это уже был некий подвиг в её состоянии, которое не могла не заметить Инна:

– Тебе бы тоже отдохнуть не мешало, – жалея девушку, сказала она.

– А... Аха, не волнуйся. Я схожу за письмом и сразу вернусь – тогда и отдохну. Ты к этому моменту уже, лучше, спи... Всё-таки, тебе досталось куда сильнее... – Словно опомнившись о том, что говорит, усталый мозг девушки тут же “завопил” об извинениях, почему Алина резко встrepенулась, обернулась, немного согнулась, не решаясь руками прикоснуться к ребёнку, и принялась причитать быстрой речью и громким голосом: – Ой. Извини. Я. Я не это имела в виду. Я хотела сказать...

– Всё хорошо, я всё понимаю, – Инна также улыбнулась девушке, давая понять, что ни в коем случае не держит на неё никакой обиды.

Недолго посмотрев на девочку, Алина улыбнулась и, вновь вытянувшись в полный рост да подойдя к холодильнику, достала из него нечто и спросила:

– Кашу перловую любишь?

– Я всё люблю, – устраиваясь на требующем тряпки стуле, сказала девочка, грустным взором, обуянным безрадостными воспоминаниями, обводя небольшую кухню взглядом.

Виднелась в общей архитектуре квартиры некоторая стилистика начала двадцать первого века: тут не было броских “следов” хай-тек стилистики, неких инновационных технологий в оформлении и прочего – всё степенно и обыденно, до того, что даже не привычно. Однако в этом и была основная суть: за всей этой напускной простотой скрывалось множество не бесхозных гаджетов, точно используемых в быту. Инна, как ребёнок должного поколения, сразу сумела заприметить датчики автоматического обесточивания или включения всей электроники; дистанционные замки на окнах, дверях; регуляторы температуры пола и вообще атмосферы квартиры, что успокаивающим фоном шуршали где-то словно вдалеке, настолько, что даже толком невозможно было понять, где они есть на самом деле: то ли под ногами, то ли над головой, то ли ещё где.

И это были лишь первые впечатления, которые заменили собой то ненатуралистическое для Инны, словно случайное омерзение, что вызвало жилище вначале.

А когда был выпит чай да система автоматически понизила тонировку стекол, выходящих на улицу, дабы поддерживать внутри дома умеренное натуральное освещение, девочка и вовсе уже была действительно готова отдаться в сладостные объятия сна, расслабленно расположившись на кресле.

Она не помнила, как Алина довела её до своей мягкой, большой кровати, и как Инна услышала, что блокирующие окна механизмы были приведены в действие – пятый этаж, как-никак. Не удивительно, что Алина боялась, почему Инна её никак и ни в чём не винила. Также, как не винила она её и за то, что та заперла дверь кухни и ванны, где хранились единственные в доме острые предметы – это единственное, что она могла сделать, для того, дабы огородить девочку от пагубных мыслей и возможностей свершения столь же бесчеловечных действий, которые были для юной особы чем-то ужасающим, но в той ситуации, в которой оказалась Инна – характерным. И сама девочка это понимала, не обвиняя свою попечительницу, лишь улыбаясь сквозь сон её заботе, когда та ушла за письмом.

Она не знала, сколько проспала, но организм однозначно твердил о том, что достаточно. Когда открыла глаза, вокруг была уже тьма, а где-то рядом мерно посапывала Алина, от которой сильно разлило потом – упала на кровать даже не раздевшись и не вымывшись... Собственно, и сама девочка сейчас была не мыта. Но в сей черноте окружающего пространства её интересовало иное: голова очнулась от сомнамбулического страдания разума и теперь была способна вновь “переваривать” информацию, пытаясь отыскать некий смысл во всём том, что происходило вокруг – данная тема не желала отпускать думы маленькой девочки.

Недавно приобретённые её новые детали ситуации, смысла которой она при всём желании не могла понять, позволили Инне как-то по-новому обдумать ранее предполагаемые факторы, однако главенствующие мотивы до сих пор оставались неизменны: человек был основным “инженером” своих же несчастий.

“Но что же тогда делать?” – думала девочка во тьме, вспоминая строки из не полностью прочитанного письма. Она не сумела понять всё то, что сумела изучить мимолётным взором, затуманенным мыслями о собственной ничтожности и тщетности всего сущего. Потому так трудно было вновь осознать, что та самая машина, о которой в письме говорилось в первую очередь, была не одна. Так, насколько поняла Инна, по крайней мере, говорилось: их или две, или три, точно она не помнила, однако точно знала, что с этим связана отличное экономическое положение Беларуси в данный момент...

“Там же всё объяснялось... Как же?” – закрыв глаза и вновь “уйдя в себя”, Инна силилась представить перед глазами тот лист, который был исписан большим аккуратным шрифтом от руки – только сейчас она осознала, насколько это старомодно и вообще, насколько давно она не держала в руках обыкновенную бумагу. Тут она поняла, что в этом тоже есть какое-то значение...

И вот Инна, по собственным ощущениям, словно приблизилась к некой тайне: “Что же они говорили? Там что-то о другом человеке! Это ведь не от Алины письмо... Значит, она просто его принесла! Да! Она это сказала! Но от кого?... Она называла имя!” – девочка никак не могла вспомнить ту информацию, которую в силу тогдашнего состояния, что теперь считала отнюдь не блаженством, а лишь однозначным показанием слабости, “пропускала” мимо себя, словно ⁷⁶**Джей Гэтсби однотипных гостей своего особняка.**

Жалела ли она, что так поступала раньше? Нет. Инна понимала, что то, что было – уже было, и его никак вернуть нельзя, а утверждать, что можно было поступить иначе и мечтать о том, что было бы поступи ты как раз иначе – глупо. Потому, решив всё-таки упустить данную деталь, она продолжила складывать в голове цельную картину, отображающую то полотно, что частями, крайне малыми сегментами рисунка наблюдала в мире вокруг себя.

И пока получалось не совсем слаженно, но всё-таки более удачно и целостно, нежели раньше: “Так, получается революция – это дело рук какой-то техники. Это техника не одна – она важна и её несколько экземпляров. Где она находится?... Там ничего не говорилось об этом, кроме резервных... Но, наверное, главная находится в Беларуси, ведь её экономическая сила упоминалась. Да! Тогда получается, что это – *наша* технология и используют её люди, которые живут рядом со мной. Или один человек. То есть, она ведь секретная, значит большому количеству людей нельзя о ней знать. Тогда получается, что об этой технике знают очень мало людей, и Никодим – один из них. Но если людей мало, и они должны управлять этой техникой, то далеко от неё они быть не могут, а так как Никодим в Городе, значит и технология в Городе... Ох, в письме же что-то об этом упоминалось. Ой, не

помню. Но ведь явно они должны поддерживать её, управлять ею... Хотя нет, можно ведь через Интернет. Но тогда бы это выследили! Или тут причастны люди и у власти?... Хотя стоп, они ведь могут управлять мыслями всех вокруг. Значит, и законом могут управлять, и политикой, и хозяйством... И вообще Всем! Это ведь люди, которые просто сделали что-то современное, так?! Но значит, что они же, люди, и являются источником своих проблем! Это ведь и их касается! Или опять неверно?... Но, тогда, кто же они?... С чем мы имеем дело? О-ой... А вдруг и мои мысли, тоже управляются.. ими?..."

Инне вдруг стало необычайно страшно, от осознания возможности подобного сюжета. Она сильно вздрогнула и уже порывалась встать, неведомо для чего, просто желая оглядеться вокруг, доказать, что никто не управляет ею из темноты, просто доказать себе, что она способна решать то, что ей делать. Но тут же, пребывая в сонном царстве и не желая оттуда возвращаться, задержалась и тихо забурчала рядом лежавшая Алина, которая одной рукой обнимала маленькую девочку.

И от этого Инне стало спокойней.

“Она знает, что делать. Она знает больше, чем я. Она справится... А я – помогу. Да! Помогу,” – при взгляде на еле видневшееся во тьме грязное лицо девушки, что даже в подобных декорациях не теряло своей изящности и возвышенности, ощущаемой Инной нежности, девочка подумала о своей роли в том, что происходило вокруг и поняла: она не одна. Явно множество людей думает о том же. Поэтому когда-нибудь это прекратиться. И явно не без помощи Алины...

И от этой мысли стало Инне как-то спокойней: сон завуалировал закрывшиеся веки вместе с умиротворением, что нашло своё пристанище в думах девочки.

DEVELOPMENT 3...

Часть Пятая:

Несколькими часами ранее.

Глава 1:

Безудержным потоком “бушующие” мысли приобретали физическую форму благодаря обыкновенной шариковой ручке, вытанцовывающей свои некорректные “Па” в руке Никодима, однозначно шокированного тем, что не так давно прочёл: информация о не единственности механизма, о притворности мотивов покупки земель иных государств и о строящихся на них объектах, имеющих одну общую цель мирового порабощения по воле некоего одного человека, чьи амбиции явно не предрекали человечеству светлого будущего – всё это было именно тем, чего Никодим боялся, и чего столь рьяно пытался избежать.

И вот когда рука мужчины продолжала исполнять мерзостные, быстротечные копии номеров **77 Лебединой Королевы Нины Сайерс**, сам писатель задумался о смысле тех деяний, что он вообще делал. А точнее о той доле неких находок судьбы, житейских призов и благ, что он получит от сего мероприятия, что пытался развернуть против столь масштабного конгломерата.

Когда сила Института ему ещё не виделась в таких необозримых величинах, он и не задумывался об этом. Однако теперь, когда ужас пробирал только от одной мысли о далекоидущих планах И.И.Н.И.М.П., что уже имели начало своего развития, Никодим наконец решил задать себе вопрос, ответ на который словно давал раньше, давно, но теперь этот ранее заключённый итог казался смешным и не аргументированным: “Зачем мне это?”.

Танец шариковой ручки, чья треснувшая грань оголяла с одной стороны заканчивающийся стержень внутри, прекратила свою партию жалкого подобия балетного танца. Оставив на монохромной поверхности шестигранной тубы малого размера следы от потных пальцев, которые особенно хорошо виднелись ввиду запылённости писательского инструмента, найденного благодаря долгим поискам во всех секциях и ящичках квартиры, мужчина устало выдохнул, растерянно смотря на написанный им торопливо текст, а затем в бессилии закрыл лицо ладонями, чуть вздрагивая головой.

“Бесполезно.. бесполезно...” – отчаивался он, всё более повергая себя во власть депрессии.

“Но тогда какой смысл? Какой смысл жить, зная, что тебя обманывают? Зачем нужна такая... Нет, не жизнь... Это бесполезное существование, обрамлённое бесчестьем и неправдой. Но я ведь не буду об этом знать. Но никто не будет! Мы все будем как стадо счастливых баранов с синдромом дауна, которым на пожирание дали выгоревшую на солнце траву, заверив, что иной растительности нигде больше и нет! Чёрт! Но ведь... Сейчас же я знаю... Сейчас я знаю. Но что я могу? Как? Как бороться с тем, что нельзя победить?... О-ох, я в этой битве бесполезен и если есть надежда, то только на Лёшу. Хотя стоп, а что же Казимир?” – внутренняя дискуссия резко “сошла на нет”, когда Никодим вспомнил о своём друге и, медленно отняв руки от лица, посмотрел на лежавший рядом телефон, который давно не оповещал хозяина о том, что ему кто-то звонит.

Никодим взял тонкий полупрозрачный экран устаревшей модели в руку и, смотря сквозь него на собственный расплывчатый подчёрк, раздумывал о том, чтобы самому попытаться дозвониться до товарища, давно не оповещавшего друга не просто о своём существовании, а о ходе той важной операции, чьим зачинщиком, по факту, являлся с подачи “лёгкой руки” Никодима...

Желание сего действия трепетало внутри неотступным требованием, однако когда мужчина активировал экран и посмотрел на время, то понял: вскоре обратно придёт Алина. А это означало лишь то, что требовалось срочно дописать письмо...

“Но какой в этом смысл?... Нет. Есть смысл. Казимир, Алексей, я – есть много людей, которые не будут жить в реалиях того мира, что нам хотят навязать. Нет. Так не честно. Это Я создал П.В.Н.... И далеко не ради таких целей! Мир никогда не знал самого Мира! Извечные войны, взаимные уничтожения людей, народов, государств... Всё это – бич человечества, сгнивающий заживо аспид, который в конечном итоге изничтожит и самих людей, но который сегодня, при нынешнем нашем развитии можно искоренить. И Я создал то, с помощью чего это можно сделать! И Я не позволю использовать своё же детище в иных целях, которые не соответствуют тем, что были присущи ему изначально! Это – не воля его создателя, а следовательно – это ошибка. Это то, что надо уничтожить, ради того, чтобы потом начать сначала! Или хотя бы попытаться,” – рассредоточенный взгляд Никодима, что во время внутреннего переосмысления собственных идей и мотивов сиротливо блуждал по столу, не замечая, словно, ничего, резко остановился на неожиданно ударившем по твёрдой поверхности кулаку – Никодим сам такого от себя не ожидал и сделал сие действие лишь поддавшись чувствам, “бурлящим” внутри.

Смотря же на побелевшие от сжатия фаланги пальцев он, немного улыбнувшись, подумал: “Ха... Мне бы с такими мыслями, да к редируму примкнуть... Эх, надо будет всё-таки спросить насчёт этого у Казимира. Хотя, я сейчас на улицу нормально выйти не могу, какой редирум,” – и отложив от себя телефон, – Никодим решил позвонить другу уже после того, как передаст готовое письмо девушке, что вскоре должна будет прибыть к нему, – мужчина вновь взялся за ручку, умиротворяя волнение внутри себя касательно своего приятеля, что в эту ночь, когда профессор бредил в веренице дум касательно состояния ребёнка, явно делал нечто, на что подтолкнул его Никодим, и вот чем всё закончилось, теперь желание получить данную информацию слабыми уколами разума тревожило мужчину, припоминающего речь Алины о некоем инциденте в Институте, почему человек и решил, что требуется у неё разузнать об этом побольше. Вместе с тем он уже принялся медленней, более размеренно подходя к своим предложениям, выводить текст.

В конечном итоге пожилой мужчина, путём последовательного анализа ситуации, сам же выделил моменты возможной победы над данной системой, ибо она не может функционировать без как такового “сердечника”, созданием которого и занимался мужчина, то есть – основа всех возможных машин, воздействующих на ноосферу, является именно тот механизм, что находится в здании Института. Коль верить Алексею, – от которого Никодим вовсе уже не ожидал помощи и теперь был крайне возбуждён да воодушевлён таковым ходом молодого человека, который в то же время вызывал в нём и некоторое волнение, – иные разработки лишь в стадии производства. То бишь, если они и могут уже функционировать, то в любом случае ключ к их управлению должен находится не только в местах строительства, но и у главной консоли – именно того “сердечника”. Никодим знал эту схему и принципы её действия, посему теперь и решил выразить в письме главенствующую задачу Алексея не как некоторые действия, собственно, по уничтожению, а новую добычу информации: все его догадки

требовали подтверждения, которое мог организовать нежданный, но необычайно вожденный союзник.

Написание не сказать, чтобы затянулось – на него было потрачено именно столько времени, сколько было отведено. Ибо, что особенно интересно, когда профессор поставил точку в выражениях своих дум и заметил, что весь выделенный им для себя же лист А5, еле найденный в закутках квартиры, исписан, система видеонаблюдения вновь оповестила только-только “развалившегося” в кресле хозяина, что к нему в обитель вновь некто желает попасть.

На сей раз пожилой человек был лишь рад очередному визиту.

Глава 2:

– Алина?

– Да, Никодим.. Павлович. Вы уже закончили? – прозвучало из динамиков.

– Вот только что, – заверил мужчина, отворяя дверь к лифту через идентификационный код на запястье.

Девушка ничего не ответила: через око камеры Никодим заметил блеклую улыбку, мимолётом появившуюся на её устах, когда особа входила во внутрь дома. Она очень устала – профессор понимал это и вместе с тем всё равно хотел кое-о-чём дознаться у новой знакомой.

Шанс представился ему, когда та поднялась к его двери. Вблизи её лицо выглядело более измождённым. Это, скорее, моральная усталость, а не физическая, по крайней мере, так определил Никодим, придерживая входную дверь квартиры да встречая гостя, ⁷⁸**как Холлис Мейсон встречал Дэниэла Драйберга.**

– Знаете, я тут только что сидел, в общем, над письмом. И думал, откуда вы знаете Алексея? – пропуская в квартиру девушку, которая чуть помедлив, всё-таки вошла, – она явно не собиралась этого делать, почему и смотрела на собеседника с нежеланием вступать хоть в какой-либо диалог, – Никодим всё же задал желанный вопрос. – Просто, понимаете... Он рассказывал о том, откуда знаком со мной?

– Не удосужился, – пытаюсь не показывать усталости, как можно более вежливо ответила девушка, рефлекторно присев на шкафчик для обуви – это одно действие уже “говорило” о её состоянии.

– Ну, я просто его бывший преподаватель, и что-то вас я среди студентов Института не припоминаю... Или я ошибаюсь? Память, понимаете, подводит...

– Нет. Не ошибайтесь. Скажем так: Лёша очень сильно мне помог, вот я и решила помочь ему.

– То есть, вы знакомы с ним недавно? – с подозрением поинтересовался, стоя напротив в коридоре, Никодим у сидящей девушки.

Подспудную тематику сего вопроса Алина поняла сразу: как Алмыков-младший вольнодумственно доверился малоизвестной ему особе, что, по стандартам обыденности, – не совсем комильфо, – во всяком случае, для профессора, – особенно в подобном деле... Да и вообще: доверился ли?

Разум в данный момент немного прояснился: как ответить на такое. Ведь, по сути, взаправду – парень мгновенно начал доверять безызвестному человеку. Но это было не просто так: смерть Миши, цель и действия Алины, что были продемонстрированы в Институте, однозначная срочность всех тех действий, что он выполняет вместе с девушкой, обусловленная сложившейся ситуацией – обо всём об этом Алина может пояснить, но надо ли. Она сама не знала, какого доверия заслуживает человек, что стоит напротив неё. Да и если он узнает о том, что она приверженец редиума – как отреагирует... Хотя, он ведь также стремится уничтожить машину, то есть не может быть человеком полностью негативно относящимся к мировоззрению культуры, которой придерживается девушка.

– Ну-у... Он всё-таки, как вы видите, проникся ко мне доверием... Разве вы сами не обнаружили доказательств того, что письмо было написано им? – всё же Алина решила не прояснять всей подноготной.

– Эм-м... Это, конечно, так. Вот только, на него это так не похоже, – немного растерялся мужчина, явно понимая правдивую точность слов, сказанных собеседницей.

– Сейчас не та ситуация, чтобы особенно были другие варианты. – Алина хотела как можно быстрее закончить этот разговор.

– Это вы о чём? – обратную же цель поддерживал Никодим.

– Да так, я уже вам вскользь упоминала.

– Ах да, Институт, так? – удача была явно на стороне профессора, ибо даже самолично не заводя разговор на данную, как ему показалось, щепетильную для девушки тему, он сумел к ней “прийти”, вместе с тем подспудно опасаясь того, что все его предположения касательно сложившейся ситуации, виновником которой он был, являются правдой. – Вот, кстати, я хотел спросить, а что же там произошло... Просто, я на некоторое время совершенно, так сказать, “выпал” из социальной жизни и вообще ничего касательно этого не знаю. Но, судя по всему, что нечто не совсем значимое: в новостях на рекламных дисплеях это не освещали...

Никодим произносил последние слова медленно, словно понимая всю их глупость, что пронизывала предложение благодаря взору Алины, наткнувшись на который мужчина начал осознавать нелепость озвучивания своих предположений.

– Или же.. нет?

– Насчёт экранов на улице ничего сказать не могу. Но в интернете об этом уже точно пару статей вы найдёте – по крайней мере, Лёша нашёл.

– Ну так, может, вы мне объясните, – этого Алина хотела меньше всего.

– О-ох. Давайте, в следующий раз, хорошо? Я очень устала и сейчас хоть как-то задерживаться у вас мне не хочется, – ум выполнял свою работу крайне медленно, посему, осознав свою бестактность, Алина поспешила оправдаться да вновь “обелить” собственное имя: – Вы.. я. Я прошу прощения за грубость, но, поймите, я правда очень устала... Я обещаю, что при следующей встрече вам всё расскажу. Честно, мне самой хочется. Просто, если вы найдёте информацию по инциденту или об этом всё-таки покажут в новостях, то явно половину всей правды просто утаят, ну, может не половину, но всё же. Но у вас, как бы так сказать, есть возможность этого избежать...

– В вашем лице, – когда Никодим “вставил” данную фразу в речевой поток девушки, на его лице “заиграла” понимаем улыбка, обозначающая его вовлечённость в ту тему, что раскрывала молодая особа: опасения внутри не прекратились, однако он однозначно понял, что и собеседница как-то ко всему произошедшему (а *это* уже произошло – теперь мужчина был уверен) была причастна, что давало волю получить сведения из достоверных “источников”.

– Да. Но.. Ох, в общем, ладно. С Институтом всё довольно не просто, тут надо понять, что у людей просто не было другого выбора и вот, ох... – Алина уже начала рассказывать о самом происшествии, поняв, сколь глупо звучали её слова.

Однако, когда Никодим понял, что девушка начала знакомить его с историей, которую ей в данный момент поведать не хотелось никому ввиду излишней изнуренности, то тут же запротестовал, решив для себя, что способен с этим и повременить. Также он осознал благодаря первой же фразе касательно людей, у которых не было иного выбора, что его опасения – не беспричинны, почему и осознание того, что сейчас услышать всю правду он не готов, также явилось чётко и ясно. Ибо ему и так было боязно в некотором роде слышать истинность произошедшего так сразу, а желалось более “подготовить” себя к ней, путём дознания некоторых фактов самостоятельно через сторонние содержащие информацию органы:

– Нет-нет, Алина, успокойтесь. Не стоит, – он слегка прикоснулся к её плечам, в тот же момент впервые за долгое в сознательном состоянии почувствовав под пальца чужую плоть, вместе с тем полностью отдавая себе отчёт, что сумел-таки дотянуться до человека, то есть до существа, которого ввиду времени, проведённого не на свободе, опасался, пусть последнее время и куда меньше, нежели раньше.

Попытавшись придать своему лицу беззаботные очертания, Никодим продолжил:

– Вы лучше, отдохните. Мы ведь ещё увидимся?

Девушка застыла на пару секунд, раздумывая над его словами и абсолютно не обращая внимания на то, что некто дотронулся до неё:

– А-а... Да, да, думаю, завтра. С утра я передам ваш ответ Лёше, ну а он, думаю, и вам что-то, ха, отправит.

– Через вас, – будто бы закончил за Алину Никодим.

– Через меня, – слабо улыбаясь и безвольно мотая головой в знак согласия, подтвердила собеседница.

– Ну, тогда.. не смею вас задерживать, – хозяин квартиры быстро пошёл на кухню, дабы забрать письмо. – Вы, главное, не забудьте своё обещание. Договорились? – вопрос был задан уже в тот момент, когда сложенный пополам лист “переходил” из мужских рук в руки женские.

– Конечно. Не волнуйтесь, – медленно проговорила собеседница, выходя из квартиры да приближаясь к лифту, уже ждущему её с ярко освещённой кабиной, где искусственного света было, как всегда думалось Никодиму, излишне много.

И в этом свете сейчас ему, устало махая рукой на прощанье и приговаривая “До завтра”, стояла девушка, отчего-то теперь казавшаяся такой невинною, такую добродушной и однозначно заслуживающей того доверия, которое ей со своей стороны выразил Алексей. И что-то внутри закрывающего входную дверь профессора подсказало ему, что он со своим бывшим учеником полностью солидарен.

Глава 3:

“Внимание, в магазине **“УльтраStep”** снова скидки!” – реклама пыталась привлечь умы людей уже битый час приятным женским голос и совершенно бессмысленными словами. Говор был столь громким, что как обычно данный фон, каким его привык воспринимать Никодим, слышался даже в его квартире, что не шибко-то и удивительно, ибо рекламный электронный щит стоял у дороги прямо под окнами квартиры. Однако в данный момент мужчину это совершенно никоим образом не отрывало от поиска всё более новых фактов о случившемся в Институте. Он открывал каждую непроверенную ссылку, прочитывал все комментарии под ранее прочитанными записями или же под новыми. Он искал и ждал чего-то неизвестного ему же, ибо просто не мог поверить в то, что уже знал... Точнее нет, он знал, что хочет узреть, вот только в то же время понимал, что это невозможно, ибо столь огромное количество фактов и отзывов однозначно убеждают в том, что ситуация имела место быть. И теперь определить её как шутку или некое недоразумение, которого на самом деле не было, – невозможно, как бы этого не хотелось.

“Теперь, при покупке двух пар обуви, третью, вы получаете в подарок! А также, вместе с этим, вам даётся купон на приобретение половины пары! То есть, когда вы в следующий раз придёте в магазины сети “УльтраStep” и купите хотя бы одну пару, то получите купон и на вторую половину пары! Чего же вы ждёте?! Предложение действует до конца лета! Успеете купить!” – бездарное и бестолковое завлечение покупателей абсолютнейшей ересью закончилось довольно обыденно, тогда как музыка, что быстрыми ритмами звучала на фоне, всё ещё словно пыталась продолжиться в умах, отложившись там приставучим и трудно-забываемым куском безвкусицы.

Но уже в следующее мгновение иная звуковая занавесь постигла разум общества, не “пропустив” также и ум Никодима, сейчас поглощенного “сетью” Интернет. Как он и предполагал, в век мирового подключения к общему информационному облаку глупо полагаться на информацию, что даётся людям путём новостных выпусков, ибо подготовка репортажей даже сейчас ввиду фальсификации данных способна быть долгим делом, которое стоит настроить в программе визуализаторов:

“Вчера днём группа неизвестных ворвалась в здание Института с целью проникнуть на высшие этажи здания. Точные их планы до сих пор остаются неизвестными, однако сообщается о двух погибших и множестве раненых, как среди персонала учебного заведения, так и среди нападавших,” – бесчувственный голос искусственного диктора сумел проникнуть под корку головного мозга профессора, таким образом заставив его прислушиваться к первому новостному выпуску, освещающем события, что произошли уже как сутки назад.

“В момент нападения в здании не было никого из учащихся, лишь охрана и обслуживающий персонал. В связи с внезапностью нападения и общим уроном, нанесённым неизвестными, глава Института Алмыков Сергей Пантелеевич подал в отставку, “переложив” все обязательства на своего сына, притом заметив, что, цитата, “пусть он довольно молод и сам ещё не окончил И.И.Н.И.М.П., но о главных принципах работы с таким аппаратом знаком. Также его действия на посту главы Института будут жёстко контролироваться кругом приближенных к главному педагогическому корпусу лиц”. Стоит отметить, что Алмыков Алексей Сергеевич является одним из лучших студентов Иститута, почему выбор его отца становится не столь удивительным. Напомним: нападение на Институт произошло вчера примерно в три часа дня. Все зачинщики беспорядков задержаны, нуждающимся оказывается помощь. На месте с момента окончания инцидента работают группы оперативников. Репортёров и журналистов к месту инцидента не подпускают” – голос оборвал кавалькаду механических звуков также резко, как ⁷⁹**капитан Малькольм Рейнольдс угрозы Лоуренса Добсона.**

И вновь началась реклама, чьи бесконечные радостные мотивы никак не сочетались с атмосферой потухшего дня, что теперь царил за окном.

“О, наконец-то додумались... Спусти столько времени-то... Двое погибших, в отставку подал... Да быть этого не может! Не подпускают их. Люди вон, ещё со вчерашнего дня об этом говорят. Описания четкие выкладывают... О, уже удалять начали. Ну ясно, вот оно, значит, как,” – думал Никодим, пробуждая в себе непомерную ярость. Он был расстроен, даже более того: он был шокирован и готов был чуть ли не плакать, лишь утолить то чувство всепоглощающей несправедливости что, как казалось ему, теперь была вездусущей.

Он не хотел верить в то, что прочел, что услышал, что осознал. Это всё было столь нереальным для него, что тело то и дело поддавалось искушению отбросить планшетный экран в стену, захныкать от бессилия да свалить со

стула на холодный кафель, система подогревания которого сломалась ещё до его заточения в тюрьму.

Но вместо того Никодим лишь “разгорался”. Будоражил в себе понимание всего того беспорядка, что невидимой, еле осязаемой тенью пронизывал информационные источники, отравляя умы людей частичной или беспрецедентной ложью, чью истинность нельзя будет проверить.

Уже как два часа назад ушла Алина. И по её совету Никодим, собственно, и начал искать возможную информацию. Его настроение было в тот момент довольно приподнятым. Отчего-то он не представлял, что сей день может каким-либо образом осрамить себя. Он думал о Казимире. О том, как позвонит ему. Однако почему-то совершенно не задумывался о том, что могло случиться с ним ночью, когда было решено напасть на Институт. Он вообще не задумывался о нападении, словно забыв о нём: с того момента многое произошло и теперь подобный вариант действий был отнюдь не единственным, почему и его использование казалось просто глупым, забываясь на фоне иных методов.

И именно потому был особенно он ошеломлён, когда вычитал на различных ресурсах, да вдобавок услышал из-за окна, дату и время того действия, в чьём зачинстве он принимал участие, о котором уже жалел до внутреннего опустошения.

“Почему именно три часа? Из-за чего так рано? Так несогласованно и бестолково договорившись с иными участниками? К чему была эта спешка? И сколько всё-таки жертв: трое или двое?” – если на последний вопрос Никодим уже сумел ответить, то на иную плеяду он осилить не мог.

Видимо это были личные причины, которые и погубили Казимира да Мишу: расплывчатые фотографии в сеть “слили”, наверное, сразу же, как только стало возможно сфотографировать трупы. Однако теперь их уже успели удалить *кто-то* сверху, дабы это никак не повлияло на ту информацию, которую они дали на осознание людям через множественные визуализаторы да биллборды.

В одночасье Никодим два часа назад лишился и своего единственного, а по сути и лучшего, друга, да прошлого ученика, с которым в одной группе и учился Лёша. Тогда это было чем-то сродни удару обухом по голове. Сейчас же боль уступила место ярости желания узнать больше, узнать правду – так он пытался сдержаться, так он пытался заставить изгнать из себя же чувства печали, жалости... Те чувства, которые позже, когда эйфория от злобы пройдёт, дадут о себе знать в полной мере, с мощью долго томящихся в отключении и тьме у зарядных устройств осветительных приборов. Никодим это тоже понимал, но пытался пока не думать.

Он пытался думать об ином. Об вранье, об отставке Алмыкова, в которую он не мог поверить.

На множестве сайтов говорилось, что жертв было трое, но фото третьего человека найти так и не удалось. Но теперь некоторые догадки были и у профессора, ибо та ересь, которую сказали в новостях, никак не желала

образовывать единую картину с тем человеком, которого лично знал Никодим: с тем, кто при окончании строительства П.В.Н.Н. чуть ли не за всех иных кричал во всю мощь своих лёгких ⁸⁰“**Да здравствуй, наш Зиккурат!**”, одним лишь взором на приборную панель приравнивая машину к ⁸¹**Вавилонской башне**.

Однако более ничего не выходило: резко неугодную информацию начали “подчищать” те, кому это было выгодно.

“Ещё удивительно, как они только сутки сидели и ничего не делали,” – злорадно усмехнулся про себя Никодим, понимая, что он-таки успел запрыгнуть на ускользающий поезд. Комментариев, как и статей, становилось всё меньше – ⁸²**Комбинат** начал всё же свою работу.

Никодим это понял и догадывался уже давно, потому даже успел принять, как должное. Почему теперь не расстраивался – он “изливал” энергию своей злобы в иное, а именно искал на карте близлежащие участки органов безопасности: Алина ушла от него, а после довольно быстро вернулась, что значит, что живёт она не далеко, коль учесть, что она была ещё и с маленькой девочкой, опеку над которой ещё следовало оформить. То бишь, коль он побывает в каждом из близнаходящихся отделений, то где-нибудь да узнает, по какому адресу проживает девушка – человек, который знал ответы на многие вопросы, которые тревожили разум пожилого мужчины.

Никодим доверял ей, по крайней мере, чувствовал некую доверенность, почему и не думал о том, что она могла его обмануть и завести к себе девочку без соглашения с органами: она ведь и обратно, как-никак, возвращалась. А также мужчина подозревал, что она и сама участвовала во всей той катавасии, что имела место вчера в Институте, почему достоверные данные о причинах и следствиях он мог узнать лишь у неё...

Глава 4:

Знал бы только Никодим в тот момент, когда самовольно отпускал девушку. Знал бы он только, или хотя бы догадывался о том, что она может быть как-то непосредственно связана с трагедией в Институте – не за что бы не поступил так глупо и опрометчиво.

Теперь всё для него приобретало смысл, теперь мужчина понимал невероятную усталость девушки. Её неопрятный вид более не вызывал у него вопросов, а лишь более уверял в том, что она не просто знает больше: Алина, наверняка, участвовала в штурме. Значит – она, возможно, приверженец редирума и была знакома с Казимиром... Нет. Насчёт этих мыслей было крайне рано. Но они уже вступили в свои права внутри разномастной, беспокойной анфилады дум, что своей хаотичностью буквально разрывали на части пожилого человека, который желал получить ответы и не поддаться поражающей его всё более и более вере в собственное и бессилие, и бесполезность.

Никодим смотрел на полупрозрачный экран и пытался сделать его яркость ещё больше, в надежде, что хоть так сумеет понять карту местности, которую изучал, и на которой были отображены все близлежащие строения

органов безопасности. Но ничего не выходило: не способный корректировать своё внутреннее биполярное состояние человек не мог нормально осознать да впитать информацию.

Профессоров одновременно и корил себя за совершённые ошибки, которые, по сути, и ошибками-то не являлись, и за то, что подвёл Казимира, в то же время понимая, что тот сам начал нападение непростительно рано, и даже за то, что когда-то просто придумал механизм, теперь лишь творящий зло... Как бы он хотел, чтобы этого не было. Но это было, и, принимая это с болью в груди, Никодим хотел разрушить своё же детище, сокрушить то положение вещей, что сейчас властвует над социумом, ⁸³**словно система “Сивилла”** в давно забытой антиутопии.

“Так. Так. Стоп... Стоп. Вот, их четыре. Так, выходит, надо зайти в каждый, так,” – успокаивал себя Никодим, стараясь воспринять ту схему улицы, на которой он жил, что сейчас смотрела на него с полупрозрачного экрана планшета.

“Всё нормально. Ты найдёшь её и всё узнаешь. Ты не мог знать, что всё так обернётся. Она была уставшей, ты её пожалел – всё нормально. Ты ни о чём не догадывался... Ну как же тут не догадаться, она же прямо своим видом обо всём говорит! Чёрт тебя дери! Как же так?! Да и как я выйду?! Я и шага сделать не могу один! А-а, ничего не выйдет, не смогу, не получится!... Нет. Стоп. Сможешь. А в остальном: так получилось. Зато теперь она сможет всё рассказать тебе точно и без опущений: она отдохнула. Ты её найдёшь, всё нормально. А если и она ничего не знает?! Черт! Алмыков, не мог он покинуть пост!! Его сын! Надо с ним! Он знает! Нет. Нельзя! Он доверился ей, значит только через неё получится точно узнать всё, что необходимо, – внутренние распри продолжались ровно до сего момента, когда вдруг Никодим осознал одну деталь, о которой сразу поспешил сам себя спросить: – А зачем?”

И тут Никодим ощутил полноценно внутреннюю пустоту. Тот эффект, что он испытал при прочтении о смерти Казимира, при взоре на его застывшее, бледное лицо, на котором как всегда красовалась еле заметная, лёгкая, словно инерциальная, улыбка, превозмог злобу, превозмог разум... Его нельзя было вернуть. Всё, Никодим потерял в жизни много. И теперь этого, потерянного, стало ещё больше. И вновь по его, во многом, вине.

При внутреннем вопросе профессор на секунду застыл над кухонным столом, после чего резко сильно задышал и, издав некий утробный стон, отпустил электронный прибор, мягко приземлившись на амортизирующую поверхность стола. К сожалению, пол такой амортизацией не обладал, почему, завалившись всё с тем же глухим стоном на левый бок, пожилой мужчина, сильно ударившись плечом, приземлился на холодную плитку, небольшой осадок пыли на которой в стороны, мелкими сонмами, разбрасывали вниз стремящиеся слёзы. Слёзы человека, не сумевшего победить свою печаль и теперь просто катающегося из стороны в сторону по полу, словно пытаясь найти своё место или заполнить внутреннюю черную дыру всей той пылью, что скопилась за три дня без уборки.

Но ничего не получалось. Никодим полчаса, издавая невнятные продолжительные крики, перекашивался со спины на ушибленный бок и обратно, каждый раз всё сильнее надавливая на потревоженные рёбра, словно в последнем изнеможении пытаюсь как-то остановить душевные терзания, “заглушив” их физическими. Но вновь-таки – это не помогало. Зато помогло время: спустя тридцать минут Никодим прекратил телодвижения и начал просто лежать на полу, не в силах подняться. Из глаз, будто поддаваясь рефлексу, лились остатки влаги, а в мыслями курировали думы, характерные для сторонников сингравацизма.

Так прошло около двух часов, пока наконец мысль о том, что надо всё-таки взять себя в руку не устранила пагубные рефлексии, являющиеся обычным следствием самобичевания и осознания личной ничтожности: Никодим, придерживая ушибленный бок, поднялся и пошёл в ванную.

Идея найти жилище девушки не отпускала его, ибо теперь, пусть он и не поможет другу, но сумеет понять причины, сумеет понять где правда и где ложь, общую специфику ситуации – там уже и подстроиться можно, да на что-то повлиять.

Умываясь, Никодим понял, что уже вечер, отметив с этим, что, наверняка, Алина могла более-менее отдохнуть, почему его визит не будет казаться чем-то навязчивым и не желательным. Томным, безэмоциональным взглядом смотря на Первый этаж Города, что тонул в природной мгле поздних сумерек, словно в жажде спасения изливаясь своими разноцветными огнями да голосами, пожилой мужчина оделся, понимая притом, что теперь на окружающий люд ему абсолютно наплевать.

Как оказалось через пять минут, всё не так просто: как только Никодим вышел на улицу, ему на телефон тут же позвонили. Без интереса подняв трубку, он слушал на том конце приятный молодой женский голос, который серьезно попросил вернуться обратно в квартиру.

Мужчину это взволновало, но на вопрос о личности звонящего, ему ответили лишь советом: не делать далее никаких шагов. Паника проснулась внутри профессора, однако он всё ещё владел собой, озираясь притом судорожно по сторонам. Последней каплей было наставление: “Прекратите вертеться. Это выглядит подозрительно. А мы ведь этого не хотим, верно?”.

Тогда Никодим понял, что его главный противник всё-таки решился действовать. Но на изъятый им интерес, касательно причастности голоса к Институту, голос вновь посоветовал вернуться домой, что теперь мужчина и сделал, чувствуя, как по спине бежит струйка холодного пока, а из рук чуть ли не выскальзывает и так неудобный, тонкий телефон.

Внутри квартиры спокойней не стало. Во многом из-за того, что, как только Никодим вошел, ему в дверь тут же позвонили. На экране видео наблюдения он увидел девушку. Она была примерно того же возраста, что и Алина, может, немного старше. Что бросалось в глаза, так это два сопровождающих её мужчины в строгих костюмах без опознавательных знаков, и личные

глазные модули самой девицы, которые редкими, особенно заметными на бледной коже, бликами от сетчатки и маленьких точек на висках обозначали себя.

Следя за индикатором камеры, она заметила, что за ней уже наблюдают, и спокойно посмотрела в объектив. Также умиротворённо улыбнулась, притом легко кивнув в знак приветствия, и обернулась обратно на дверь. Достала не торопясь из кармана универсальную ключ-карту да приложила её к индикатору. В следующее мгновение, когда проход к лифту открылся, Никодим понял, что пытаться скрыться уже бесполезно.

THE END 2...

Сообщение

Тема: Краткое описание развития мира в период с двадцатых годов двадцать первого века по сегодняшнее время

Составила: Алутьева Инна

Язык: русский

Первый настораживающий “звоночек” явил себя ещё тогда, когда немалую обширность приобрели споры между Баку и Арменией, впоследствии переросшие в военный конфликт. Который был в информационных источниках всё же “заглушён” в ближайшее время иным событием: Северная Корея нанесла ядерный удар по Соединённым Штатам Америки.

Резонанс, что приносит в политическую сферу данное событие, заставляет многих одуматься: всеобщего Апокалипсиса не выходит, так как ООН и ЕС, приходя к мирному объединению, регулируют ситуацию с Америкой, которая всё же сразу после атаки по себе наносит ответный удар по Корею. Таким образом: два ядерных удара случилось, у США изолированы от иных территорий два штата, а Северная Корея больше не существует как государство. Иных применений столь грозного оружия удаётся избежать стараниями союза ООН и ЕС.

Далее Америка меняет внешнюю политику касательно Российской Федерации. Ситуация с их конфликтом больше не актуальна: США ослаблена и в знак дружелюбия отменяет санкции, вместе с тем РФ, понимая мотивы США таковыми лишь ввиду их состояния, а также их гордость, “добровольно” оказывает помощь пострадавшим районам, населению и государству в частности.

Данная стабильность чуть ли не терпит крах, когда в Белоруссии находят нефть.

Таким образом запасы дают возможность отойти из-под экономического “крыла” России, укрепив свой суверенитет. Но данная цель привлекает Америку как ещё один возможный дешёвый поставщик топлива. Войной идти она не собирается и, оказывая влияние на ЕС, а также, в особенности, на граничащие с Беларусью страны со стороны Европы, оттесняет в угол сложного экономического положения нашу страну. России это, конечно, не нравится.

Заступаясь за соседку, как за братское государство, РФ, восстановив своё влияние в данном международном политическом клубе, во время саммита Большой 8-и ослабевает влияние США в 6-и странах – важных игроках экономической арены. Зреет очередной конфликт, но Америка, будучи ещё “не в лучшей форме”, во время визита к главе Российской Федерации договаривается о компромиссе: урегулировав стоимость нефти на бирже, они прибегают к подписанию договора, в котором свою подпись ставит и президент Белоруссии. Согласно ему, договору, Беларусь поставляет нефть как первой, так и другой стороне по одинаковой цене за барель, однако ввиду

сложной переправки с США оклад получается выше, что справедливо и устраивает все три стороны. Между двумя основными сверхдержавами вновь мир.

Баку и Армения по-прежнему не прекращают войны. Проблема миграции в Азии, ставшая актуальной ещё с “Корейской трагедии”, выходит на новый уровень обострённости, почему страны южной части Азии вынуждены искать помощи на малозаселённых землях Сибири. Однако на них же уже давно “косо” смотрит дружественный РФ Китай.

Понимая абсурдность нападения на имеющую столько старых и новых политических союзников Федерацию, страны Азии, более всего терпящие поражения на экономическом фронте, вынуждены просить входа в Таможенный Союз, дабы для беженцев из-за той стороны Каспийского моря, которым сбежать из Армении на южную сторону, более всего Турцию (Ирак, Иран и прочие уже тогда были под большим влиянием ИОС), было сподручнее и дешевле, нежели в объезд, пересекая границы нескольких стран, добираться до России. И в то же время жители Азейбарджана свободно идут в РФ, но такой большой стране это мало чувствительно. Хотя тогда же это дополнительные траты, увеличивающиеся с приростом людей, то есть Российской Федерации требуется больше ресурсов и денег, ввиду чего она сама агитирует страны на подобный Союз. Путём долгих переговоров, к которым примыкает и Китай, главы государств приходят к согласию, ввиду чего Таможенный Союз расширяется в несколько раз и территориальным, и политическим влиянием. Также на довольно быстрое принятие этого решения влияет и то, что южная Азия “припоминает” события середины второго десятилетия второго тысячелетия, когда волнения в Сирии, Иране и так далее достигали своего апогея, ввиду чего из данных стран в самые развитые государства Европы (Германия, Франция) “идёт” огромный поток беженцев, ставя эти страны в неблагоприятное экономическое и политическое положение. Не желая повторения подобного, Азия и прибегает так споро к данному ответственному, сильно меняющему геополитическую карту, шагу.

Вернёмся же к нашей стране. Договоры с РФ и Америкой подписаны, впредь мы, по большей части, - площадка для утверждения дружеских отношений. Большое количество экспериментальных проектов этих товарищеских государств получают развитие именно здесь, за что мы, конечно, получаем мощное индустриальное развитие во всех отраслях общественной жизни: то есть наука, то есть промышленность, то есть образование и так далее. Но вехой “треугольного” сотрудничества становится до этого нигде не виданный образовательный комплекс - Институт Изучения Ноосферы И Мыслительного Порядка, он же И.И.Н.И.М.П. Возводится он на территории Беларуси, где быстро получает развитие. А спустя два десятка лет всецело отходит к нашей стороне, так как по результатам общего саммита, где обсуждался вопрос по разделению акций и ресурсов Института, эксперимент был признан неудачным, с чем я, к слову, не согласна. В пример можно поставить хотя бы теперешний уровень престижа этого учреждения. Другие же товарищеские проекты остаются функционирующими для трёх стран.

К середине 21-го века идёт уклон на возникновение триполярности мира, выраженной теперь не во вражде, а на развитии общемирового уровня жизни. С распространением неолдемократии, а также с территориальным развитием РФ и иные страны решают создать подобные союзы: Америка укрепляет свою положение, воссоединяясь более политически, нежели территориально, по аналогии с прошлым Таможенным Союзом, с Канадой и Мексикой, таким образом решается давнишняя проблема с иммигрантами ввиду обширных земель Канады; как восполняемый, так и не бесконечный сырьевой баланс удаётся урегулировать, а вся Северная Америка принимает политику неолдемократии. Европа также идёт на подобные меры, дабы стабилизировать ситуацию и энергетических ресурсов, и иммигрантов – отголосок проблемы первой четверти 2000-ых годов. А также с целью всецелого обновления да развития тяжелой промышленности, что сыграло здесь немалую роль, ибо автомобильные заводы Германии и Франции, частично объединившись, “поработили” под себя около 60-70% общемирового авторыннка, тем самым нормализуя и шаткую экономику, укрепляющуюся в союзе.

Общего языка ни в одном из союзов не “берётся”, с чем были связаны немалые споры тогда, однако на данный момент проблема более-менее решена, путём внедрения в школьную программу дополнительных занятий и большего “напора” именно на данный предмет – английский. Он негласно выбран, как общий язык, ибо он легче всех иных, он более всего распространён, а в условиях шатких союзов, где в любой момент любая из стран может вновь принять суверенитет – это наилучший выбор.

Подобно иным объединяются и Австралия с Океанией, образуя Тихоокеанский островной Союз (ТООС). Но большой роли на внешнеполитической арене он не играет, более занявшись внутренними проблемами.

Страны Африки вовсе не поддерживают политики объединения и придерживаются старых устоев, полностью отвергая, в большинстве, неолдемократию. Война и сейчас тревожит северную часть континента. В южной и экваториальной части конфликты тоже не редки, но куда менее разрушительны, из-за принятой политики частичной веротерпимости. Сейчас страны Европы, Америки и так далее уже куда меньше лезут в тамошние бои на почве различных церковных каст, что имеют место быть с первого десятилетия данного века. Теперь больше преобладает иная цель: отгородиться от терроризма, почему вдвое уменьшено корабельное сообщение между Союзниками и развитыми странами Африки (ЮАР). Авиация вовсе упразднена над землями жаркого континента, ввиду чего развитые страны страдают ещё больше, ибо больше затрат, следовательно меньше процент доходов, следовательно меньший стимул развития, однако до сих пор соседей, находящихся в военном положении, чужая ситуация не волнует. В последнее десятилетие был развёрнут крупный план по спасению политической ситуации в северной части Африки, что предусматривал вмешательство не “извне”, а именно со стороны юга – ЮАР. Но сейчас всё зашло в тупик, из-за недавно разошедшейся по миру революции. Но я верю, что, когда всё вновь успокоится в этом плане, человечество вернётся к решению проблемы Африки да урегулированию конфликта с ИОС.

Однако мы отошли от темы. Позвольте озвучить список стран, что по сей день сохранили свою самостоятельность и играют довольно важную роль в мировой политической ситуации: Япония – остров, не принявший Азиатский союз из-за Китая – давняя вражда, – а также с целью сохранения культуры и её наследия. Англия – вновь остров, чья цель идентична Японской, только уже более с промышленной точки зрения, а не духовной.. по крайней мере, мне так кажется. Итак, далее. Беларусь – это я уже говорила, мы независимы не от кого, в то же время помогая двум державам регулировать свои отношения. ОАЭ – сохранность полностью своих капиталов. Исландия – ох, эту тему я люблю, так как данная страна является основным, так сказать, пацифистом, государством отчуждённым (островной) и самообеспеченным, почему и не сильно вдаётся во всемирные политические прения. К слову: именно она выбрана центром общих мирных переговоров, почему сами военные действия на её территории являются нарушением правил видения войны, согласованных ООН, ЕС и так далее. В народе Исландия даже зовётся интересно: “Земля нравственности”... Но это я отвлеклась.

Ну что ж, также упомянуть следует тот же ЮАР – выражает большой интерес во вступлении в какой-либо Союз, однако “оторвана” от подобных федераций землями основных военных конфликтов, что я уже говорила. И Бразилия – является приверженцем неodemократии. В последние годы ввиду моды на самосовершенствование здесь сильно возрос социальный уровень жизни. Преступность в процентном плане упала, безработица также идёт “на спад”, в отличие от уровня образования, который только растёт. По последним её политическим тенденциям можно понять, что и Бразилия хочет стать частью ею же созданного Союза, где основными претендентами на объединение на данный момент являются Венесуэла и Чили, которые, кстати, и не против.

Ну да это была так, ремарка во всеобщее рассмотрение. Сейчас же хочу ещё раз вернуться к нашей с Вами родине, которая особенно сильно себя также продемонстрировала и в развитии добычи электроэнергии, чем только доказала свою целостность и самостоятельность как государство.

А именно: в той же середине 21-го века в свою максимальную стадию распространения входит мода на выработку энергии из альтернативных источников.

Беларусь, став центром взаимоотношений США и РФ, из-за продаж нефти, новых экономических соглашений, сделок и союзов, а также ввиду некоторого изменения в основных целях, ставящихся в политических кругах, начинает вкладывать немалые средства на развитие добычи и переработки альтернативной энергии. Немалые масштабы имеют строительства рукотворные платинные ГЭС, ВЭС строятся на обширных территориях “созданных” с помощью массовой вырубki лесов и мелиорации, что вызывает волнение в рядах защитников природы, чьи выступления и акции быстро и довольно тихо сходят на “нет” – понимание удачной стороны данной идеи. Вместе с тем идёт разработка ещё одного альтернативного способа добычи, после распространившегося по всему миру: разработка Инаевых, по которой немалую перестройку претерпевают автотрассы и городские дороги с целью внедрения в них принимающих вибрации от постоянного движения машин

либо людей внутри страны и перерабатывающих в электроэнергию нанодинамо установок. Результат оправдывает затраты: более половины загрязняющих энергопредприятий закрываются, однако большое количество рабочих мест, открывшихся в связи с обслуживанием данного дорожного полотна, с производством электроустройств, строительством подобных дорог и прочим, регулирует данную проблему.

В данное время на передний план “выходит” иная неприятная деталь: революции, первые очаги которой имеют местоположение именно в Беларуси. После же, спустя буквально пару недель, они начали “разгораться” и в иных суверенитетных странах. Основной целью демонстраций становится приход к власти одного основного политика, то есть обратный переход от неodemократии к демократии.

В общем, за чем нам с вами следить – имеется, однако я попрошу: давайте не будем оставаться в стороне. Спасибо.

Газета “Жыццё Сегодня”.

Рубрика “3 першых уст”.

Оригинальный текст Алеся Янчука:

Сёння, у тры гадзіны па палудню, жыхары Другога ўзроўню нашага слаўнага Горада маглі назіраць на прашпекце Прагрэсу не самую лепшую і зразумелую для звычайнага гледача карціну, дзе людзі, надзеленыя самымі дабрэйшымі пачуццямі, упершыню за гісторыю свайго існавання, ці, прынамсі, на маёй памяці, уступілі з кімсьці ў бойку. Прычым дадзенае дзеянне было зусім не дыспутам. Гэта было сапраўднае фізічнае насілле, якое памножылася ў сотні разоў і запаланіла ўвесь наш слаўны Інстытут. Што не падзялілі паміж сабою прадстаўнікі рэдырума і ўладныя над гранітам навукі - не вядома. Аднак канфлікт стаў шокам для многіх, але не для ўсіх. Адразу ж, як толькі сітуацыю ўдалося хоць трохі ўрэгуляваць, на месца здарэння прыбылі дадатковыя сілы правапарадку, якія акружылі тэрыторыю і нікога не падпускалі бліжэй чым на паўсотні метраў. Персанал Інстытута ў большасці да гэтага часу знаходзіўся ў памяшканні па прычыне атрыманых траўм. Іншая частка, выходзячы з будынка, адмаўляецца размаўляць з прэсай. З затрыманымі бунтаўшчыкамі таксама дыялог весці, зразумела, не даюць.

Так, вядома, сітуацыя выглядае вельмі падазрона. Ці яшчэ болей яе дзіўнасць павялічваецца ад таго, што інфармацыю пра яе імкнуцца захаваць, ці проста не даць “прасачыцца” на двор. Аднак ваш пакорны слуга ўсё-такі змог раздабыць самыя цікавыя і займальныя факты, якія датычацца дзённага налёту на І.І.Н.І.М.П. Перш за ўсё трэба адзначыць разбурэнні (фота дадаецца), нанесеныя прадстаўнікамі рэдырума, самому будынку. Звонку яны не бачны, аднак нам удалося атрымаць некалькі здымкаў унутранага стану спраў, так сказаць. Хачу асабіста ад сябе сказаць, што сама тэматыка таго, што маглі зрабіць прадстаўнікі рэдырума, мяне вельмі насцярожвае і азадачвае. Гэта проста не можа быць праўдай. Аднак, разважаючы на конт метаду нападу на магутны аб’ект, а канкрэтна выкарыстанне электрашокаў і дубінак (фота дадаецца), то ў галаве ўзнікаюць сумненні і вера ў тое, што цалкам верагодна дадзеныя людзі на самой справе маглі здзейсніць падобнае. Вось толькі ёсць адно “але”: іх адзенне. Так, многія чулі, што ў апошні час “Адраджэнне” праяўляе асобую актыўнасць ноччу, апрача таго, ва ўсё цёмнае і займаючыся сваімі невядомымі справамі. Вось толькі доказаў дадзеных чутак па сённяшні дзень не было. І я лічу, што і зараз няма, так як, цалкам верагодна, што людзі, якія напалі на Інстытут, - звычайныя дармаеды-рэвалюцыянеры, актыўнасць якіх асабліва павялічылася пасля “сутачнага страсення”. Прынамсі доказы маюцца ў большасці (фота дадаецца).

У такім стане поўнай невядомасці, мусіць цяжка аб нечым здагадацца. Аднак, у падобным сэнсе, бачыцца хоць нейкая сувязь усяго таго, што адбываецца...

Але, ведаеце, тут да месца будзе ўлічыць яшчэ і некалькі адназначных, бясспрэчных сведчанняў з “першых рук”, якія нам удалося атрымаць. У першую чаргу трэба адзначыць, што ў гэтым здарэнні было паранена каля

сотні чалавек, а трое людзей стала яго ахвярамі. Так. Абодва, як можна бачыць на фота, былі з ліку ворагаў (фота дадаецца): адзін – мужчына сярэдніх гадоў з пышной барадой, увесь лысы, спартыўнага целаскладу, невысокага росту. Другі – малады чалавек звычайнай постаці, высокага росту. Хай размытыя, але здымкі іх твараў нам удалося таксама атрымаць (фота дадаецца). Але вось выяву і апісанне трэцяй асобы ў нас не атрымалася нідзе знайсці.

Потым трэба даследаваць і галоўны матыў: як нам вядома, ворагі імкнуліся папасці на Трэці ўзровень Горада. Навошта? Магчыма, што радыкальна настроеныя рэвалюцыянеры імкнуліся, каб была паніка і хваляванні ў тым месцы Горада, дзе сканцэнтравана яго рабочае “жыццё”. Такой колькасцю, а нам паведамляюць пра лікі, болей чым сто чалавек, - болей дакладнага ліку няма, - ніякімі сродкамі попасці нельга, акрамя як прайсці праз паўпусты Інстытут, у іх бы не атрымалася. Таму і быў выбраны такі незвычайны спосаб.

Але ён не стаў усё ж такі паспяховым. Як паведамляюць, усе дэбашыры зараз затрыманы і ніякай пагрозы не ўяўляюць. Але, калі паглядзець на сітуацыю, якая існавала ля Інстытута на пачатку ў раёне каля трох гадзін, то пачынае здавацца, што і да гэтага часу яны ніякай небяспекі не ўяўлялі, так як, па словах мясцовых жыхароў, дадатковыя сілы органаў правапарадку пачыналі збірацца каля навучальнай ўстановы яшчэ задоўга да іцыдэнту (фота дадаецца).

Супадзенне? Або змова? Не мне аб гэтым судзіць і гаварыць, бо мая работа – проста даць Вам на суд інфармацыю для думак. Іншы “штурм” за Вамі. Спадзяюся назіраць яго ў каментарыях. А зараз гэта ўсе, што мне ўдалося для Вас знайсці. Мы будзем трымаць рацыю, а Вы – будзьце з намі. А дакладна з інтэрнэт-выданнем “Жыцце Сёння” і са мною асабіста, Алесем Янчуком.

Да сустрэчы.

(*Перевод) Сегодня, N-го июля 20N-го года, примерно в три часа, жители Второго уровня нашего славного Города могли наблюдать на проспекте Прогресса не самую лучшую и понятную для обыденного зрителя картину, где обыкновенно преисполненные добрейшими чувствами люди впервые за историю своего существования, или, по крайней мере, на моей памяти, вступили с кем-то в бой. Притом данное действие знаменовало собой отнюдь не дискуссионную баталию – нет. Это было именно физическое насилие, которое умножившись в сот раз напустило свою длань на наш славный Институт.

Что не поделили между собой представители редирума и властные над гранитом науки – не известно. Однако конфликт поверг в шок крайне многих, хотя не стольких, скольких бы мог: сразу же, как только ситуацию удалось хоть немного урегулировать, на место инцидента прибыли дополнительные силы правопорядка, оцепившие территорию и не подпускающие никого ближе, чем на полсотни метров. Персонал же Института своей большей частью до сих пор находится в здании, как нам сообщают, ввиду полученных

травм. Иная часть при выходе воздерживается хоть на от какого-либо взаимодействия с прессой. С пойманными бунтовщиками также диалог вести, понятное дело, не дают.

Да, конечно, ситуация выглядит крайне подозрительно и ещё более её странность увеличивается от того, что всякую информацию о ней пытаются скрыть или просто не дать ей “просочиться” наружу. Однако ваш покорный слуга всё-таки сумел раздобыть более чем интересные и занимательные факты, касательного дневного налёта на И.И.Н.И.М.П.

Сперва стоит отметить разрушения (фото прил.) нанесённые представителями редирума самому зданию. Снаружи они не видны, однако нам удалось получить пару снимков внутреннего состояния дел, так сказать. Хочу лично от себя сказать, что сама тематика того, что это могли сделать представители редирума – меня крайне настораживает и озадачивает. Это просто не может быть правдой. Однако, судя по довольно лояльному методу нападения на столь крупный объект, а именно в большинстве преобладает использование электрошоков и дубинок (фото прил.), то в голове просыпаются действительные сомнения и вера в то, что, вполне вероятно, данные люди действительно могли совершить подобное. Вот только есть одно но: их одежда. Да, многие слышали, что в последнее время “Возрождение” проявляет особую активность ночью, одеваясь во всё тёмное и занимаясь своими неизвестными для окружающих делами. Вот только доказательств данных слухов по сей день не было. И я считаю, что и сейчас нет, так как вполне вероятно, что люди, напавшие на Институт – обыкновенные тунеядцы-революционеры, активность которых особенно возросла после “суточного сотрясения”. Причём доказательства их действиям имеются в огромном количестве (фото прил.).

В таком положении полного неведения, конечно, трудно строить какие-то предположения, однако, в подобном смысле видеться хоть какая-то разумная связь всего происходящего...

Хотя, знаете, тут следует поставить на чашу весов ещё несколько однозначных, достоверных сведений из “первых рук”, которые нам удалось получить. Итак. В первую очередь следует отметить, что в данном инциденте пострадало около сотни человек, а его жертвами стало целых трое людей. Да. Двое, как можно увидеть на фото и как сообщается, были из числа нападавших (фото прил.): один – мужчина средних лет, с пышной бородой, полностью лысый, спортивного телосложения, невысокого роста; второй – молодой человек, обыкновенного телосложения, высокого роста. Пусть размытые, но снимки их лиц нам также удалось заполучить (фото прил.), тогда как ни описание, ни изображение третьего лица нигде ни найти, ни узнать не удалось.

Потом надо исследовать и главный мотив: как сообщается, нападавшие однозначно стремились попасть на Третий уровень Города. Зачем это? Вполне возможно, что радикально настроенные революционеры яростно стремились устроить панику и беспорядки в том месте Города, где сконцентрирована его рабочая “жизнь”. В таком количестве, а нам сообщают о числе, немного большем за сто человек, – более точного числа нет, – никак иначе попасть

туда, кроме как попытаться прорваться через полупустой Институт, у них бы не получилось, потому и был предпринят столь отчаянный способ.

Но он не увенчался всё-таки успехом: по сообщениям, все граждане, устроившие дебош, сейчас задержаны и больше угрозы не представляют. Хотя, если посмотреть на ситуацию, царившую у Института изначально в районе трёх часов, начинает казаться, что и до этого они какой-либо опасностью не являлись, так как, по словам местных жителей, дополнительные силы органов правопорядка начинали собираться около учебного заведения ещё за некоторое время до инцидента (фото прил.).

Совпадение? Или заговор? Не мне об этом судить и говорить, так как моя работа – просто предоставить на суд Вам информацию для раздумий, иной же “шторм” за Вами. Надеюсь наблюдать его в комментариях. На данный же момент – это всё, что мне удалось для Вас найти. Мы будем держать Вас в курсе дела, а Вы не прекращайте быть с нами. А именно с интернет-изданием “Жыццё Сегодня” и лично мной, Алесем Янчуком.

До новых поводов пообщаться.

[Спустя двадцать часов текст был полностью удалён с сайта; ещё спустя четыре часа статья, после основательной коррекции, вновь была добавлена на главную страницу интернет-издания.]

Письмо Алексея:

Здравствуйте, Никодим, извините, что так не официально, но сейчас ни к чему, потому буду писать так, надеюсь на понимание. В общем, сегодня, N-го июля 20N-го года я пишу это письмо вам, сообщая в нём всю ту информацию, о которой вы и просили. По крайней мере, ту, которую мне удалось собрать. В общем, касательно установки внутри Института: П.В.Н.Н. – она не единственная. Да. Это касается тех территорий, что Беларусь выкупает у иных стран под предлогом более тесного сотрудничества. Слышали? Ну так вот, всё не так просто: Опять же, путём воздействия на ноосферу удалось данный план внести в главные политические круги страны, ну а там уже дело за малым. Вы сами понимаете: теперь они строят свои филиалы Института, будто “поделиться” знаниями. Ну так вот, тут опять подвох – изначально на островах, о них больше узнайте сами, эта информация не скрыта, строятся как раз дополнительные машины идентичного типа, их энергосистемы и прочее. То есть расчёт сразу идёт на автономность. Но пока этого нет, почему из самого Института можно управлять уже построенными там прототипами – их строительство ещё не окончено, но их мощности уже достаточно для того, чтобы воздействовать на ноосферу. Но пока они зависимы. То есть ситуация не так критична... Ну, думаю, вы поняли. Касательно других моментов: к основной машине я пока полноправный доступ не имею. Но с отцом уже не в плохих отношениях, почему в ближайшее время ожидаю, так сказать, повышения. Мы с ним говорили касательно этого и на этой недели всё должно уже разрешиться. Об этом я вам также постараюсь рассказать как только, так сразу. Пока, правда, не знаю как. Я не могу с вами видаться и в будущем,

явно, тоже не смогу. Потому и это письмо и будущие буду пересылать через какого-либо человека или людей. Доверенных, понятно. Но знакомых у меня мало, потому этим я занимаюсь. Думаю, когда вы прочтёте это – вопрос будет уже решён.

В общем: касательно уничтожения машины – вряд ли, слишком большой механизм. Но это в физическом плане. Касательно же электроники – в этом вы знаете больше меня. Однако если я получу доступ к П.В.Н.Н., то смогу прибывать рядом с машиной в одиночестве. Но я не знаю, как путём воздействия на систему можно прекратить её действие, однако, если в вашем ответе вы всё объясните, думаю, у меня получится. Но иначе никак – только через меня, потому что к вам теперь отношение в кругах отца крайне настороженное: вы ещё не оправились от тюрьмы, я знаю потому, что отец знает: за вами следят. Вы не глупы, и тоже это понимаете, но всё равно скажу: будьте осторожней. Да, и это значит, что каким бы обширным не был процесс отключения прибора – вам всё равно придётся описать его, причём подробно, так, чтобы я понял и смог сделать. Надеюсь, вы понимаете: ситуация другого не позволяет.

К тому же удалось понять истинную цель отца. Круг приближенных к нему лиц и он сам в том числе уже давно разрабатывают план по созданию идеального общества. Как такового “золотого миллиарда”. Мой отец эту стратегию назвал Перфектум. Для исполнения поставленных целей им и нужны деньги, которые они получают от заказчика. Притом явно после того, как финансы в полном объёме будут у них, цели заказчика их волновать перестанут, а вот личные интересы станут на первое место. Что будет дальше – я не знаю, да и ещё рано говорить. Могу лишь сообщить, что я также теперь вхожу в круг людей, которым данная деталь известна, потому и далее буду сообщать по мере большего узнавания ситуации вам иную информацию.

В ином же вот что: заказчик – это сын умерших Инаевых. Деньги и “имя” у него имеются, потому, возвратив обратно демократию, в качестве главы мира он видит себя... Да, ещё одно, касательно мира: строящиеся дополнительные П.В.Н.Н. как раз потому и создаются в разных углах планеты, чтобы увеличить мощность сигнала и улучшить управляемость на дальних территориях – это так, к слову, вы наверняка это поймётё, когда сами... В общем. На данный момент это всё. Главное: пока революцию можно остановить, вы только сообщите мне, как, а дальше я уже сам всё постараюсь сделать. Инаев же ничего конкретного из себя не представляет, поэтому без нашей технологии он – ничто. Думаю, в будущем от меня ещё стоит ожидать писем. Но пока это всё.

Р.С. Письмо принесёт девушка Алина. Через два-три дня я явно получу личный доступ к П.В.Н.Н. Жду вашего скорого ответа. Алмыков Алексей.

Письмо Никодима:

Здравствуйте, Алексей. Да, конечно вы можете меня так называть. Честно говоря, я даже не ожидал, что всё же останетесь моим союзником. Этому факту я очень искренне рад. Вы большой молодец.

Я изучил вопрос касательно покупки островов. Конечно, ничего, кроме официальной информации по выкупу Медвежьих островов и острова Европа я не нашёл, но вы мне объяснили в своём письме достаточно, чтобы я понял, для чего в действительности проводится частичное терраформирование и прочие процедуры, для возможности жить на выкупленных у Таможенного и Европейского союзов территориях. Это и так кажется подозрительным... Хотя, с деньгами нашей страны я бы не удивился особо. Однако в данном случае проблема мне лично видится вот в чём: возможно, что из-за дополнительных машин подобного типа, придётся повременить с отключением всей системы. Просто тут есть два варианта. Как вы сказали, питающие энергией механизмы для иных двух машин ещё не готовы, поэтому такой большой объём требуемой энергии может исходить лишь от основной системы, то есть той, что в Институте. Тогда я вижу только два способа: первый – это все три машины подключены к главному блоку. Второй – это лишь машина Института подключена к главному блоку, а две другие – к двум вспомогательным генераторам, предназначенным для случая полного обесточивания. Однако второй вариант рискован, ибо в таком случае при каких-либо неблагоприятных для И.И.Н.И.М.П. обстоятельствах невозможно будет использовать основную машину: ее придется, или уже пришлось тогда, отсоединить от вспомогательных генераторов. Но всё может быть, так что нам следует для начала узнать, какой из двух вариантов действителен, или есть и вовсе третий.

Эту информацию требуется узнать вам, Алексей. В первом варианте удостовериться нетрудно: на главной внутренней панели регулировки потоков и получаемой электроэнергии внутри машины, об этом я расскажу подробнее, когда буду описывать, как отключить механизм. В общем, на главной панели тогда будут находиться три индикатора работы установки. Если же индикатор один, значит две другие машины подсоединены к дополнительным генераторам: они находятся на подземном уровне, который в платформе Второго этажа. Я не уверен, что делать в данном случае, ибо не знаю, как мог распорядиться ваш отец всё устроить там. Возможно, при таком стечении обстоятельств единственным способом отключить иные системы – будет обесточить сами генераторы или обрубить подведённые к ним кабели питания, что вообще почти невозможно в нашем положении, потому придётся их только обесточить, что также проблематично. Поэтому в данном случае я предлагаю вам более досконально изучить систему и после прислать мне ещё письмо с полным описанием устройства. Найдите любую информацию, откуда, куда и как поступает энергия, типы генераторов – я уверен, ваш отец их уже поменял на более новые установки после моего ухода. В общем – всё. Затем я что-нибудь придумаю, когда получу письмо, конечно...

Об ином же: касательно заказчика я так и думал. Но его я оставляю полностью на вас, так сказать. Думаю, с этой проблемой вы справитесь самостоятельно: просто не подпускайте его к установке. Вы, судя по вашим словам, в неплохом положении среди главных кругов Института, так что вам

это под силу. Собственно, вообще хорошо, что в таком положение у меня есть единомышленник... Хотя, это личное, прошу прощения.

Итак, теперь насчёт, как вы выразились, “уничтожения”. Этого делать не стоит, да и не получится. П.В.Н.Н. надо просто отключить. Когда вы получите единоличный доступ, вам необходимо будет в одиночку спустится на цокульный этаж комнаты управления. Там будет регулировочная, после же... (далее идёт детальное расписание всего процесса отключения воздействующего на ноосферу механизма).

Думаю, вы поняли специфику: вы умный человек. Всё это требуется сделать с первого раза, потому советую взять данное письмо с собой. И поторопитесь. Однако если есть вопросы, срочно спрашивайте тем же способом, которым мы с вами смогли сообщить сейчас: с вашим “курьером” я уже познакомился.

Касательно вопроса Перфектума ничего, честно, не знаю и вообще впервые слышу. Посему даже напуган. Однако вы уж постарайтесь узнать как можно больше, дабы эту, так сказать, вещь охарактеризовать для меня в деталях потребности самой Машины. То есть. Можем ли мы помешать этому плану, воздействовав на П.В.Н.Н.

Итак, Алексей, удачи вам. Надеюсь вскоре увидеться вживую.

Примечание:

- 1** - речь идёт о ритм-блюз композиции “Feeling good”.
- 2** - отсылка к песне “No church in the wild”, в которой главными темами речитатива были общество и революционные движения.
- 3** - герой вспоминает анимационный фильм 1988-го года “Акира”.
- 4** - речь идёт о возможной экранизации, которую по последним слухам в качестве продюсеров собираются курировать такие люди, как Кристофер Нолан и Леонардо ДиКаприо.
- 5** - отсылка на известное выражение комедиографа Плавта, написанное им в его комедии “Ослы”. Оригинал: (лат.) Homo homini lupus est, что переводится как “Человек человеку волк”.
- 6** - аллюзия на инициалы великого белорусского революционера Калиновского Константина Семёновича.
- 7** - отсылка к роману Уильяма Голдинга “Повелитель мух”, где главные герои, для того, чтобы говорить на общих сборах, брали в свои руки ракушку, напоминавшую по форме рог.
- 8** - (перевод) “Я не хочу придумывать или понимать причину. Я несчастна. Этого мне достаточно” – цитата из предсмертной записки пятнадцатилетней девушки, что была оставлена ею на её же электронной страничке в соц. сети перед самоубийством.
- 9** - Цитирование речи М.Ю. Лермантова, написанной им в качестве примечания к повести “Герой нашего времени”.
- 10** - цитирование фразы из манги “Голограф на радужном поле”, где тема жизни являет собой муку, проходящую через существование людей, в котором настоящей Жизнью можно назвать лишь секундные моменты красоты е столько человеческой, сколько мира вокруг них.
- 11** - отсылка на роман “Мир Мрака 2037”, написанный тем же автором, что и данный текст, где одна из глав несёт в себе данную фразу, как одну из основополагающих тем.
- 12** - речь идёт о картине русского художника Исаака Левитана (1860-1900), которая была написана им в 1895 году – именно в этом, ибо существует иная картина от того же мастера с тем же названием но 1896 года написания. Различия видны во многом, но в большей степени в детализации, почему автором и выбран первый вариант, что подчёркивает стремление Максима к особому слежению за деталями и нюансами.
- 13** - речь идёт о полотнах, и о самом художнике, Иеронима Босха: одного из ярчайших представителей изобразительном искусстве времён эпохи Возрождения, которую он переживал, пребывая на стороне Северного

Возрождения и переплетая в своих картинах гротескный стиль, эзотику средневековья, сюрреализм и многое иное.

14 - отсылка на китайского общественного и политического деятеля 20-ого века Мао Цзэдуна, являющегося одним из известнейших и вместе с тем ужаснейших диктаторов всех времён.

15 - отсылка к Джорджу Оруэллу и его книге "1984", в которой и присутствует текст, что произнёс, перефразировав, Максим.

16 - аллюзия на палату из романа Олдоса Хаксли, в которой умирала мать главного героя, там же он потерял последнюю толику веры в людей.

17 - цитирование импровизации Джо Пеши в фильме Мартина Скорсезе "Славные парни".

18 - отсылка на подобные акты самосожжения, совершённые тибетскими монахами, а также прочими представителями общества, в знак протеста против политических систем или ситуаций в разные временные периоды и между разными народами или государствами. Самыми известными случаями являются самосожжение Тхить Куанг Дыка в июне 1963-го года и аналогичный акт, предпринятый Яном Палахом в январе 1969-го года.

19 - Славянский знак "Перун" - талисман, дарующий победу, мужество и успех. Очищает землю от нечестии, возвращает плодородие, приносит достаток и богатство в дом.

20 - цитирование фразы Сократа из сочинения Платона "Апология Сократа".

21 - отсылка на произведение Александра Солженицына "Один день Ивана Денисовича", где рассказ ведётся об одном дне из жизни советского заключённого.

22 - отсылка к роману Уильяма Голдинга "Повелитель мух", где герой мальчишка Джек, обзаведясь властью, чуть ли не привёл иных мальчишек, выходцев из благородного общества, к существованию в социуме первобытного строя.

23 - речь идёт о событиях 8 сентября 1978 года, когда на площади Жале, в ходе Исламской революции, в центре Тегерана были расстреляны сотни людей-демонстрантов.

24 - аллюзия на роман Олдоса Хаксли "О дивный новый мир".

25 - аллюзия на роман Джорджа Оруэлла "1984".

26 - речь идёт об экранизациях романа 1956 и 1984-ых годов, в качестве третьего фильма имеется в виду будущая возможная экранизация.

27 - отсылка к фильму Стэнли Кубрика "Цельнометаллическая оболочка".

28 - отсылка к Тевтонскому ордену и Крестовым походам, провозглашаемыми римскими папами.

- 29** – аллюзия на одноименную серию комиксов и сериал.
- 30** – аллюзия на культовый мультфильм 1982-го года “Pink Floyd The Wall”.
- 31** – речь идёт о Мэри Поппинс: няне-волшебнице, героине сказок Памелы Трэверс.
- 32** – альтернативное название периода с середины 60-ых по середину 80-ых годов в СССР. О данном периоде в тексте и идёт речь.
- 33** – цитирование диалога, между героем Вуди Аллена и героиней Дайаны Китон из фильма 1977-го года “Энни Холл”.
- 34** – отсылка на роман Джорджа Оруэлла “1984”.
- 35** – цитирование текста из песни группы BRUTTO “Родны край”.
- 36** – отсылка на аниме и мангу Врата Штейна, созданную на основе одноименной игры.
- 37** – отсылка на фразу Хамфри Богарта из классической киноленты жанра нуар 1941-го года, чьё название “Мальтийский сокол”.
- 38** – отсылка на слова Льва Николаевича Толстого, что в оригинале звучат так: “Делай, что должно, и будь, что будет”.
- 39** – аллюзия на Мартина Лютера Кинга и его знаменитое начало речи: “У меня есть мечта...”.
- 40** – отсылка переправе польских улан через реку Нёман при приезде императора Наполеона к их войскам с осмотром.
- 41** – отсылка на роман Льва Толстого “Война и Мир” да одно из первых сражений, описанное там, где князя Андрея Болконского, рвущегося в бой, ранят, а затем его обнаруживает сам Наполеон.
- 42** – отсылка к творению французского философа Вольтера “Кандид или Оптимизм”.
- 43** – вновь отсылка на “Кандид или Оптимизм” Вольтера.
- 44** – ссылка на персонажа сэра Артура Конана Дойля, описанного им в книге о приключениях Шерлока Холмса “Этюд в багровых тонах” 1886 года.
- 45** – отсылки к роману Артура Конана Дойля из серии о приключениях Шерлока Холмса – “Знак четырёх”.
- 46** – ссылка на одноименного персонажа советского одноимённого фильма 1975 года Афанасия Борщёва, в исполнении Леонида Куравлёва.
- 47** – аллюзия на Сергея Пантелеевича Мавроди – создателя акционерного общества “МММ”, ввиду чьего обмана в 90-ых годах прошлого века на территориях постсоветского пространства пострадало в финансовом плане огромное количество людей.

- 48** – отсылка на фильм Фрица Ланга “Метрополис” 1927-го года, где Фредер, когда притворялся обыкновенным рабочим, носил шапку с таким номером.
- 49** – отсылка на концовку диалога Хана Соло и безызвестного штурмовика в киноленте “Звёздные войны: Новая надежда” 1977-го года.
- 50** – аллюзия на название романа Эрнеста Хемингуэя “Прощай оружие”.
- 51** – цитирование слов Льва Николаевича Толстого, которые были написаны им в романе-эпопее “Война и мир”.
- 52** – аллюзия на гейм-дизайнера Стивена Сикиола, ответственного за такие проекты как, например, “Deus Ex: Human Revolution”.
- 53** – отсылка на первый том графического романа 2000-ого года “Блэксэд” за авторством Хуана Диаса Каналеса, сценарий, и Хуанхо Гуарнидо – рисунок.
- 54** – отсылка на одного из героев фильма Фрица Ланга “Метрополис” 1927-го года, который был сыгран Альфредом Абелем и в кино представлял из себя властного хозяина города Метрополис.
- 55** – отсылка на роман Германа Мелвилла “Моби Дик, или Белый кит” 1851-го года.
- 56** – отсылка на коллекцию марок республики Сьерра-Леоне, выпущенную в 1996-ом году, одно из изображений которых было посвящено творению Германа Мелвилла – Michel block № 314.
- 57** – ссылка на известного американского писателя Стивена Кинга; конкретно в данном тексте герою вспоминается его произведение под названием “Туман” 1980-го года.
- 58** – ссылка на известного американского кинорежиссёра, создателя классического хоррора, Джорджа Ромеро.
- 59** – отсылка на роман Германа Мелвилла “Моби Дик, или Белый кит”, где главного героя звали Измаил.
- 60** – ссылка на английского писателя сэра Артура Конана Дойла, в данном момент под его творениями понимается цикл романом и рассказов о детективе Шерлоке Холмсе.
- 61** – цитирование фразы, сказанной Атласом в полнометражном аниме-фильме Ринтаро “Метрополис” 2001-го года, основанном на одноимённой манге Осаму Тэдзуки.
- 62** – аллюзия на действия тевтонского ордена с 12-го по 15-ый век, когда он путём воинственных действий принуждал языческий и иные народы к уверыванию в католическую церковь, христиаский религиозный орден и Папу Римского.
- 63** – отсылка на русскую народную сказку “Поди туда, не знаю куда”.

- 64** – отсылка на поэтическое произведение Леонида Филатова 1985-го года написания “Про Федота-стрельца, удалого молодца”.
- 65** – отсылка на фильм Фрица Ланга 1927-го года выпуска “Метрополис”, который начинается и заканчивается фразой: “Между умом и сердцем должен быть посредник”.
- 66** – отсылка на известный короткометражный мультфильм студии “Союзмультфильм” “Ёжик в тумане” 1975-го года.
- 67** – отсылка на рассказчика романа Кена Кизи “Пролетая над гнездом кукушки” 1962-го года, мистера Бромдена, являющегося по совместительству и одним из основных героев книги.
- 68** – отсылка на кинофильм 1927-го года “Метрополис”, Фрица Ланга, а именно его героя – изобретателя Ротванга: человека, создавшего искусственную Марию – робота-человека.
- 69** – отсылка на роман Кена Кизи “Пролетая на гнездом кукушки” 1962-го года.
- 70** – отсылка на монолог Роя Батти, героя фильма “Бегущий по лезвию”, исполненного Ритгером Хауэром, в конце фильма Ридли Скотта 1982-го года.
- 71** – отсылка на цикл романов и рассказов сэра Артура Конана Дойля о Шерлоке Холмсе, в которых фигурировала собака с данной кличкой: к её услугам ищейки “прибежал” детектив в некоторых своих расследованиях.
- 72** – отсылка на персонажа мультипликационного сериала и одноимённой серии комиксов “Over the Garden Wall” 2014-2015-го года, озвученного Мелани Лински.
- 73** – отсылка на роман Джорджа Оруэлла “1984”, а именно на одного из главных героев – Большого Брата, символа непоколебимости системы и партии.
- 74** – отсылка на роман Кена Кизи “Пролетая над гнездом кукушки” 1962-го года, а именно одного из его главных героев – Старшую сестру отделения лечебницы для психически больных людей, где и разворачиваются основные события романа.
- 75** – название как такового синдрома, проявляющегося в том, что человек не желает видеть в человеке или обществе каких-либо отрицательных сторон характера.
- 76** – отсылка на роман Фрэнсиса Скотта Фицджеральда 1925-го года “Великий Гэтсби”.
- 77** – отсылка на кинофильм 2010-го года “Черный лебедь” Даррена Аронофски.
- 78** – отсылка на графический роман Алана Мура “Хранители” 1986-1987-го годов издания, а именно на его героев: Ночную Сову первого и второго “поколения”.

79 – отсылка на первый эпизод сериала “Светлячок” 2002-2003-го года.

80 – отсылка, а точнее, цитата фразы из полнометражного аниме –фильма 2001-го года “Метрополис” Ринтаро.

81 – название башни из библейского предания, изложенного в 11-ой главе книги Бытия.

82 – отсылка на роман Кена Кизи “Пролетая над гнездом кукушки” 1962-го года.

83 – отсылка на анимационный сериал в стиле аниме, а также одноимённую мангу, “Психо-паспорт” 2011-го года – по наши дни.